

ОПЫТЪ БИОГРАФИИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Родословная Гоголя. — Первые поэтическія личности, напечатавшіяся въ душѣ его. — Характеристическая черты и литературныя способности его отца. — Первые вліянія, которыми подверглись способности Гоголя. — Пребываніе Гоголя въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. — Дѣтскія проказы его — Первые признаки литературныхъ способностей. — Школьная журналистика. — Спесивческія способности Гоголя въ дѣтствѣ. — Страсть къ кни-
гамъ. — Письма Гоголя изъ Гимназии къ г. В*** и къ матери. — Описаніе родного хутора Гоголя.

По дворянскому протоколу Гоголя, роль его восходитъ ко временамъ извѣстнаго полковника подольского и потомъ гетмана небольшой армии казаковъ, Остапа Гоголя, о которомъ впервые упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1655 годомъ, при описаніи битвы на Дрижаполѣ.

Странно, однажды, что въ этомъ документѣ полковникъ Гоголь названъ Андреемъ и получаетъ въ 1674 году привилегію на владѣніе деревнею Ольховцемъ отъ польскаго короля Яна Казимира, который за шесть лѣтъ передъ тѣмъ отрекся отъ престола. Не зная, какъ объяснить такую несообразность, вишущій эти строки все-таки думаетъ, что это — преданіе о полковникѣ Остапѣ, исказженное въ канцеляріяхъ гетманской

Малороссії, ибо до сихъ порть ни въ одномъ извѣстномъ доку-
ментѣ не встрѣтилось не только полковника Андрея Гоголя, но
и никакого другого полковника Гоголя, кромѣ Остапа. Далѣ-
въ протоколѣ говорится, что полковой писарь (¹) Афанасій Го-
голь (дѣдъ нашего поэта), въ доказательство своихъ правъ въ
дворянство, представилъ документы на имѣнія, перешедшія къ
нему отъ дѣда жены его, полковника Танского, и тестя, бунчу-
ковскаго товарища Семена Лизогуба. Неизвѣстно, какъ велики
были эти имѣнія, но въ протоколѣ говорится, что они находи-
лись въ мѣстечкахъ Липлявомъ, Бубновѣ, Келебердѣ и деревнѣ
Рѣшоткахъ. (²)

Что касается до предковъ Гоголя по женской линіи, то пол-
ковникъ кіевскій Антонъ Танскій происходицъ отъ извѣстной
польской фамиліи этого имени и оставилъ Польшу въ то время,
когда Петръ Великій вооружился противъ претендента на поль-
скій престолъ, Лещинскаго. Онъ усердно служилъ Петру въ
шведской войнѣ и занималь всегда одво изъ самыхъ видныхъ
мѣстъ между малороссійскою старшиною. Прадѣдъ поэта Се-
менъ Лизогубъ происходицъ отъ генерального обознаго Якова
Лизогуба, извѣстнаго тоже въ царствованіе Петра Великаго и
его преемниковъ; а его мать, Марья Ивановна, была дочь наль-
ворнаго совѣтника Косяровскаго, какъ это видно изъ его метри-
ческаго свидѣтельства. (³) Такимъ образомъ, Гоголь, по своей
родословной, принадлежалъ къ высшему сословію въ Малорос-
сії и въ числѣ своихъ предковъ могъ считать нѣсколько лично-
стей, хорошо памятныхъ исторій.

Замѣтимъ, что полковникъ Остапъ, игравшій роль посла въ
Турцію, полковникъ Танскій, знатный шляхтичъ польскій, въ
Яковъ Лизогубъ, генеральный обозный (то есть генераль-
фельдъ-цехмейстеръ), — все это должны были быть образо-
ванийшіе люди своего времени. Чѣмъ касается до дѣдушки
поэта, полкового писаря (⁴), то уже одно это званіе показы-
ваетъ, что онъ могъ получить образование въ Кіевской Духов-

(¹) Старинный малороссійскій чинъ, соотвѣтствовавшій майору.

(²) Все это въ Полтавской губерніи.

(³) См. въ приложенияхъ къ статьѣ г. Гаевскаго: «Замѣтки изъ
Біографіи Гоголя». (Современникъ 1852 года, № 10).

(⁴) Въ метрическомъ свидѣтельствѣ Гоголи дѣдъ его уже называлъ
майоромъ.

ной Академии или по крайней мѣрѣ въ одной изъ семинарій, которые занимали тогда мѣсто изнѣшнихъ гимназій, и кто знаетъ, не изъ его ли рассказовъ заимствованъ Гоголь разныя обстоятельства жизни стариннаго бурсака, находимыя нами въ его повѣсти «Вѣй»? Если это и не такъ, то можно сказать почти наизвѣсное, что съ него есть рисовалъ своего идеализированнаго Аѳанасія Ивановича. Въ такомъ случаѣ, приложимъ нѣсколько строкъ, обрисовывающихъ дѣя личности (Аѳанасія Ивановича и его жену), имѣвшія, такъ или иначе, влияніе на образованіе души нашего поэта въ то время, когда она легко поддавалась всякому вліянію.

«Аѳанасію Ивановичу было шестдесять лѣтъ, Пульхерія Ивановна пятьдесать-пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ барашевъ тулупчики, покрытомъ камелотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывая мнѣ просто слушаль. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серѣзна, почти никогда не смигдалась; но изъ лицъ и въ глазакъ ей было написано столько доброды, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вѣрно, нашли бы улыбку уже черезъ-чуръ приторною для ея доброго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ вѣрою бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи.... Когда-то въ молодости Аѳанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, быть послѣ секунда-майоромъ; но это было очень уже давно.... Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріезжавшихъ къ нему, иногда и самъ говорилъ, но болѣе распрашивалъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые налобѣдаютъ вѣчными похвалами старому времени, или порицаніями новаго; онъ, напротивъ, распрашивая ихъ, показывалъ большое любопытство въ участіе къ обстоятельствамъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ, которыми обыкновенно интересуются всѣ добрые старики.... Тогда лицо его, можно сказать, дышало лоботою.... Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было тѣ, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность

такъ кротко выражались на ихъ лицахъ , такъ шли къ немъ , что поневолѣ соглашался на ихъ просьбы. Онъ были съѣстіе чистой , ясной простоты ихъ добрыхъ , безхитростныхъ душъ». (1)

Сынъ полкового писаря Василій Аѳанасьевичъ Гоголь , отецъ поэта , былъ человѣкъ весьма замѣчательный. (2) Онъ обладалъ даромъ рассказывать занимательно о чемъ бы ему ни вздумалось и приправлять свои рассказы врожденнымъ малороссійскимъ комизмомъ. Во время рожденія Николая Васильевича (3) , онъ имѣлъ уже чинъ коллежскаго ассесора , что въ провинціи — въ еще въ тогдашней провинціи — было рѣшительнымъ доказательствомъ , во первыхъ , умственныхъ достоинствъ , а во вторыхъ , бывалости и служебной дѣятельности. Это уже одно заставляетъ насъ предполагать въ немъ извѣстную степень образованности — теоретической или практической , все равно ; но , кроме того , мы имѣемъ еще другое доказательство высшаго умственнаго его развитія , о чемъ будетъ сказано ниже. Такимъ образомъ занимательность его разсказовъ объясняется не однѣмъ врожденнымъ краснорѣчіемъ : онъ много зналъ , много видѣлъ и много испыталъ — это не подлежитъ сомнѣнію. Но какъ бы то ни было , только его небольшая наслѣдственная деревня Яновщина , или — какъ она называется теперь въ околоткѣ — Васильевка , сдѣлалась центромъ общественности всего околотка . Гостепріимство , умъ , краснорѣчивая говорливость въ

(1) «Старосвѣтскіе помѣщики» , въ «Сочиненіяхъ Николая Гоголя» , т. II , стр. 13 , 15 , 29—30.

(2) Если читатель встрѣтить здесь нѣкоторыя уже знакомыя страницы , то пускай это его не удивляетъ : онъ принадлежать автору настоящаго «Опыта» , гдѣ бы ни были прежде напечатаны.

(3) По показанію матери поэта , онъ родился въ 1810 году , 19 марта , въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ . Она еще при жизни сына говорила , что онъ «прибавляеть себѣ лѣта.» Можетъ быть , будущему бiографу Гоголя полезно будетъ знать для какихънибудь соображеній , что мать Гоголя имѣла дѣтей до его рожденія , но ни одинъ ея ребеноокъ не жилъ болѣе нѣсколькихъ дней . Поэтому , въ ожиданіи новыхъ родовъ , она перѣхала въ Сорочинцы , гдѣ жилъ знаменитый въ то время малороссійскій врачъ Трофимовскій . Между прочимъ она дала обѣтъ , если родится у нея сынъ , названивать его Николаемъ , въ честь чудотворного образа , называвшагося Николаемъ Диканьскимъ . Эти нѣробности сообщилъ мнѣ М. А. Максимовичъ , близко знакомый съ мѣйствомъ поэта .

рѣдкій комизмъ хозяина привлекали туда близкихъ и далекихъ сосѣдей. Тутъ-то бывали настоящіе «вечера на хуторѣ», которые Николай Васильевичъ, по особенному обстоятельству, помѣстя возлѣ Диканьки (*); тутъ-то онъ видалъ этихъ неистощищихъ балагуровъ, этихъ оригиналовъ и деревенскихъ франтовъ, которыхъ изобразилъ потомъ, нѣсколько окаррикатура, въ своихъ несравненныхъ предисловіяхъ къ повѣстямъ Рудого Панька.

Надобно быть жителемъ Малороссіи, или, лучше сказать, малороссійскихъ захолустій, лѣтъ тридцать назадъ, чтобы постигнуть, до какой степени общій тонъ этихъ картинъ вѣренъ дѣйствительности. Читая эти предисловія, не только чуешь знакомый складъ рѣчей, слышишь родную интонацію разговоровъ, но видишь лица собесѣдниковъ и обоняешь напитанную запахомъ пироговъ со сметаною или благоуханіемъ сотовъ атмосферу, въ которой жили эти прототипы гоголевской фантазіи.

Вообще въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Гоголь нарисовалъ многое, что окружало его въ дѣствѣ, почти въ томъ видѣ, какъ оно представлялось глазамъ его. Тутъ еще не было художественного сліянія въ одно предметовъ, разбросанныхъ по цѣлому міру и набранныхъ поэтическою памятью въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена. Поэтому его «Вечера на Хуторѣ» и нѣкоторыя пьесы въ «Миргородѣ» и въ «Арабескахъ», при всей незрѣлости своей, имѣютъ для насть теперь особенный интересъ. Тутъ изъ за картинъ выглядываетъ самъ художникъ, тогда какъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ онъ, силою своего таланта, поставилъ изображенныя имъ лица, предметы и события въ всякаго сближенія съ своею домашнею жизнью. (**) Здѣсь онъ дитя, невольно высказывающееся въ своей наивности; тамъ онъ мужъ, безпристрастно и вслѣдствіе высшихъ соображеній выражаютій поэтическія истины. Малороссійскіе помѣщики прежняго времени жили въ деревняхъ своихъ весьма просто: ни въ устройствѣ домовъ, ни въ одеждахъ не было у нихъ большой заботы о красотѣ и комфорѣ. Поющія двери, глиняные полы и экипажи, дающіе своимъ звя-

(*) Миргородского уѣзда Полтавской губерніи.

(**) Кроме развѣ оригинальныхъ украшеній языка, съ которыми онъ никогда не могъ разстаться.

кальемъ знать приватику о прибывшемъ гостинъ, — все это должно быть такъ и въ действительности тоголева дѣтства, какъ оно представлено имъ въ жизни старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Это не кто другой, жакъ онъ самъ вѣтгаль прозабыть въ сѣни, ходячъ въ лапши и слышаю въ скрипѣніи двери : «батюшки я зябну.» Это онъ вперялъ глаза въ садъ, изъ которого глядѣла сквозь растворенное окно майская темная ночь, когда на столѣ стоялъ горячій ужинъ и мелькала одинокая свѣча въ старинномъ подсвѣчнике. Покрыта зеленою пѣсенью крыша и крыльцо, лишненное штукатурки, представлялись его глазамъ, когда онъ, деревхавъ пажити, лѣзуція въ экипажъ, приближался къ родному дому, и старосвѣтские помѣщики были портреты почтенной четы отходящихъ изъ нашего мира старичковъ, которые мирно живено, исполненной тихой любви и довѣрства, ледѣли дѣтское сердце поэта, какъ теплая, согревающая осень лѣтѣть молодые посѣбы. И если онъ отъ своего отца и его досужихъ собесѣдниковъ позаимствовалъ оригиналную, истинно малороссійскую манеру балагурить, то, безъ сомнѣнія, охлажденныя старостью рѣчи прототиповъ Леонасія Ивановича и Пулькера Ивановны заронили въ его душу сѣмена серьезныхъ убѣжденій и нравственности, развивавшіяся въ немъ всримо для міра наравыть съ даромъ овладѣвать разсѣянныи умомъ падкаго на смѣшное читателя. Дѣтскія письма его покажутъ, какъ рано въ немъ скрывались высокія стремленія къ пользѣ ближняго, оказавшіяся внослѣдствіи подкладкою его юмористическихъ произведеній. Но не будемъ забѣгать впередъ и посмотримъ еще на обстановку дѣтскихъ лѣтъ поэта, поговоримъ о вліяніяхъ, содѣйствовавшихъ складу его ума и предизвѣстившихъ направленіе, по которому онъ долженъ былъ пойти въ зреломъ возрастѣ. При его впечатлительности ничто не оставалось для него постороннимъ, до него некасающимся. Вотъ какъ разсказываетъ самъ онъ о своемъ жадномъ любопытствѣ, цакодившемъ пищу во всемъ, чтѣ представлялось его взорамъ :

«Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мы было весело подѣлѣжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту; все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздиный городничко, седо ли, свободы, любопытного много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный

взглядъ. Всакое страденіе, все, что носило только на себѣ напечатлѣнныя какои-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня в поражало. Каменный лин, кирпичный домъ, известной архитектуры... круглый лин, превысившій куполь, весь обитый листовымъ желѣзомъ, золотистый ладъ выбѣленною какъ снѣгъ, новою церкою, рынокъ лин, францъ ли уѣздный, появившійся среди города — ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія, и высунувши юсь изъ походной телеги своей, я глядѣть и на неизданный дотолѣ покрой какого-нибудь бѣднаго сиртука и на деревянные ющики съ гвоздями, съ ѿстрой, жестившей вѣли, съ изюмомъ и шыломъ, щелькавшіе изъ дверей своюю лавку выбѣсти съ банками высохшихъ московскихъ конфетъ, глядѣть и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго Богъ знаетъ изъ какой губерніи на уѣздную скучу, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, и уносился мысленно за ними. Уѣздный чиновникъ проѣхалъ мимо — я уже и задумывался: Куда онъ идетъ? на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не со всѣмъ еще сгостились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ, съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей, и о чемъ будетъ ведень разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ менистакѣ, или мальчикъ въ толстой курткѣ, принесетъ, уже посль супа, сальную сѣчу въ долговѣчномъ сальномъ подевѣчикѣ. Подъѣзжая къ деревни какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣть на высокую, узкую деревянную колокольню, или широкую, желтую деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлые трубы помѣщичьего дома, и я ждалъ нетерпѣливо, покуда разойдутся на обѣ стороны запутавшіе его сады; и онъ покажется весь съ своею тогда, увы! вовсе не пошлию наружностью, и по немъ старался я угадать, кто таинственная сама помѣщикъ, томѣтъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей съ звонкими лѣвическими смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшою сестрицей, и черноглазы ли онъ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмурень какъ сентябрь въ посыпахъ числахъ, глядѣть въ календарь, да говорить про скучную для юности рожь и пшеницу.» (*)

(*) «Мертвые Души», изд. 1848, стр. 207—9.

Таковъ былъ Гоголь-ребенокъ. Если бы судьба бросила его въ міръ круглымъ сиротою, то съ этимъ инстинктомъ всматриваться во все его окружающее, съ этимъ даромъ по видѣнію угадывать невиданное, и изъ отдѣльныхъ, несвязанныхъ частей строить цѣлое, онъ во всякомъ случаѣ сдѣлялся бы, такъ или иначе, художникомъ. Пускай бы онъ родился въ самомъ монотонномъ уголкѣ Россіи, посреди какихъ нибудь зырянъ или калмыковъ: онъ и тамъ высосалъ бы изъ родной почвы сока для цветовъ воображенія и плодовъ мыслящаго духа. Но судьба назначила ему увидѣть свѣтъ въ странѣ, по замѣчанію Линнея, самой разнообразной естественными произведеніями, и посреди племени, одареннаго всѣми видозмѣненіями чувствъ, — у котораго пѣсня звенитъ вся отъ начала до конца богатыми риѳмами — чистый благородный металлъ поэзіи — и каждымъ почти словомъ задѣваетъ воображеніе. Небо сияетъ въ ней мѣсяцемъ въ звѣздами надъ дворомъ «красной дивчины»; роза плаветь по водѣ, эмблематически выражая потерю цветущей молодости; отъ яркости нарядовъ красавицы вспыхиваетъ дуброва, черезъ которую она бѣдетъ къ суженому; влюбленная казачка молитъ Бога собрать ея вздохи, какъ цветы, и поставить у изголовья «милаго», чтобы онъ, проснувшись, вспомнилъ о ней. А пѣсни матерей и жонъ бывшаго воинственного сословія! а мужественные рапсодіи бацдуристовъ, звучащія крѣпкою рѣчью, унылыми и вмѣстѣ торжественными! каково такая поэзія должна была подействовать на душу будущаго автора «Тараса Бульбы» и живописца украинской природы!

Этого мало. Онъ рождается въ семействѣ, отдѣленномъ только однимъ или двумя поколѣніями отъ эпохи казацкихъ войнъ, этого огня, припаявшаго его родину къ крѣпкому, родственному ей составу сѣверной Россіи. Отъ своего дѣда онъ могъ слышать еще свѣжія, полныя живого интереса устныя преданія о томъ, что записано въ лѣтописяхъ. Слѣды этого сохранились въ повѣсти о «Пропавшей грамотѣ», разсказанной отъ лица балагура-дѣячка. Авторъ, набросивъ на себя, по обыкновенію, покровъ шутливости, говоритъ съ чувствомъ, явно искреннимъ:

«Эхъ старина старина! что за радость, что за разгулье падеть на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно — 100 года ему и мѣсяца нѣть — дѣядось на свѣтѣ! А какъ еще шу-

тается какой нибудь родичъ, лѣдъ или прадѣлъ — ну, тогда и рукой махни. Чудится, что вотъ-вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или прадѣдовская душа шалитъ въ тебѣ....»

Самая легкія черты старинной Малороссіи, разбросанныя у него — не говорю уже въ «Тарасѣ Бульбѣ», но и въ мелкихъ рассказахъ и отрывкахъ — дѣшутъ именно такою истинною, «какъ будто онъ залѣзъ въ прадѣловскую душу» и видѣть сквозь нее собственными глазами своего предка Остапа Гоголя. Въ немъ *всё* замѣтно этого правильнаго, полнаго изученія старины, на которое опирается родственная ему фантазія Вальтера Скотта; онъ говорить вещи, извѣстныя и мнѣ и другому и десятому, но говорить ихъ такъ, что въ каждой его фразѣ вѣтъ не нашъ воздухъ и въ складѣ его рѣчи чуешь присутствіе дѣйствительности. Видно, что онъ былъ пораженъ въ дѣтствѣ не событиями старины, которые случалось ему слышать, а общимъ характеромъ этихъ событий, и чувство, впечатлѣвшееся тогда въ его сердце, сообщало потомъ всему, чего онъ ни касался своею кистью, тотъ свѣтъ, въ которомъ его дѣтскому воображенію представлялась старина. (*)

Такимъ образомъ обстоятельства дѣтства поэта и первыя впечатлѣвія, которыя онъ долженъ былъ получить отъ окружающей его природы и людей, благопріятствовали будущему развитію его таланта, надѣляя его свѣжими, живыми, цвѣтистыми материалами. Довольно было работы для дѣтскаго ума, пока онъ вобралъ въ себя образы и впечатлѣнія, которые послѣ такъ свѣжо явились въ его картинахъ «буколической», какъ онъ самъ называетъ, жизни малороссійскихъ помѣщиковъ и въ изображеніяхъ того, что онъ видѣть только духовными своими глазами въ дѣтствѣ. Впослѣдствіи сцена его наблюденій и воспріимчивости расширилась еще болѣе. Въ сосѣдствѣ деревни Васильевки, именно въ селѣ Кубинцахъ (**), поселился извѣст-

(*) Когда М. А. Максимовичъ говорилъ съ нимъ о томъ, что хорошо бы было бы, еслибы онъ описалъ свое путешествіе въ Палестину, онъ отвѣчалъ: «Можетъ быть, я описалъ бы все на четырехъ листкахъ, но я желалъ бы написать это такъ, чтобы читающій слышалъ, что я былъ въ Палестинѣ.»

(**) Недалеко отъ знаменитаго мѣстечка Сечинцы, сцены первой повѣсти Гоголя въ «Вечерахъ на Хуторѣ.»

ный Дмитрій Прокофьевичъ Трошинскій, геній своего рода, кото-
рый изъ бѣднаго казачьяго мальчика умѣлъ своими способно-
стями и заслугами возвыситься до степени министра юстиціи.
Уставъ на долгомъ пути, почтенный старецъ отдыхалъ въ сель-
скомъ уединеніи посреди ближнихъ своихъ домашніхъ и земля-
ковъ. Отецъ Гоголя былъ съ Трошинскимъ въ родствѣ во женѣ
своей и находился съ нимъ въ самыхъ пріятельскихъ отноше-
ніяхъ. Такъ и должно было случиться неизбѣжно. Оригиналь-
ный умъ и рѣдкій даръ слова, какими обладалъ родственникъ-
еосѣль, были оцѣнены вполнѣ воспитанникомъ высшаго сто-
личнаго круга. Съ своей стороны Василій Асанасьевичъ Гоголь
не могъ найти ни лучшаго собесѣдника, какъ бывшій министръ,
ни обширнѣйшаго и болѣе избраннаго круга слушателей, какъ
тотъ, который собирался въ дому государственного человѣка,
отдыхавшаго на родинѣ послѣ долгихъ трудовъ. Тотъ и другой
открыли въ себѣ взаимно много родственнаго, много общаго,
много одинаково интересующаго.

Въ то время Котляревскій только что выступилъ на сцену
съ своею «Наталию Полтавкою» и «Москалемъ-Чаривникомъ»,
пьесами, до сихъ поръ неисключенными изъ репертуара про-
винціальныхъ и столичныхъ театровъ. Комедія изъ родной
сферы, послѣ переводовъ съ французскаго и нѣмецкаго, попра-
вились малороссіянамъ, и не одинъ богатый помѣщикъ устрои-
валъ для нихъ домашній театръ. То же сдѣлалъ и Трошинскій.
Собственная ли это его была затѣя, или отецъ Гоголя приду-
малъ для своего патрона новую забаву — не знаемъ, только
старикъ-Гоголь былъ дирижеромъ такого театра и главнымъ
его актеромъ. Этого мало: онъ ставилъ на сцену пьесы собст-
веннаго сочиненія на малороссійскомъ языке.

Къ сожалѣнію, все это считалось не болѣе, какъ шуткою, и
никто не думалъ сберегать игравшіяся на кибинскомъ театрѣ
комедіи. Единственные слѣды этой литературной дѣятельности
мы находимъ въ эпиграфахъ къ «Сорочинской Ярмаркѣ» и къ
«Майской Ночи». Между этими эпиграфами есть вѣроятно сти-
ховъ изъ Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго, которыхъ
имена подъ нами и подписаны. Подъ остальными сказано толь-
ко: «изъ малороссійской комедіи». Сколько мнѣ известна пе-
чатная и письменная малороссійская литература до появленія
«Вечеровъ на Хуторѣ», эпиграфы эти не принадлежать ни одной

шьсъ. То же самое должно сказать и о двухъ эпиграфахъ къ «Сорочинской Ярмаркѣ», подъ которыми подписано: «изъ ста-ринной легенды» и «изъ простонародной сказки». Весьма быть можетъ — прямыхъ доказательствъ я не имѣю — что все это отрывки изъ сочинений гоголева отца. Всегда быть окружены литературною и театральною сферою, и такимъ образомъ тогда уже былъ для него намѣченъ предстоявший ему путь. Онъ, можно сказать, подъ домашнимъ кровомъ получилъ первые уроки декламации и сценическихъ приемовъ, которыми впослѣдствіи восхищалъ близкихъ своихъ пріятелей.⁽¹⁾ Онъ вступилъ въ первое учебное заведеніе уже съ ясными понятіями о литературѣ. Дѣйствительно, въ Нѣжинской Гимназіи мы находимъ его уже прямымъ писателемъ, даже журналистомъ и отличнымъ актеромъ.

Однакожь, прежде, нежели разскажемъ, какъ все это было, мы должны вспомнить, для точности своего повѣстованія, что Гоголь получилъ первоначальное воспитаніе въ Полтавскомъ повѣтовомъ училищѣ, по окончаніи которого былъ два года въ первомъ классѣ Полтавской Гимназіи⁽²⁾, а оттуда уже поступилъ сперва своекоштнымъ пансионеромъ, а черезъ годъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, что вынѣ Нѣжинскій Лицей. Причиною этого перевода были особенные права, присвоенные Нѣжинской Гимназіи, а можетъ быть, и смерть младшаго гоголева брата, Ивана, въ Полтавѣ.

Гоголь былъ нѣжно привязанъ къ брату и упоминалъ о немъ съ глубокимъ чувствомъ въ бесѣдахъ съ друзьями своего дѣтства. Изъ всѣхъ героеvъ своихъ повѣстей ни о комъ никогда не писалъ онъ съ такой любовью, чуждою комического покрова, какъ обѣ Андреѣ.⁽³⁾ Можетъ быть, его, прекрасного и въ без-

(1) Во время пребыванія Гоголя въ Римѣ, одинъ изъ русскихъ художниковъ, вслѣдствіе продолжительной болѣзни, впалъ въ крайне-затруднительныя обстоятельства. Гоголь, чтобы скольконибудь помочь ему, пока подоспѣть пособіе съ родины, читаль за деньги, въ пользу его, своего «Ревизора» для всѣхъ русскихъ, находившихся тогда въ Римѣ.

(2) Тогда гимназіи имѣли только четыре класса.

(3) Въ «Тарасѣ Бульбѣ».

жизненномъ видѣ, оставилъ онъ намъ памятникомъ братской любви своей и долгихъ сожалѣній.

Теперь мы приблизились къ той порѣ жизни, о которой воспоминанія его соучениковъ ясны и живы. Гоголь представляется намъ красивымъ блокурымъ мальчикомъ, въ густой зелени сада Нѣжинской Гимназіи, у водь поросшей камышемъ рѣчки, надъ которой взлетаютъ чайки, возбуждавшія въ немъ грэзы о родинѣ. Онъ — любимецъ своихъ товарищъ, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость; во между ними немногихъ только, и самыхъ лучшихъ по нравственности и способностямъ, онъ избираетъ въ товарищи своихъ ребяческихъ затѣй, прогулокъ и любимыхъ бесѣдъ, и эти немногіе пользовались только въ нѣкоторой степени его довѣріемъ. Онъ многое отъ нихъ скрывалъ, по видимому, безъ всякой причины, или облекалъ таинственнымъ покровомъ шутки. Рѣчь его отличалась словами малоупотребительными, старинными или насыщеннымъ; но въ устахъ его все получало такія оригиналныя формы, которыми нельзя было не любоваться. У него все перерабатывалось въ горнилѣ юмора. Слово его было такъ мѣтко, что товарищи боялись вступать съ нимъ въ саркастическое состязаніе. Гоголь любилъ своихъ товарищъ вообще, и до такой степени спутники первыхъ его лѣтъ были тѣсно связаны съ тѣмъ временемъ, о которомъ впослѣдствіи онъ изъ глубины души восклицалъ: «О моя юность! о моя свѣжесть!» (*), что даже школьніе враги его, если только онъ имѣлъ ихъ, были ему до конца жизни дороги. Ни обѣ одномъ изъ нихъ не отзывается онъ съ холодностью или непріязнью, и судьба каждого интересовала его въ высшей степени.

Бывшіе наставники Гоголя аттестовали его, какъ мальчика скромнаго и «добронравнаго»; но это относится только къ благородству его натуры, чуждавшейся всего низкаго и коварнаго. Онъ дѣйствительно никому не сдѣлалъ зла, ни противъ кого не ощетнивался жосткою стороною своей души; за нимъ не водилось какихъ нибудь дурныхъ привычекъ. Но никакъ не должно воображать его, что называется, «смирною овчекою». Маленькия злыя, ребяческія проказы были въ его духѣ, и то, что онъ разсказываетъ въ «Мертвыхъ Душахъ» о гусарѣ, спи-

(*) «Мертвые Души», стр. 209.

само имъ съ натуры. Подобныя затѣи были между его товарищами въ большомъ ходу. Но, можетъ быть, не всѣ такъ хорошо знакомы съ его произведеніями, какъ авторъ этого «Опыта»; можетъ быть, немногіе помнятъ чудную картину, просвѣтлѣвшую въ воображеніи поэта при воспоминаніи о гусарѣ: картина же эта живо рисуетъ и школу, въ которой онъ воспитывался, и ея мѣстоположеніе, а потому мы выпишемъ ее здѣсь цѣликомъ. Гоголь разсказываетъ о томъ, какъ дамы губернского города N, по слуху странныхъ подозрѣній насчетъ Чичикова, «умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту (продолжаетъ онъ) было похоже на положеніе школьнника, которому, сонному, товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то есть бумажку, наполненную табакомъ. Потянувшись въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ,глядитъ, какъ дуракъ, выпучивъ глаза, во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, чѣмъ съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренные косвеннымъ лучемъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступавшее утро съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ и съ освѣжившемся рѣчкою, тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потомъ уже паконецъ чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусарь». (*)

Эти «блестящія загогулины между тонкихъ тростниковъ» живо напоминаютъ тому, кто знаетъ мѣстность Нѣжинскаго Лицея, протекающую мимо него тихую, поросшую камышами рѣчку, а проснувшійся лѣсъ, звучащий тысячами птичьихъ голосовъ, есть не что иное, какъ тѣнистый обширный садъ Лицея, похожій на лѣсъ. Ссылаясь на соучениковъ Гоголя, не помнить ли они при этомъ «косвенномъ лучъ солнца» золотистыхъ кудрей дѣтской головы своего знаменитаго сверстника. Да, это одно изъ тѣхъ лѣтнихъ утръ, когда душа поэта, упиваясь новостью «всѣхъ наслажденій бытія», набиралась (мы употребляемъ его слово) творческаго запаса на будущую дѣя-

(*) «Мертвые Души», стр. 360—361.

тельность; потому такъ и живо, такъ и тепло, и солнечное сиянье гоголевской картины.

Можно сказать вообще, что Гоголь мало вынесъ познаній изъ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ, а между тѣмъ онъ развился въ ней необыкновенно. Онъ почти вовсе не занимался уроками. Обладая отличной памятью, онъ схватывалъ на лекціяхъ верхушки и, занявшись передъ экзаменомъ нѣсколько дней, переходилъ въ высшій классъ. Особенно не любилъ онъ математики. Въ языкахъ онъ тоже былъ очень слабъ, такъ что, до переѣзда въ Петербургъ, едва ли могъ понимать безъ пособія словаря книгу на французскомъ языкѣ. Къ нѣмецкому и англійскому языкамъ онъ пыталъ и впослѣдствіи какое-то отвращеніе. ⁽¹⁾ Онъ шутя говоривалъ, что онъ «не вѣрить, чтобы Шиллеръ и Гёте писали на нѣмецкомъ языкѣ: вѣрно, на некомънибудь особенномъ, но быть не можетъ, чтобы на нѣмецкомъ.» — Вспомните слова его: «по англійски произнесутъ какъ слѣдуетъ птицѣ и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не съумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи.» ⁽²⁾ Эти слова написаны имъ не изъ одного только побужденія попрекнуть русскую публику равнодушіемъ къ родному языку.

Зато въ рисованіи и въ русской словесности онъ сдѣлалъ большие успѣхи. Въ Гимназіи было тогда, и до сихъ поръ (въ Лицѣѣ) есть, нѣсколько хорошихъ пейзажей, исторического стиля картинъ и портретовъ. Вслушиваясь въ сужденія о нихъ учителя рисованія, человѣка необыкновенно преданного своему искусству ⁽³⁾, и будучи подготовленъ къ этому практическимъ, Гоголь уже въ школѣ получилъ основные понятія объ изящныхъ искусствахъ, о которыхъ впослѣдствіи онъ такъ сильно,

⁽¹⁾ · Впослѣдствіи — говоритъ г. Гаевскій въ своихъ «Замѣткахъ для біографіи Гоголя». (Современникъ 1852 года, № 10) — во времена неоднократнаго и продолжительнаго пребыванія своего въ Римѣ, онъ выучился итальянскому языку, такъ что могъ довольно свободно объясняться, даже писалъ иногда изъ Рима въ Петербургъ по итальянски. Разъ даже въ остеріи, въ обществѣ художниковъ, онъ произнесъ рѣчь на итальянскомъ языкѣ безъ приготовленія.·

⁽²⁾ · Мертвые Души·, стр. 313.

⁽³⁾ · Это былъ К. С. Павловъ, отъ котораго я многое узналъ о Гоголѣ.·

такъ цдменою писалъ въ разныхъ статьяхъ своихъ, и уже съ того времени предметы стала обрисовываться для его глаза такъ определительно, какъ видятъ ихъ только люди, знакомые съ живописью. (*)

Что касается до литературныхъ успѣховъ, то пишущему эти строки случайно достались классныя упражненія на заданныя темы г-на Кукольника, покойнаго Гребенки и Гоголя, который назывался и подписывался, во время пребыванія своего въ Гимназіи, полнымъ своимъ именемъ: *Гоголь-Яновскій*. О первыхъ мы молчимъ, такъ какъ не о томъ идетъ рѣчь; но сочиненія Гоголя на заданныя темы отличаются уже нѣкоторою опытностью, разумѣется, ученическаго пера, и силою слова, составляющею одно изъ существеннѣйшихъ достоинствъ его первоначальныхъ сочиненій. Литературные занятія были его страстью. Слово въ ту эпоху вообще было какою-то новостью, къ которой не успѣли приглядѣться. Самый процессъ примѣненія его, какъ орудія, къ выражению понятій, чувствъ и мыслей, казался тогда восхитительной забавою. (**) Это было время появленія первыхъ главъ «Евгения Онѣгина», время, когда книги не читались, а выучивались наизусть. Въ этотъ-то трепетный жаръ къ поэзіи, который Пушкинъ и его блестательные спутники разнесли по всей Россіи, раскрылись первыя сѣмена творчества Гоголя, но выражались сперва, разумѣется, безцѣнными и безплодными побѣгами, какъ и у всѣхъ дѣтей, которымъ предназначено быть замѣчательными писателями. Первый опытъ Гоголя, известный соученикамъ его, былъ трагедія «Разбойники», написанная пяти-стопными ямбами. Впрочемъ, нѣтъ: еще до того времени, когда Гоголь въ своемъ ученическомъ кругу слѣдался настоящимъ литераторомъ, онъ чи-

(*) Я всегда чувствовалъ маленькую страсть къ живописи, говорить Гоголь въ статьѣ о Пушкинѣ (Арабески, часть I, стр. 221). И какъ рано пробудилась въ немъ эта страсть, видно изъ слѣдующаго за тѣмъ недосказанного объясненія: «Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди.

(**) Я думаю, что еще въ ту свѣжую пору жизни Гоголь такъ пристально взглядалъ въ неосязаемую механику слова, какъ это посѣдѣ выражено имъ въ статьѣ о Пушкинѣ (Арабески, часть I, стр. 224). «Въ каждомъ словѣ — говорить онъ — бездна пространства; каждое слово необъятно, какъ поэзія.»

талъ одному изъ друзей своихъ наизусть стихотворную балладу, подъ заглавиемъ: «Двѣ Рыбки.» Въ этой балладѣ онъ изобразилъ, подъ двумя рыбками, судьбу свою и своего брата—очень трогательно, сколько помнитъ его единственный слушатель Н. Я. Прокоповичъ. Что касается до трагедіи, то она значительно возвысила Гоголя во вниманіи товарищѣй,

Не ограничиваясь первыми успѣхами въ стихотворствѣ, Гоголь захотѣлъ быть журналистомъ, и это званіе стоило ему большихъ трудовъ. Нужно было написать самому статьи почти по всѣмъ отдѣламъ, потомъ переписать ихъ и, что最重要ѣе, сдѣлать обертку на подобіе печатной. Гоголь хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобы придать своему изданію наружность печатной книги, и просиживалъ ночи, разрисовывая заглавный листокъ, на которомъ красовалось название журнала: «Звѣзда». Все это дѣмалось, разумѣется, украдкою отъ товарищѣй, которые не прежде должны были узнать содержаніе книжки, какъ по ея выходѣ изъ редакціи. Наконецъ первого числа мѣсяца книжка журнала выходила въ свѣтъ. Издатель бралъ иногда на себя трудъ читать вслухъ свои и чужія статьи. Все внимало и восхищалось. Въ «Звѣзду», между прочимъ, помѣщена была повѣсть Гоголя: «Братья Твердиславичи» (подражаніе повѣстямъ, появлявшимся въ тогдашнихъ современныхъ альманахахъ), и разныя его стихотворенія. Все это написано было такъ называемымъ «высокимъ» слогомъ, изъ котораго бились и все сотрудники редактора. Гоголь былъ комикомъ во время своего ученичества только на дѣлѣ: въ литературѣ онъ считалъ комической элементъ слишкомъ низкимъ. Но журналъ его имѣетъ происхожденіе комическое. Былъ въ Гимназіи одинъ ученикъ съ необыкновенною страстью къ стихотворству и съ отсутствиемъ всякаго таланта, — словомъ, маленький Тредьяковскій. Гоголь собралъ его стихи, придалъ имъ название «Альманаха» и издалъ подъ заглавиемъ: «Парнасскій Навозъ.» Отъ этой шутки онъ перешелъ къ серьѣзному подражанію журнальмъ и работалъ наль обертками очень усердно въ теченіе полугода или болѣе.

Новое литературное направленіе заставило его бросить журналистику. Воротясь однажды, послѣ каникулъ, въ гимназію, онъ привезъ на малороссійскомъ языкѣ комедію, которую играли

на домашнемъ театрѣ Трошинскаго (*), и изъ журналиста сдѣлался директоромъ театра и актеромъ. Кulisами служили ему классныя доски, а недостатокъ въ костюмахъ дополняло воображеніе артистовъ и публики. Съ этого времени театръ сдѣлался страстью Гоголя и его товарищѣй, такъ что, послѣ предварительныхъ опытовъ, ученики сложились и устроили себѣ кулисы въ костюмы, копируя, разумѣется, по указаніямъ Гоголя, театръ, на которомъ подвизался его отецъ: другого никтѣ не видѣлъ. (**). Начальство Гимназіи воспользовалось этою страстью, чтобы захотѣть воспитанниковъ къ изученію французскаго языка, и ввело въ репертуаръ гоголевыя театра французскія пьесы. Тутъ-то и Гоголю пришлось познакомиться съ французскимъ языкомъ, который вообще малороссіянамъ, непріученнымъ къ нему съ дѣтства, кажется гораздо труднѣе и, главное, противнѣе даже нѣмецкаго. Русскія пьесы, однакожъ, не выводились, и преданіе гласитъ, что Гоголь особенно отличался въ роляхъ старухъ. Театръ, основанный Гоголемъ въ Гимназіи, процвѣлъ наконецъ до того, что на представлениія его съѣзжались и городскіе жители. Нѣкоторые изъ нихъ помпять его до сихъ поръ въ роли Простаковой и говорятъ, что онъ исполнялъ её превосходно. Этому можно поверить. Кроме мимики, онъ умѣлъ перенимать и голосъ другихъ. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, онъ любилъ представлять одного стариичка, Б., котораго онъ называлъ въ Нѣжинѣ. Одинъ изъ его слушателей, никогда не видавшій этого Б., приходитъ разъ къ

(*) Полъ заглавіемъ: «Собака-Вивця». (Собака-Овца). Содержаніе ся основано на слѣдующемъ анекдотѣ. Мужикъ велъ на ярмарку для продажи овцу; двое солдатъ пристали къ нему и увѣрили его, что это собака ихъ майора, такъ что мужикъ не только отдалъ имъ овцу, но еще и *кѣлю трошкой* (полтину иѣдью), чтобы только *одкардались* (отстали).

(**) Гоголь не только дирижировалъ плотниками, но самъ расписывалъ и декорациі. Ученики жертвовали въ театральный гардеробъ кто что могъ. Между прочимъ, была пожертвована кѣмъ-то пара зарябѣвшихъ и обломанныхъ пистолетовъ, замѣчательная по слѣдующему случаю. Однажды, передъ самымъ представлениемъ «Недоросля», Гоголь какъ-то задѣлъ свою шуткою одного изъ товарищѣй, Б. Тотъ вспыхнулъ и отказался играть, а онъ игралъ роль Стародума. Ну, какъ безъ Стародума приступить къ представлению? Гоголь сдѣлалъ видъ, что вышелъ изъ себя; въ страшной мести онъ вызвалъ товарища на дуэль и подалъ ему театральные пистолеты безъ курковъ. Б. разсмѣялся и стала играть.

своему пріятелю и видѣть како-то старичка, который играетъ на коврѣ съ дѣтьми. Голосъ и манеры этого старичка тотчасъ напомнили ему представлѣніе Гоголя. Онъ отводить хозяина въ сторону и спрашиваетъ, не Б. ли это. Дѣйствительно это былъ Б.

Еще мы знаемъ автора «Мертвыхъ Душъ» въ роли хранителя книгъ, которая выписывались имъ на общую складчину. Складчина была не велика, но тогдашніе журналы и книги не трудно было и при малыхъ средствахъ приобрѣсть всѣ, сколько ихъ ни выходило. Важнѣйшую роль играли «Сѣверные Цвѣты», издававшіеся барономъ Дельвигоемъ; потомъ слѣдовали отдѣльно выходившія сочиненія Нушкина и Жуковскаго, даѣте — нѣкоторые журналы. Книги выдавались библіотекаремъ для чтенія по очереди. Получившій для прочтенія книгу долженъ былъ, въ присутствіи библіотекаря, усѣсться чинно на скамейку въ классной залѣ, на указанномъ ему мѣстѣ, и не вставать съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ книги. Этого мало: библіотекарь собственноручно завертывалъ въ бумажки большой и указательный пальцы каждому читателю, и тогда только вѣрялъ ему книгу. Гоголь берегъ книги, какъ драгоценность, и особенно любилъ миниатюрныя изданія. Страсть къ нимъ до того развилаась въ немъ, что, не любя и не зная математики, онъ выписалъ «Математическую Энциклопедію» Перевощикова, на собственныея свои лениги, за то только, что она издана была въ шестнадцатую долю листа. Впослѣдствіи эта причуда миновалась въ немъ; но первое изданіе «Вечеровъ на Хуторѣ» еще отзывается ею.

Въ заключеніе этого краткаго очерка ученической жизни поэта, — очерка, уже извѣстнаго читателямъ изъ прежде напечатанной моей статьи (*), представляю два письма его, писанныя во время пребыванія его въ послѣднихъ, такъ называемыхъ университетскихъ классахъ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко. (**) Они дорисуютъ начертанное мною изображеніе и, между прочимъ, покажутъ, какъ вѣрины были собраныя мною свѣдѣнія о первомъ періодѣ жизни Гоголя. Въ этихъ драгоценныхъ письмахъ читатель не найдеть ни одной черты, которая противорѣчила бы сказанному мною около

(*) «Отечественные Записки» 1852 года, апрѣльская книжка.

(**) Эти классы были 7-й, 8-й и 9-й.

двухъ лѣтъ тому назадъ. Они были адресованы къ Г. И. В***, служившему въ то время въ Петербургѣ, а нынѣ помощнику Полтавской губерніи.

Г. В*** былъ соученикомъ Гоголя по Гимназіи Князя Безбородко и шелъ классомъ или двумя выше его. Сходство вкусовъ сблизило ихъ, ибо тотъ и другой отличались мечтательностью и комизмомъ. Всѣ юмористическая прозвища, подъ которыми Гоголь упоминаетъ въ своихъ письмахъ о товарищахъ, принадлежатъ г. В*** Онъ имѣлъ сильное влияніе на первоначальный характеръ гоголевыхъ сочиненій. Товарищи ихъ обоихъ, перечитывая «Вечера на Хуторѣ» и «Миргородъ», на каждомъ шагу встрѣчаютъ слова, выраженія и анекдоты, которыми г. В*** снабдилъ ихъ еще въ Гимназіи.

Ученическія письма Гоголя отличаются отсутствиемъ всякихъ правилъ орографіи, что обнаруживаетъ поверхность полученного поэтомъ въ дѣствѣ воспитанія, а пожалуй также и его всегдашнюю небрежность въ литературной манипуляціи. Чтобы сдѣлать ихъ болѣе ясными, я разставилъ какъ сдѣдуетъ знаки препинанія, обратилъ прописные буквы, на которыхъ онъ былъ тогда очень щедръ, въ строчныя и поправилъ неправильныя окончанія въ прилагательныхъ именахъ. (*)

1.

• 1827 года, января 17. Нѣжинъ.

«Теперь только пріѣхалъ я изъ дома, гдѣ былъ все праздники, и сегодня только получилъ твою записку отъ Шапалинскаго. Извини меня, безцѣнный другъ, что я такъ неблагодарно отплатилъ за твое дружеское расположение: на письмо твое не отвѣталъ ни слова. Я знаю, что, зная меня, не подумаешь, чтобы это произошло отъ какого либо небреженія или холодности: нѣть, другъ! По крайней мѣрѣ, позволь сказать, что ни къ кому сердце мое такъ не привязывалось, какъ къ тебѣ. Съ первоначального нашего здѣсь пребыванія, уже мы поняли другъ друга; вмѣстѣ мы обдумывали планъ будущей нашей жизни. Половина нашихъ лумъ сбылась: ты уже на мѣстѣ, уже имѣешь сладкую увѣренность, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ;

(*) Подлинники этихъ писемъ принадлежать теперь О. М. Боданскому.

а.... Зачемъ намъ такъ хочется видѣть наше счастіе? мысль о немъ и днемъ и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце: душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь — нетерпѣніе. Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть тебя, и эти полтора года делятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ.... Многое принесло мнѣ удовольствія письмо твое; жадно перечитывалъ я тобою писанное, ловилъ слова, и мнѣ казалось, будто я слышу изъ устъ твоихъ. И послѣ всего этого, послѣ всей радости, которую ты прислая ко мнѣ письмомъ, я ни слова не сказалъ тебѣ. Какая неблагодарность чернѣтъ этой? Но еще разъ прошу тебя, не вини меня: ты знаешь мою оплошность, которую теперь уже оставилъ, и принялъ твердое намѣреніе писать парочко побольше писемъ въ разныя мѣста, чтобы тѣмъ пріучить себя къ исправности. Сдѣлай милость, Г. Ив., для нашей старой привязанности, для нашей дружбы, не забудь меня, — пиши ко мнѣ разъ въ мѣсяцъ. Съ этой поры никогда письмо твое не будетъ оставлено безъ отвѣта.

«Пиши мнѣ о своей жизни, о своихъ занятіяхъ, удовольствіяхъ, знакомствахъ, службѣ и обо всемъ, чтѣ только напоминаетъ прелесть жизни петербургской. Это одно для меня развѣтъ горечь, сблизить урочное время и покажетъ мнѣ тебя въ твоемъ быту. Я знаю, что не оставилъ меня, и уже съ восхищениемъ въ мечтахъ читаю письмо, забывая и мѣстопребываніе свое, и весь міръ, выключая тебя съ Петербургомъ.

«Я здѣсь совершенно одинъ: почти всѣ оставили меня; не могу безъ сожалѣнія и вспомнить о нашемъ классѣ. Много и изъ моихъ товарищей удалилось. Д*** поѣхалъ въ Одессу, Д*** (*) тоже выбылъ. Не знаю, куда онъ отправится. Изъ старыхъ никакого нѣтъ. Насъ теперь весьма мало; но мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ: я совершенно позабылъ всѣхъ. Изрѣлка только здѣшнія происшествія трогаютъ меня; впрочемъ, я весь съ тобою въ столицѣ. Атестатъ твой уже изготовленъ, и ты скоро получишь. Каково теперь у васъ? Какъ-то будете веселиться

(*) Имена, сокращенные мною въ начальные буквы, будуть вездѣ отмѣчены тремя звѣздочками; начальные же буквы, выставленные вмѣсто именъ самимъ Гоголемъ, не будутъ имѣть при себѣ звѣздочекъ. *H. M.*

на масленицѣ? Ты мнѣ мало сказаъ про театръ, какъ онъ устроенъ, какъ отдалянъ. Я думаю, ты дня не пропускаешь, — всякий вечеръ тамъ. Чья музыка? Чѣмъ тебѣ сказать о нашихъ новостяхъ? здѣсь ихъ совершенно чѣтъ. Писать тебѣ про пансионъ? онъ у насъ теперь въ самомъ лучшемъ, въ самомъ благородномъ состояніи, и всѣмъ этимъ мы одолжены нашему инспектору Бѣлоусову. Къ масленицѣ затѣваются театръ. Но просги: я надоѣла уже, думаю, тебѣ до сна. По слѣдующей почтѣ я напѣренъ еще тебѣ сказать кое о чемъ; а до того времени не забудь твоего вѣрнаго, всегда и вездѣ тебя любящаго стариннаго друга

Н. Гоголя.

«Божко и Миллеръ благодарятъ, что ты не забываешь ихъ».

Отмѣтка г. В***: «Получено отъ Николая Васильевича Гоголь-Яновскаго сіе письмо 9 февраля 1827 г. Въ С.-Петербургъ.»

2.

• 1827 годъ, м. юнь, число 26. Нѣжинъ.

«Пишу къ тебѣ таки изъ Нѣжина. Не думай, чтобъ экзаменъ могъ помѣшать мнѣ писать къ тебѣ. Письмами твоими я еще болѣе сблизился съ тобою, и потому буду безпрестанно надоѣдать. Малый Герас. Иван., знаю привязанность твою: она вылилась вся въ письмѣ твоемъ. Она, кажется, ростеть между нами болѣе и болѣе, и утверждается нашею разлukoю. Люблю тебя еще болѣе, чѣмъ прежде, и спѣшу соединиться съ тобою, хотя ты меня ужаснуль чудовищами великихъ препятствій. Но они бессильны; или — странное свойство человѣка! — чѣмъ болѣе трудностей, чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ болѣе онъ летитъ туда. Выѣсто того, чтобы остановить меня, они еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе. Меня восхищаетъ, когда я подумаю, что тамъ есть кому ждать меня, есть кому встрѣтить роднымъ привѣтствіемъ и облеснуть лицо свѣтлою радостью. Означились мпѣ на сердцѣ также и друзья-пріятели твои. Я не знаю ихъ, никогда не видаль, но они друзья тебѣ, и я ихъ такъ же люблю, какъ и ты. Зачѣмъ ты не наименилъ ни одного изъ нихъ? Хотя имя не опредѣлитъ человѣка, не ознакомитъ съ нимъ, однако, я все бы могъ изъ письма твоего узнать ихъ характеръ, свойство, съ кѣмъ ты болѣе друженъ, — особенно,

когда они будутъ действующими лицами въ твоихъ письмахъ, чего мнѣ непремѣнно хочется. Уединяясь совершенно отъ всѣхъ, не находя здѣсь ни одного, съ кѣмъ бы могъ слить долговременные думы свои, кому бы могъ выѣздить мышленія свои, я осиротѣлъ и сдѣлался чужимъ въ пустомъ Нѣжинѣ. Я иноземецъ, забредшій на чужбину искать того, что только находится въ одной родинѣ, и тайны сердца, вырывающіяся изъ лицѣ, жажды откровенія печально опускаются въ глубь его, гдѣ такое же мертвое безмолвіе. Въ такомъ случаѣ я желаю знать тебя въ кругу твоихъ друзей, гдѣ не скрываешься и гдѣ ваши занятія всегда радостны; хочу даже, чтобы ты писалъ мнѣ ваши разговоры и цѣлые происшествія замѣчательного дня. Можетъ быть, я требую многаго; но ты не откажешь въ этомъ тому, у кого-раго, кромѣ тебя, почти ничего не осталось и который только этимъ и бываетъ весель. И точно: я ничего теперь такъ не ожидаю, какъ твоихъ писемъ. Они — моя радость въ скучномъ уединеніи. Нѣсколько только я разгоняю его чтеніемъ новыхъ книгъ, для которыхъ берегу деньги, несоставляющія для меня ничего, кромѣ ихъ, и выписываніе ихъ составляетъ одно мое занятіе и одну мою корреспонденцію. Никогда еще экзаменъ для меня не былъ такъ несносенъ, какъ теперь. Я совершенно весь истомленъ, чуть движусь. Не знаю, что со мною будетъ далѣе. Только я надѣюсь, что поѣздаю домой обновлю немноги свои силы. Какъ чувствительно приближеніе выпуска! Не знаю, какъ-то на слѣдующій годъ я перепесу это время!...

«Ты уже успѣлъ дать за меня слово о моемъ согласіи на ваше намѣреніе отправиться за границу. Смотри только впередъ не раскаяться? можетъ быть, мнѣ жизнь петербургская такъ понравится, что я и поколеблюсь и вспомню поговорку: «Не ищи того за моремъ, что сышешь ближе». Но уже такъ и быть: ты даѣшь слово — нужно мнѣ спустить твоей опрометчивости. Только когда это еще будетъ? Еще годъ мнѣ нужно здѣсь, да годъ, думаю, въ Петербургѣ; но, впрочемъ, я безъ тебя не останусь въ немъ: куда ты, туда и я. Только будто ли меня ожидаютъ? Меня это ужастъ какъ приближается къ Петербургу, — тѣмъ болѣе, что я внесенъ уже въ вашъ кругъ. Мое имя, я думаю, помнится между вами, и, можетъ быть, по какому-то тайному сочувствію, ктонибудь изъ друзей твоихъ назоветъ меня, какъ друга ихъ друга, предугадывая, что овъ

также добръ. На дняхъ я получилъ посмъ отъ Л***, не знаю по какой благодати. Чего только онъ въ немъ не наговорилъ! и каламбуровъ и стишковъ. Изо всего письма я только могъ замѣтить, что, увидѣвъ мое письмо къ тебѣ, онъ загорѣлся воспоминаніемъ и рѣшился подкрѣпить его посланіемъ. На четырехъ страницахъ не сказалъ о себѣ ни слова, даже не объявилъ при концѣ письма, что онъ Л***-Р***; а въ заключеніе просилъ меня извѣстить объ Клароцкѣ К***, о которой ты, я думаю, самъ знаешь, какого я глубокаго съѣдѣнія: даже не вѣдалъ ее ни разу. Жалью, однакожъ, что мнѣ нѣтъ времени писать, особенно теперь. Чтобы онъ еще, однакожъ, не почелъ за пренебреженіе. Извини меня какъ нибудь передъ нимъ.... Нѣтъ ли тамъ у васъ Николаевича-Кобеляцкаго. Мы уже годъ какъ его не видимъ. Спекчега(?) было навѣрно къ намъ, а теперь пропалъ безъ вѣсти. У насъ теперь у Нѣжинѣ завелось сообщеніе съ Одессою посредствомъ парохода или брички Ваныкина: этотъ пароходъ отправляется отсюда ежемѣсячно съ огурцами и пикулями и возвращается набитый маслинами, табакомъ и гальвою. Семеновичъ-Орлай, который теперь обрѣтается въ Одессѣ, подуманиль отсюда Д***-М***. Д*** находится теперь въ Москвѣ, — не могу навѣрно сказать гдѣ, но, кажется, въ пансіонѣ. Петръ Александровичъ Б***, наскуча недѣятельною жизнью, захотѣлъ отвѣдать трудностей воинскихъ, и, мѣсяцъ назадъ, я получилъ письмо, въ которомъ объявляется онъ о своемъ опредѣленіи въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ.

«Теперь Гимназія наша заселена все семействами. О женихѣ Шапалинскаго и Самойленко, я думаю, ты слышалъ; кромѣ того, Лаура (П***) совокупился законнымъ бракомъ съ дочерью Капетихи. В*** жепится на Фелибертисѣ (онъ овдовѣлъ при тебѣ); Г*** — на базилѣвой сестрицѣ, которая пріѣхала изъ Одессы; А*** — на какой-то французской мамзели, которой имени ей-Богу я до сихъ поръ не знаю, хотя три мѣсяца уже прошло послѣ ихъ обрученія; и даже казакъ М*** намѣревается, вѣроятно, уничтожить одиночество своей жизни, хотя это кроетъ ся во мракѣ баснословія; но доказательствомъ сему служить его покупка земли, на которой онъ уже началъ домъ строить.

«Мишель нашъ, баронъ Кунжутъ-фонъ-Фонтиксъ — радуйся — снова у насъ; а мы уже было думали, что онъ совсѣмъ насъ оставилъ. Уже подалъ было прошеніе о принятіи его въ драгун-

скій полкъ: по благоразумный отецъ, узнавъ объ этомъ, не согласился. Читая письмо мое, я думаю, ты почесывалъ голову и частенько поглядывалъ на часы, какъ на свидѣтелей теряемаго времени. Но неужели мы должны вѣкъ серъзничать, — и отчего же изрѣдка не быть творителями пустяковъ; когда ими постригся жизнь наша? Признаюсь, мнѣ наскучило горевать здѣсь, и, не могши ни съ кѣмъ развеселиться, мысли мои изливаются на письмѣ и, забывшись отъ радости, что есть съ кѣмъ поговорить, прогнавъ горе, садятся нестройными толпами въ видѣ буквъ на бумагу, и въ это время — вообрази — я на какую мысль набрелъ. Уже ставлю мысленно себя въ Петербургъ, въ той веселой компаткѣ, окнами на Неву, такъ какъ я всегда думалъ пайти себѣ такое мѣсто. Не знаю, сбудутся ли мои предположенія. булу ли я точно жить въ этакомъ райскомъ мѣстѣ. Но, покуда еще неизвѣстно намъ предопределение судьбы, ужели нельзѧ хотя помечтать о будущемъ? Этимъ богатствомъ я всегда булу надѣленъ. Оно не оставить меня во все дленіе жизни. Но слушай: будто ты сидишъ у меня, будто говоримъ мы долго, будто смеемся, и — вѣришь ли? — будто, забывшись, перо выпадало разъ двадцать на бумагу, разрушало мечтательныя думы и съ досады зачеркивало ничего ему несдѣлавшія слова. Ахъ, какъ въ это время хотѣлось бы мнѣ обнять тебя, увидѣть тебя! Не знаю, можетъ ли что удержать меняѣхать въ Петербургъ, хотя ты порядкомъ пугнуль и пристрацаль меня необыкновенною дороговизною, особливо съѣстныхъ припасовъ. Болѣе всего удивило меня, что самые пустяки такъ дороги, какъ-то: машишки, платки, косынки и другія бездѣлушки. У насъ, въ доброй нашей Малороссіи, ужаснулись такихъ цѣнъ и убоялись, сравнивъ суровый климатъ вашъ, который еще нужно покупать необыкновенною дороговизною, и благословенный малороссійскій, который достается почти даромъ; а (*) потому многіе изъ самыхъ жаркихъ желателей уже навостряютъ лыжи обратно въ скроиность своихъ недальнихъ чувствъ. Хорошо, ежели они обратятъ свои дѣла для пользы человѣчества. Хотя въ самой неизвѣстности пропадутъ ихъ имена, но благодѣтельная намѣренія и дѣла освятятся благоговѣніемъ потомковъ.

(*) Съ этого мѣста перемѣнились чернилы и почеркъ сдѣлался небрежнѣе. *H. M.*

«Какое теперь ужасное у насъ плодородіе, ты не повѣрши, — особливо фруктовъ! Деревья гнутся, ломятся отъ тяжести. Не знаемъ, дѣвѣтъ куда. Я воображаю о необыкновенной роскоши, которою я буду пресыщаться, прѣхавъ домой. Уже два дни экипажъ стоитъ за мной. Съ нетерпѣніемъ лечу освѣжиться. Возвратясь, начну живѣе и спокойнѣе, пока урочное время, со всѣми своими мучительными ожиданіями и нетерпѣніемъ, не предстанетъ снова истомленному. Какая у насъ засуха! болѣе полтора мѣсяца не шли дожди. Не знаю, чтоѣ будеть далѣе. Лѣто вдругъ у насъ перемѣнилось: сдѣлалось вдругъ такъ холодно, что даже принуждены мерзнуть, особенно по утрамъ. Весна была нестерпимо жарка.

«Позволь еще тебя, единственный другъ Герас. Иван., по-просить объ одномъ дѣлѣ.... надѣюсь, что ты не откажешь.... а именно: нельзя ли заказать у васъ въ Петербургѣ портному самому лучшему фракъ для меня? Мѣрку можетъ снять съ тебя, потому что мы одинакового росту и плотности съ тобой. А ежели ты разжирѣлъ, то можешь сказать, чтобы немного уже. Но объ этомъ послѣ, а теперь — главное — узнай, чтоѣ стоитъ пошить самое отличное фрака по послѣдней модѣ, и цѣну выставь въ письмѣ, чтобы я могъ знать, сколько нужно посыпать денегъ. А сукно-то, я думаю, здѣсь купить, оттого, что ты говоришь — въ Петербургѣ дорого. Сдѣлай милость, извѣсти меня какъ можно поскорѣе, и я уже приготовлю все такъ, чтобы, по полученіи письма твоего, сейчасъ все тебѣ и отправить, потому что мнѣ хочется ужасно какъ, чтобы къ послѣднимъ числамъ или къ первому ноября я уже получилъ фракъ готовый. Напиши, пожалуста, какія модныя матеріи у васъ на жилеты, на панталоны, выставь ихъ цѣны и цѣну за пошитье. Извини, драгоценный другъ, что я тебя затрудняю такъ; я знаю, что ты ни въ чемъ не откажешь мнѣ, и для того надѣюсь получить самый скорый отъ тебя отвѣтъ и увѣдомленіе. Какъ ты обижешь только меня этимъ! Какой-то у васъ модный цвѣтъ на фраки? Мнѣ бы очень хотѣлось сдѣлать себѣ синій съ металлическими пуговицами; а черныхъ фраковъ у меня много, и они мнѣ такъ надоѣли, что смотрѣть на нихъ не хочется. Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя отвѣта, милый, единственный, безцѣнный другъ.

«Письмо мое началъ укоризнами унынія и при концѣ развеселился. Тебѣ хочется знать причину? вотъ она: я началъ его

въ Нѣжинѣ, а кончаю дома, въ своемъ владѣніи, гдѣ окружены
почти съ утра до вечера веселіемъ. Желаю тебѣ вполнѣ имѣть на-
сладиться, и чтобы никогда минута горести не отправляла ча-
совъ твоей радости. А я до гроба твой

«Неизмѣнныи, вѣрныи, всегда тебя любящий»

«Николай Гоголь.

«Изъ Нѣжина къ тебѣ кланяются всѣ, — примѣчательнѣе:
Лопушевскій, буфетчикъ Марко (прежній фаворитъ твой, съ
свою красною жонкою), баронъ фонъ-Фонтикъ давнинѣ (?),
Гусь Евлампій (*), Григоровъ, Божко, Миллеръ и проч. и проч.,
а отсюдова одинъ только я привѣтствуя тебя поклономъ за-
очно.» (**)

Къ этимъ двумъ письмамъ кстати присоединить четыре пись-
ма Гоголя, обнародованныя г. Данилевскимъ въ «Московскихъ
Вѣдомостяхъ» 1852 года (№ 124). Къ сожалѣнію, онъ не озна-
чилъ въ нихъ мѣсяцъ и числь, а только сказалъ, что одно
изъ нихъ писано было въ 1826 году, вслѣдъ за полученіемъ из-
вѣстія о кончинѣ отца, а прочія — въ 1827 году. Правописаніе
въ нихъ, очевидно, поправлено (какъ и я сдѣлалъ); у кого на-
ходятся подлинники, не указано.

1.

«Не беспокойтесь, юменька! Я этотъ ударъ перенесъ съ
твердостію истиннаго Христіанина! Правда, я сперва былъ по-
раженъ симъ извѣстіемъ; однако же, не дать никому замѣтить,
что я былъ опечаленъ: оставшись же наединѣ, я предался всей
силѣ безумнаго отчаянія; хотѣлъ даже посягнуть на жизнь
свою.... Но Богъ удержалъ меня, и къ вечеру примѣтилъ я въ
себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ
превратилась въ легкую, едва замѣтную грусть, смѣшанную съ
чувствомъ благоговѣнія ко Всевысшему! — Благословляю тебя,
священная вѣра! въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія
и утоленія своей горести. Такъ! я теперь спокоенъ, хотя не

(*) Фельдшеръ при гимназическомъ лазаретѣ.

(**) За сообщеніе мнѣ этихъ документовъ я обязанъ глубокою bla-
годарностью И. Д. Юсkeвичу-Красковскому.

Н. М.

могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрилъшаго друга, всего драгоценнаго моему сердцу!....» (*)

2.

«Почтеннѣйшая маменька! Къ числу мечтательностей своихъ иногда желаю быть ясновидцемъ, знать, что у васъ дѣлается, чѣмъ вы занимаетесь. И, вѣрите ли, съ какимъ удовольствиемъ занимаюсь я отгадываніемъ всего, что васъ занимаетъ.... Какъ вы проводили маслянную? — Извините, что задыхаю васъ кучею вопросовъ! Обыкновенно, человѣку, какъ говорятъ, порядкомъ повеселившемуся, всегда хочется сдѣлаться участникомъ другихъ, особенно ближайшихъ къ нему.... Кто же ближе къ моему сердцу, какъ не вы, ваша радость, ваше удовольствіе? Посмотрите же, какъ я повеселился!... Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго. Вы однѣ только видѣли, что подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таилось желаніе веселости (разумѣется, не бѣйной!), и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни.... Я удивлялся, какъ люди, жажды счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ!...

«Ежели о чёмъ я теперь думаю, такъ это о будущемъ моемъ житьѣ-бытьѣ. Во снѣ и наяву мы грезится Петербургъ, а съ нимъ вмѣстѣ и служба Государю. До сихъ поръ я былъ счастливъ; но ежели счастіе состоитъ въ томъ, чтобы быть доволену своимъ состояніемъ, то не совсѣмъ, не совсѣмъ — до вступленія въ службу, до пріобрѣтенія, можно сказать, собственнаго постояннаго мѣста....

«Масляницу, всю недѣлю, мы провели такъ, какъ желаю всякому ее провести: мы веселились безъ устали. Четыре дня сряду былъ у насъ театръ, и, къ чести нашей, все признали единодушно, что изъ провинціальныхъ театровъ ни одинъ не годится противъ нашего! Правда, играли все прекрасно. Дѣв-

(*) Въ концѣ письма, во второй припискѣ, онъ прибавляетъ просьбу къ матушкѣ выслать ему десять рублей на покупку курса русской словесности. А собственно для меня — заключаетъ онъ — не нужно ничего».

французскія піесы, Мольера и Флоріана, одну нѣмецкую, Коцебу, и русскія: «Недоросль» Фонъ-Визина и др. Декорациіи были отличныя, освѣщены великолѣпное, посѣтителей много, все пріѣзжие и все съ отличнымъ вкусомъ. Музыка тоже состояла изъ нашихъ. Осьмнадцать увертюръ „России, Вебера и другихъ, были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой провелъ теперь! Дай Богъ, чтобы вы провели его еще веселѣ!

«Р. С. Ожидаютъ у насъ директора, г. Я***; не знаемъ его характера; говорятъ, что слишкомъ добръ.

3.

«Позвольте во первыхъ, почтеннѣйшая маменька, поздравить васъ съ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенія Христова. Думаю, что вы провели первые дни его хорошо; желаю и окончить его весело. Благодарю васъ за присылку денегъ; въ это время они бывають мнѣ очень нужны. Мой планъ жизни теперь удивительно строгъ и точенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Каждая копѣйка теперь имѣеть у меня мѣсто; я отказываю себѣ даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть хотя малѣйшую возможность поддержать себя въ томъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить моей жаждѣ видѣть и чувствовать прекрасное! Для него-то я съ величайшимъ трудомъ собираю все свое годовое жалованье, откладывая малую часть на нуждѣйшія издержки. За Шиллера, котораго я выписалъ изъ Лемберга, даль я сорокъ рублей — деньги весьма немаловажныя по моему состоянію; но я награждаю съ излишкомъ, и теперь нѣсколько часовъ въ день провожу очень пріятно. (*) Не забываю также и русскихъ, и выпи-сываю, что только выходитъ самого отличного; разумѣется, что я ограничиваюсь немногимъ; въ цѣлые полугода я не приобрѣтаю болѣе одной книжки, и это меня печалитъ чрезвычайно. Какъ сильно можетъ быть влечениѣ къ хорошему! Иногда читаю объявление о выходѣ въ свѣтъ творенія прекраснаго; сильно бьется сердце.... и съ тяжкимъ вздохомъ роняю изъ руки га-

(*) Г. Прокоповичъ говорилъ мнѣ, что у Гоголя скоро не стало терпѣнія добиваться смысла въ Шиллерѣ, и что это было только минутное увлечениѣ.

Н. М.

зету, видя невозможность имѣть это; мечтаніе — достать его, смущаетъ сонъ мой, и въ это время полученію денегъ я радуюсь болѣе самого жаркаго корыстолюбца.... Не знаю, что было бы со мною, если бы я еще не могъ чувствовать отъ этого радости; я бы умеръ отъ тоски и скуки! Это одно усаждаетъ разлуку мою съ вами. Вы рисуетесь въ свѣтлыхъ мечтахъ моихъ. Давно ли я пріѣхалъ съ Рождества, а уже трехъ мѣсяцѣвъ какъ не бывало; половина времени до каникуль утекла; еще половина, и я опять съ вами; опять увижу васъ и снова развеселюсь во всю ивановскую.... Не могу надивиться, какъ весела, какъ разнообразна жизнь ваша! Одно имя каникулъ уже приводить меня въ восхищеніе.... Увидѣть всѣхъ родныхъ, всѣхъ близкихъ сердцу.... очаровательно!»

4.

«Получилъ ваше письмо сегодня и къ моей горести узналъ, что вы больны. Я уже это замѣтилъ бы изъ одной краткости письма вашего, которому видно мѣшала много болѣзни. Всегда нужно судѣбѣ, въ самомъ удовольствіи покоя, въ которомъ я находился, зачернить начатокъ свѣтлыхъ дней юности горя. Меня мучить ваша болѣзнь.... Сдѣлайте милость, берегите себя....

«Я не могу нарадоваться, вспомнивъ, сколько меня ожидаетъ дома близкихъ моему сердцу. Желаю, чтобы этотъ годъ, какъ и все будущіе, Богъ подарилъ намъ изобилие, чтобы роскошь плодородія упитала счастливое наше жилище, чтобы все крестьяне наши были награждены съ избыткомъ за годичные труды свои! Здѣсь поговариваются о плодородіи этого года; я думаю, что и у васъ также. Желательно мнѣ бы знать обѣ этомъ отъ васъ. Также, водится ли что въ саду нашемъ. Здѣсь и на фрукты урожай. Позвольте поговорить съ вами теперь касательно платы. Ежели посыпать деньги, то не тогда, какъ будете присыпать замной: нужно гораздо прежде, а то экипажъ всегда дожидается; тогда нужно метаться по всѣмъ портнымъ, и то еще ежели сыщешь, несмотря на дорогую плату.... Ясовѣтовалъ бы вамъ деньги отправить тотчасъ по полученіи моего письма; оно какъ разъ и выйдетъ, что къ времени моего отѣзда платы поспѣть,

для чего нужно, по крайней мѣрѣ, три недѣли, а то мнѣ всегда за скоростію шьютъ на живую нитку....

«Присылайте за мною экипажъ умѣстительнѣе, потому что яѣду со всѣмъ богатствомъ вещественныхъ и умственныхъ имуществъ, и вы увидите труды мои. Теперь я оканчиваю послыпать за себя представителей, то есть письма. Черезъ двѣ недѣли явится творецъ ихъ, никогда немытый въ своихъ чувствахъ, все тотъ же пламенный, призательный, никогда не загашавшій вѣчного огня привязанности къ родинѣ и роднымъ!»

Судя по множеству черныхъ фраковъ, о которыхъ упоминаетъ Гоголь въ письмѣ къ г. В***, и по его заботамъ о своемъ костюмѣ, выраженнымъ въ письмѣ къ матери, можно подумать, что онъ былъ франтъ между своими соучениками. Между тѣмъ они сохранили о немъ воспоминаніе, какъ о страшномъ перахѣ. Онъ рѣшительно пренебрегалъ тогда своею внѣшностью и пренаряжался только дома, гдѣ, видно, были люди, на которыхъ онъ желалъ производить приятное впечатленіе. Въ Петербургѣ вѣкоторые помнятъ его щеголевъ; было время, что онъ даже сбривъ себѣ волосы, чтобы усилить ихъ густоту, и носилъ пиджакъ. Но тѣ же самыя лица рассказываютъ, какъ у него изъ ноздръ парика выглядывала иногда вата, которую онъ подкладывалъ подъ пружины, а изъ за галстуха вѣчно торчали бѣлые тесемки. Такимъ образомъ Гоголь служитъ новымъ подтвержденіемъ мнѣнія, что поэтъ въ мелкихъ дѣлахъ общежитія непремѣнно долженъ имѣть какія нибудь странности.

По порядку новѣствованія, мнѣ следовало бы теперь говорить о переѣздѣ Гоголя въ Петербургъ, куда такъ страстно стремилась душа его; но, для поясноты первого, малороссійскаго, периода жизни поэта,бросимъ взглядъ на его родной уголокъ, къ которому, безъ сомнѣнія, часто улетала, за сѣжими чувствами, творческая его фантазія мѣхъ отдаленаго сѣнера. Я же жажду, но не имѣю возможности, прѣстѣть его родительскій домъ, и потому долженъ основаться на печатномъ разсказѣ г. Данилевскаго. (*)

«Вотъ они, мѣста, въ которыхъ прошло веселое дѣлство Гоголя! — восклицаетъ восторженный путешественникъ. — Широкая поляна надъ косогоромъ. Справа избы хутора, чистенькия.

(*) «Московскія Вѣдомости» 1852 года, № 126.

окрашенная бѣлою и желтою краскою, въ тѣни прелестныхъ садиковъ; слѣва левада, родъ огромнаго огорода; середина его, обращенная къ хutorу, обсажена липами и вербами. Передъ этою оградою каменная церковь съ зеленою крышею. Ограда церкви сдѣлана изъ окрашенныхъ желтою и бѣлою краскою кирпичей: кирпичи сложены въ видѣ рѣшетки, сквозными стѣнами. Церковь между левадою и хуторомъ; противъ нея, примыкая къ хатамъ хутора, съ правой же стороны, новая ограда; за этою оградою панскій деревянный домъ, съ красною крышею, въ одинъ этажъ; направо отъ него флигель, нальво люлскія строенія. За домомъ садъ; за садомъ пруды. За прудами неоглядныя равнины украинскихъ степей.

«Прежде всего остановимся на флигель, который помѣщается во дворѣ, направо отъ дома, такъ-какъ въ этомъ флигельѣ, въ свои неоднократные прїезды на хуторъ, обыкновенно жилъ Гоголь. Флигель — низенькое, продолговатое строеніе съ крытою галлереей, выходящую въ дворъ. Ветхія ступени ведутъ на крыльцо; черезъ небольшія сѣни открывается входъ въ пространную комнату, родъ залы, отсюда въ гостинную. Въ гостинной окна выходятъ въ палисадникъ за флигелемъ. Палисадникъ кончается группою тополей; за тополями видъ на избы хутора и на степи. Одно изъ оконъ сдѣлано въ двери, которая ведетъ на балконъ, въ палисадникъ. Кабинетъ находится въ сторонѣ и имѣеть особый выходъ. Это комната въ десять шаговъ длины и въ четыре шага ширины. Два маленькия окошечка выходятъ во дворъ; между ними помѣщается небольшое зеркальце; окна завѣшаны бѣлыми кисейными занавѣсками. Влѣво отъ двери — печь; вправо — дубовый шкафъ для книгъ. Шкафъ этотъ заканчиваются Гоголемъ въ прошлое лѣто и оконченъ уже безъ него. Влѣво отъ печи простенъя кровать, покрытая ковромъ. Здѣсь замѣчу кстати, что Гоголь, въ послѣднее время, много занимался улучшениемъ фабрикаціи домашнихъ ковровъ, самъ рисовалъ по цѣлымъ днамъ узоры для нихъ, и это занятіе, вмѣстѣ съ разведеніемъ деревьевъ въ саду, составляло главное удовольствіе его отдыха.... Надъ кроватю въ углу образъ св. Угодника Митрофана. Панонецъ, стоякой къ забитой двери, между печью и кроватю, помѣщается рабочій столъ Гоголя. Это на высокихъ ножкахъ конторка съ кесою доскою изъ грушеваго дерева, покрытого кожею; на верхней платформѣ ея, съ двухъ сторонъ,

вдѣланы чернильница и песочница. Гоголь за этою конторкою работалъ стоя. На стѣнѣ, возлѣ рабочаго стола, помѣщается привезенный Гоголемъ изъ Италии нерукотворенный образъ Спасителя, писанный маслянными красками.

«О, домѣ, гдѣ помѣщается теперь семейство покойнаго, мы не можемъ сказать ничего особеннаго. Домъ выстроенъ удобно, какъ строились въ старину всѣ дома въ украинскихъ селахъ. По стѣнамъ развѣшаны превосходныя старинныя гравюры. Въ залѣ стоитъ рояль....

«Перейдемъ въ садъ. Садъ расположенъ во вкусѣ всѣхъ украинскихъ сельскихъ садовъ. Деревья его высоки и тѣнисты. По сторонамъ аллеи, идущей вправо отъ садового балкона, Гоголь въ прошломъ (1851) году сажалъ молодыя поросли клена и береста. Дающе за ними, на луговой полянѣ, у корней другихъ деревьевъ, Гоголь посадилъ нѣсколько желудей. Изъ желудей теперь выросли крохотные дубки, родоначальники будущей дубравы. Влѣво отъ балкона идетъ другая аллея; здѣсь не такъ нависли дикія, ползучія вѣтви деревъ; здѣсь уже прошелъ заступъ цивилизаціи. Дорожка аллеи, въ два шага шириной, идетъ надъ однимъ прудомъ и упирается своимъ концомъ въ другой смѣжный съ нимъ прудъ. По этой дорожкѣ особенно любилъ гулять Гоголь. Надъ этою дорожкою, на холмѣ, устроена деревянная бесѣдка, разрушенная бурею скоро послѣ отѣзда Гоголя изъ Яновщины. Тутъ же не далеко, въ тѣни нависшихъ яблъ и акацій, чернѣетъ небольшой гротъ, съ огромнымъ дикимъ камнемъ у входа.

«На прудѣ за садомъ, передъ домомъ, устроена купальня. Къ ней вѣдатъ на маленькомъ двухъ-весельномъ паромѣ. Ее устроилъ для себя Гоголь, но купался въ ней не болѣе трехъ разъ. За прудомъ разстилается щирокая, огороженная поляна. У самаго пруда она, благодаря заботливости Гоголя, обсажена деревьями, и въ особенности красива здѣсь недавно-разросшаяся аллея изъ серебристыхъ тополей. Покойный ухаживалъ за нею съ самымъ теплымъ участіемъ.»

Вотъ все, чѣмъ можно было до сихъ поръ собрать о первомъ періодѣ жизни Гоголя. Другой бы, можетъ быть, представилъ это въ болѣе выразительномъ видѣ и слизъ бы разныя мелочи въ болѣе стройную картину; я представляю факты въ томъ про-

стомъ видѣ и почти въ томъ сцѣпленіи ихъ между собою , въ какомъ они были открываемы мню, будучи убѣжденъ, что это только абрисъ, по которому впослѣдствіи нанесутся цвѣты и тѣни , и что если послѣдующая внутренняя жизнь Гоголя была столь разнообразна въ своихъ движеніяхъ, столь богата умственными представлѣніями, столь благоуханна цвѣтами сердца , то корней всего этого надобно искать въ темной и таинственной почвѣ дѣтства , ибо въ «организмѣ ребенка скрывается уже человѣкъ» (*), и первыя движения дѣтского ума нерѣдко проявляютъ тѣ идеи , для распространенія которыхъ геніальная натура призвана въ міръ . (**) Какъ ни много, на первый разъ , собрано у меня материаловъ для каждого изъ трехъ періодовъ жизни поэта , но изъ этого не слѣдуетъ еще строить исторіи его жизни такъ систематически , такъ послѣдовательно и заключительно, какъ развивается романъ или поэма. Я только покажу читателю разныя положенія Гоголя въ жизни и въ литературѣ , разныя стороны его житейскаго и поэтическаго характера , сколько это раскрылось для самого меня изъ извѣстныхъ доселѣ фактovъ и письменныхъ документовъ ; но далѣко еще то время , когда можно будетъ въ заглавіи подобного сочиненія написать: « Полная Біографія ». Что касается до первого періода жизни Гоголя , то онъ , сравнительно съ прочими , оказывается самымъ скучнымъ съѣдѣніемъ и требуетъ много труда для наполненія всѣхъ своихъ пробѣловъ. Не знаю, кто будетъ имѣть возможность, желаніе или умѣніе заняться этимъ дѣломъ ; но важность подобного занятія , какъ для исторіи русской словесности , такъ и для психологіи вообще , должна быть очевидна для каждого.

(*) Слова Альфьери.

(**) Замѣчаніе д'Израэли.

ПЕРИОДЪ ВТОРОЙ.

Переездъ въ Петербургъ. — Инстинктъ генія. — Первые попытки въ стремлении къ извѣстности. — Сожженіе поэмы въ стихахъ. — Неудавшееся желаніе поступить въ число актеровъ. — Фантастическая поѣзда за море. — Гоголь поступаетъ на службу и дѣлается домашнимъ наставникомъ. — Первый статьи его, помѣщенные въ журналахъ. — Успѣхъ «Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканки». — Сближеніе съ Пушкинымъ и значеніе Пушкина въ жизни Гоголя. — Знакомство съ Н. Д. Бѣлозерскимъ. — Юношеские грѣхи. — Гоголь адъюнкты въ С. Петербургскомъ Университетѣ. — Переписка съ М. А. Максимовичемъ. — Страсть къ пѣснямъ. — Исторія Малороссіи и Исторія Среднихъ Вѣковъ. — Странія о перемѣщеніи на службу въ Кіевъ. — «Арабески» и «Миргородъ». — Гоголь посѣщаѣтъ Кіевъ. — Аналогія между характеромъ Гоголя и характеромъ украинской пѣсни. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Постановка на спену «Ревизора». — Причины выѣзда Гоголя за границу.

Гоголь окончилъ курсъ наукъ въ 1828 году, съ правомъ на чинъ четырнадцатаго класса (отличные воспитанники выпускались съ правомъ на чинъ двѣнадцатаго класса), и уѣхалъ на родину, а оттуда, въ началѣ 1829 года, въ Петербургъ. Съ переселенiemъ его съ юга на сѣверъ начинается новый періодъ его существованія, столь рѣзко отличный отъ предшествовавшаго, какъ отличается у птицъ время оперенного состоянія отъ времени неподвижного сидѣнья въ родномъ гнѣздѣ. Изъ его писемъ мы уже знаемъ, что его привлекали въ Петербургъ служба, театръ и поѣзда за границу. Какъ ни разнородны были эти влечения, но каждое изъ нихъ брало свое начало въ чувствахъ общихъ всѣмъ гениальнымъ людямъ — въ сознаніи внутреннихъ силъ, въ стремлении проявить ихъ и въ жаждѣ славы. Гоголь не зналъ, какимъ путемъ выйти ему изъ этой неизвѣстности. Всѣ пути къ общей пользѣ были для него равны, и потому его мечты о службѣ были такъ же теплы, такъ же нетерпѣливы, какъ и мечты о духовныхъ наслажденіяхъ столичной жизни. Неопытному малѣчику столица представлялась какимъ-то эдемомъ, где его ожидаютъ однѣ радости. «Зачѣмъ намъ такъ хочется видѣть

наше счастіе? — говоритъ онъ. — Мысль о немъ и днемъ и ночью мучить, тревожить мое сердце; луша моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь — нетерпѣніе.»

Наконецъ ожиданіе его исполняется: онъ въ Петербургѣ.

Я думаю, мои читатели, по гимназическимъ письмамъ Гоголя, составили себѣ о немъ понятіе, какъ о юношѣ, замѣчательно симпатичномъ, но въ то же время высокомѣрномъ и углубленномъ въ самого себя.

Будучи однимъ изъ слабѣйшихъ воспитанниковъ въ Гимназіи, не обладая даже и умѣреннымъ запасомъ свѣдѣній по какой бы то ни было отрасли знанія, не умѣя даже написать безъ ореографическихъ ошибокъ страницы, на чемъ онъ могъ основывать свою надежду на успѣхи въ столицѣ?

Но людямъ, съ которыми онъ соприкоснулся впервые въ столицѣ, не было никакого дѣла до его высокихъ стремлений. Его, безъ сомнѣнія, приняли вездѣ съ тою холодностью, которая такъ непріятно поражаетъ здѣсь всякаго новичка изъ провинціи, въ которая есть не что иное, какъ усвоенная опытомъ осторожность столичного жителя въ выборѣ себѣ сотрудниковъ по службѣ, въ литературѣ или въ какой бы то ни было сфере дѣятельности. Каково долженъ быть подѣйствовать на пламеняго мечтателя такой пріемъ, предоставлю судить каждому, кто находился когда либо въ его положеніи. Можеть быть, современемъ изданы будутъ его письма къ матери или къ какому нибудь другому довѣренному лицу о тогдашнихъ его ощущеніяхъ. Теперь мы только знаемъ, что, явясь въ Петербургѣ въ началѣ 1829 года, съ пламеннымъ желаніемъ служить Государю и Отечеству, онъ только черезъ годъ (10 апрѣля 1830) поступилъ на службу въ Департаментъ Удѣловъ.

Въ продолженіе этого года онъ пытался открыть себѣ извѣстность другими путями — литературою и сценическимъ искусствомъ. Но та и другая попытка были безуспѣшны, такъ какъ способности будущаго знаменитаго писателя не получили еще тѣхъ граней, которыми онѣ сверкаютъ въ глаза каждому, и нужно было ему встрѣтиться съ глубокимъ знатокомъ талантовъ, чтобы обратить на себя особенное вниманіе. Ничего подобнаго покамѣстъ не случилось, тѣмъ болѣе, что Гоголь самъ боялся гласности и прокладывалъ себѣ дорогу къ литературнымъ успѣхамъ тайкомъ даже отъ ближайшихъ друзей своихъ. Онъ на-

писалъ стихотвореніе «Италія» и отправилъ его *incognito* къ издателю «Сына Отечества», можетъ быть, для того только, чтобы узнать, удостоить ли его стихи печати. Стихи были напечатаны (*), и вотъ эти первыя черты пера, которому предназначено было создать столько художественныхъ образовъ. Несмотря на крайнюю молодость поэта, въ нихъ замѣтно дарование.

ИТАЛІЯ. (**)

• Италия — роскошная страна!
По ней душа и стонеть и тоскуетъ.
Она вся рай, вся радости полна,
И въ ней любовь роскошная веснуетъ.
Бѣжитъ, шумитъ задумчиво волна
И берега чудесные цаляетъ;
Въ ней небеса прекрасныя блестятъ;
Лимонъ горить и вѣять ароматъ.

• И всю страну объемлетъ вдохновенье,
На всемъ печать протекшаго лежить;
И путникъ зрѣть великое творенье,
Самъ пламенный, изъ сѣжныхъ странъ спѣшить,
Душа кипить, и весь онъ — умиленье,
Въ очахъ слеза невольная дрожить;
Онъ погруженъ въ мечтательную думу,
Внимаетъ дѣлъ давно-минувшихъ шуму.

• Здѣсь низокъ міръ холодной суеты,
Здѣсь гордый умъ съ природы глазъ не сводить;
И радужной въ сіянніи красоты
И жарче и яснѣй по небу солнце ходить.
И чудный шумъ и чудныя мечты
Здѣсь море вдругъ спокойное наводить.
Въ немъ облаковъ мелькаетъ рѣзvый ходъ,
Зеленый лѣсь и синій неба сводъ.

• А ночь, а ночь вся вдохновеньемъ дышитъ.
Какъ спить земля, красой упоена!
И страстью миръ надъ ней главой колышеть,
Среди небесъ, въ сіянніи луна
Глядить на міръ, задумалась, и слышитъ,
Какъ подъ весломъ проговорить волна;

(*) Въ № 12 «Сына Отечества и Сѣверного Архива» 1829 года.

(**) Это стихотвореніе указано мнѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими биографическими данными, г. Тихонравовимъ, въ № 51 «Московскихъ Вѣдомостей» 1853 года.

Какъ черезъ садъ октавы пронесутся,
Шѣнительно вдали звучать и льются.

•Земля любви и море чарованій!
Блистательный мірской пустыни садъ!
Тотъ садъ, гдѣ въ облакѣ мечтаній
Еще живуть Рафаэль и Торкватъ!
Уэрю ль тебя я, полный ожиданій?
Душа въ лучахъ, и думы говорятьъ,
Меня влечетъ и жжетъ твое дыханье,
Я въ небесахъ весь звукъ и трепетанье!...»

Между тѣмъ у Гоголя была въ запасѣ поэма: «Ганцъ Кюхельгартенъ», написанная, какъ сказано на заглавномъ листкѣ, въ 1827 году. (*) Не довѣряя своимъ силамъ и боясь критики, Гоголь скрылъ это раннее произведение свое подъ псевдонимомъ В. Арова. Онъ напечаталъ его на собственный счетъ, вслѣдъ за стихотвореніемъ «Италія», и роздалъ экземпляры книгопродавцамъ на коммиссію. Въ это время онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ землякомъ и соученикомъ по Гимназіи, Н. Я. Прокоповичемъ, который поэтому-то и зналъ, откуда вышорхнулъ «Ганцъ Кюхельгартенъ.» Для всѣхъ прочихъ знакомыхъ Гоголя это оставалось непропицаемою тайною. Нѣкоторые изъ нихъ — и въ томъ числѣ П. А. Плетневъ, котораго Гоголь зналъ тогда еще только по имени — получили incognito по экземпляру его поэмы; но авторъ никогда ни однимъ словомъ не далъ имъ понять, отъ кого была прислана книжка. Онъ притаился за своимъ псевдонимомъ и ждалъ, что будутъ говорить о его поэмѣ. Ожиданія его не оправдались. Знакомые молчали или отзывались о «Ганцѣ» равнодушно, а между тѣмъ Н. Полевой прихлопнулъ ее въ своеемъ журналѣ пасмѣшкою, отъ которой сердце юноши-поэта сжалось болѣзникою скорбью. Онъ понялъ, что это не его роль сочиненій,бросился съ своимъ вѣрнымъ слугой Якимомъ по книжнымъ лавкамъ, отобралъ у книгопродавцевъ всѣ экземпляры, нанялъ въ гостиницѣ (**) номеръ и сжегъ всѣ до одного.

(*) Г. Прокоповичъ думаетъ, что это мистификація. •Если бы Гоголь написалъ свою поэму въ Гимназіи — говорить онъ — то хоть отрывокъ изъ нея былъ бы извѣстенъ кому нибудь изъ тогдашней его публики. Нѣть, эта поэма была написана именно въ то время, когда онъ проживалъ безъ дѣла въ Петербургѣ..

(**) Эта гостиница, по указанію г. Прокоповича, находилась въ Вознесенской улицѣ, на углу, у Вознесенского моста.

Гоголь, по видимому, не подозревалъ, что Прокоповичъ зналъ, кто авторъ «Ганца Кюхельгардена», — иначе онъ, дорожа своей литературной тайною, просилъ бы пріятеля не разглашать ее. Чѣмъ касается до слуги малороссіянина, то онъ былъ неграмотенъ и рассказывалъ впослѣдствіи одному изъ моихъ друзей только о сожжении какой-то книги, — но какая то была книга, объ этомъ г. Прокоповичъ объявилъ мнѣ только послѣ смерти поэта. Ему же обязанъ я болѣшею частью свѣдѣній о первомъ періодѣ жизни Гоголя. Прокоповичъ былъ неразлучнымъ спутникомъ поэта отъ самаго вступленія его въ Гимназію Князя Безбородко до выѣзда за границу. Ни о комъ Гоголь не отзывался впослѣдствіи съ такимъ братскимъ чувствомъ, какъ объ этомъ свидѣтелѣ его первыхъ усилий проложить себѣ дорогу въ жизни, и никто не зналъ такъ Гоголя-юноши, какъ Прокоповичъ.

Считаю не лишнимъ познакомить читателей съ «Гавромъ Кюхельгарденомъ», чтобы показать, съ чего можетъ начинать такой писатель, какъ Гоголь, и въ какихъ потемкахъ блуждаетъ иногда талантъ, отыскивая свой истинный путь. Прежде всего обратите вниманіе на предисловіе: какъ ребячески авторъ ухищряется заинтересовать въ свою пользу публику.

«Предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣта, если бы обстоятельства, важныя для одного только автора, не побудили его къ тому. Это произведеніе его восемнадцатилѣтней юности. Не принимаясь судить ни о достоинствѣ, ни о недостаткахъ его, и предоставивъ это просвѣщенной публикѣ, скажемъ только то, что многія изъ картинъ сей идилліи, къ сожалѣнію, не уцѣлѣли; онѣ, вѣроятно, связывали болѣе пынѣ разрозненные отрывки и дорисовывали изображеніе главнаго характера. По крайней мѣрѣ мы гордимся тѣмъ, что по возможности спопѣществовали свѣту ознакомиться съ созданьемъ юнаго таланта.»

Чѣмъ касается до самой поэмы, то она, очевидно, была внушенна неопытному школьніку чтеніемъ «Луизы», Фосса, въ перевода Теряева; (*) даже героня поэмы называется Луизою, — а пасторъ, ея отецъ, списанъ довольно рабски съ фоссова «до-

(*) С.-Петербургъ. 1820

бросердаго пастора Гринарского.» (*) Дѣйствіе вертится на борьбѣ Ганца между любовью къ простенькой деревенской девушкѣ и жаждою славы. Онъ покидаетъ свою возлюбленную, пускается въ широкій свѣтъ, узнаетъ, что люди холодны, и возвращается къ своей Луизѣ. Авторъ не напрасно оговорился въ предисловіи касательно несвязности этого «созданія юнаго таланта», будто бы спасеннаго какъ-то отъ утраты. Оно состоить изъ кусковъ, которые едва кой-какъ держатся вмѣстѣ. Силы поэта были еще слишкомъ слабы для произведенія чегонибудь струйного цѣлаго. Онъ бытъ способенъ вдохновляться только отрывочными представлѣніями и извлекадъ поэзію не изъ жизни, а изъ того, что поражало его воображеніе въ наукѣ и литературѣ. Замѣтно, что классическій міръ возбудилъ въ немъ особенное сочувствіе. Вотъ какъ онъ передаетъ, въ одномъ изъ многочисленныхъ своихъ эпизодовъ, представлѣнія свои о древней Греціи:

•Земля классическихъ, прекрасныхъ созиданій,
 Аенны! къ вамъ, въ жару чудесныхъ трепетаній,
 Душой привыкаюсь я!
 Вотъ отъ тревожниковъ до самого Пирея
 Кипитъ, волнуется торжественный народъ;
 Гдѣ рѣчь Эсхинова, гремя и пламеня,
 Все свое равно вслѣдъ влечеть,
 Какъ воды шумные прозрачнаго Иллиса.
 Великъ сей мраморный взящій Парѳенонъ!
 Колоннъ дорическихъ онъ рядомъ обнесень;
 Минерву Фидій въ немъ переселилъ рѣзцомъ,
 И блещетъ кисть Парразія, Зевксиса.
 Подъ портикомъ мудрецъ
 Ведеть высокое о дольнемъ мірѣ слово:
 Кому за доблести бессмертіе готово,
 Кому позоръ, кому вѣнецъ.
 Фонтановъ стройныхъ шумъ, нестройныхъ пѣсней клики;
 Съ восходомъ дня толпа въ амфитеатръ валить,
 Персидскій Кандисъ весь испещренный блестить,
 И вьются легкія туники.
 Стихи Софокловы порывисто звучать;
 Вѣни лавровые торжественно детать;

(*) Странно, что даже въ предисловіи употреблена та же замашка вызвать участіе публики, что и у Теряева; ибо и Теряевъ говорить о томъ, что это только «первый шагъ на поприщѣ словесности.»

Съ медоточивыхъ усть любимица Эпикура
Архонты, воины, служители Амура
Спѣшать прекрасную науку изучить:
Какъ жизнью жить, какъ наслажденье пить.
Но вотъ Аспазія; не смыть и дохнуть
Смятенный юноша, при черныхъ глазъ сихъ встрѣчѣ.
Какъ жарки тѣ уста! какъ пламенны тѣ рѣчи!
И, темный какъ ночь, тѣ кудри какъ вибудь
Волнуясь, падають на грудь,
На бѣломраморныя плечи.
Но что, при звукѣ чашъ, тимпановъ дикий вой?
Плющемъ увѣнчаны вакхическая дѣвы,
Бѣгутъ нестройною, неистовой толпой
Въ священный хѣсъ; все скрылось... что вы? гдѣ вы?...
Но вы прошли, я одинъ.
Опять тоска, опять досада;
Хотя бы Фавнъ пришелъ съ долинъ,
Хотя бѣ прекрасная Дріада
Мнѣ показалась въ мракѣ сада.
О какъ чудесно вы свой міръ
Мечтою Греки населили!
Какъ вы его обворожили! (Стр. 15—17.)

Не снискавъ извѣстности на поприщѣ литературномъ, Гоголь обратился къ театру. Успѣхи его на гимпазической сценѣ внушиали ему надежду, что здѣсь онъ будетъ въ своей стихіи. Онъ изъявилъ желаніе вступить въ число актеровъ и подвергнуться испытанию. Неизвѣстно, какую роль долженъ былъ онъ играть на пробномъ представлѣніи, только игру его забраковали начисто, и я не знаю, приписать ли это робости молодого человѣка, невидавшаго свѣта. Какъ бы то ни было, но Гоголь долженъ былъ отказаться отъ театра послѣ первой неудачной репетиції (*) и оставался иѣсколько времени въ самоязъ непріятномъ положеніи — въ положеніи басенного иуравья, вѣхавшаго въ городѣ на возу съ сѣномъ.

Къ неудачамъ въ литературѣ и на сценѣ присоединилось еще одно горе, тяжелѣе всего налагающее на молодое сердце. Онъ влюбился въ какую-то дѣвушку или даму, недоступную для него въ его положеніи. При своей врожденной скрытности и при своемъ расположении къ мрачному отчаянію, онъ могъ

(*) Проба комического таланта Гоголя происходила въ кабинетѣ директора театровъ, инязя С. С. Гагарина, въ присутствіи актеровъ Баратыгина и Брянского.

дойти до страшного душевнаго разстройства; но его спасла мысль — бѣхать за границу. Мы знаемъ изъ гимназического его письма, что эта мысль давно уже его занимала; но, видно, неудобства къ ея осуществленію преодолѣвали въ немъ силу желанія видѣть чудныя мѣста, о которыхъ онъ начитался въ книгахъ. Теперь всѣ препятствія исчезли передъ желаніемъ бѣжать изъ края, въ которомъ онъ не можетъ быть счастливъ, въ которомъ живетъ недоступная для него красота, и проч. и проч., какъ обыкновенно говорять и думаютъ молодые влюбленные. Поэтъ нашъ находился въ такомъ трагическомъ или мечтательномъ расположениіи души, что даже не сообразилъ своихъ средствъ съ поѣздкою въ чужіе краи; онъ бросился опрометью изъ Россіи и очнулся только тогда, когда англійскій пароходъ привезъ его въ Любекъ. Тамъ онъ увидѣлъ, что у него слишкомъ мало денегъ для предпринятаго имъ путешествія, и, не теряя времени, поспѣшилъ возвратиться въ Россію. А можетъ статься и то, что, выпорхнувъ на просторъ и взглянувъ на иѣмую для него чужеземицу, онъ оробѣлъ передъ собственными замыслами, потерялъ увѣренность въ возможности достиженія своихъ цѣлей, встосковался за друзьями и людьми, понимавшими его рѣчь и попутными для него, ужаснулся своего одиночества среди иноплеменниковъ и бросился назадъ въ Россію. Какъ бы то ни было, но онъ только трое сутокъ прожилъ въ Любекѣ и воротился на томъ же самомъ пароходѣ, который умчалъ его изъ Россіи.

Гоголь, передъ отѣзdomъ за границу, жилъ въ Мѣщанскої, противъ Столлярнаго переулка, въ домѣ каретника Іохима, въ четвертомъ этажѣ, вмѣстѣ съ Н. Я. Прокоповичемъ. Каково было удивленіе Прокоповича, когда онъ, возвращаясь вечеромъ отъ знакомаго, встрѣтилъ Якима, идущаго съ салфеткою къ булочнику, и узналъ отъ него, что у нихъ «есть гости»! Когда онъ вошелъ въ комнату, Гоголь сидѣлъ облокотясь на столъ и закрывъ лицо руками. Распрашивать, какъ и чтѣ, было бы напрасно, и такимъ образомъ обстоятельства, сопровождавшія фантастическое путешествіе, какъ и многое въ жизни Гоголя, остаются до сихъ поръ тайною.

Это было самое трудное время для нашего поэта. Отецъ его умеръ еще до выхода его изъ Гимназіи; имѣніе, поддерживаемое дѣятельностью опытнаго хозяина, приносило теперь до-

ходъ, едва достаточный для содержанія вдовы и четырехъ дочерей его. (*) Гоголь не требовалъ изъ лому денегъ, перебивался въ Петербургѣ кое-какъ и долженъ былъ, оставя артистическую затѣю, обратиться къ жизни болѣе положительной. 10 апреля 1830 года онъ опредѣлялся на службу въ Департаментъ Удѣловъ и занялъ мѣсто помощника столоначальника, — но не прослужилъ здѣсь и году. Онъ досталъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ В. А. Жуковскому, который сдалъ молодого человѣка на руки П. А. Плетневу, съ просьбою позаботиться о немъ. Плетневъ былъ тогда инспекторомъ Патріотического Института и исходатайствовалъ у Ея Императорскаго Величества для Гоголя въ этомъ заведеніи мѣсто старшаго учителя исторіи, которое онъ и занялъ съ 10 марта 1831 года. Чтобы доставить ему больше средствъ для жизни, Плетневъ ввелъ его наставникомъ дѣтей въ дома А. В. Васильчикова и П. И. Балабана, къ которымъ поэтъ до конца жизни сохранилъ самыя дружескія чувства.

Въ Департаментѣ Удѣловъ Гоголь былъ плохимъ чиновникомъ и, по собственнымъ словамъ, извлекъ изъ службы въ этомъ учрежденіи только развѣ ту пользу, что научился сшивать бумагу. Объ этомъ онъ упоминалъ не разъ, показывая сшитыя въ тетради письма Пушкина, Жуковскаго и другихъ, которыми онъ дорожилъ (и не выпуская этихъ тетрадей изъ рукъ, въ буквальномъ смыслѣ слова). Но и въ качествѣ преподавателя онъ не отличался большими достоинствами. Только въ первое время онъ принадлежалъ за исполненіе обязанностей своего званія съ жаромъ юноши, жаждавшаго найти достойное поприще для своей дѣятельности, и, забывая, подъ вліяніемъ этого чувства, о материальныхъ выгодахъ новой своей обязанности, смотрѣлъ на нее, какъ на цѣль своего существованія, какъ на призваніе свыше. Но мало по малу занятія литературныя отвлекали его отъ однообразныхъ трудовъ учителя. Въ продолженіе 1830 и 1831 годовъ появилось въ журналахъ и газетахъ нѣсколько безъименныхъ его статей, которые можно назвать пробою пера, устремленного къ широкой дѣятельности. Нѣкоторые изъ нихъ напечатаны безъ всякой подписи, другія — подъ разными псевдонимами.

(*) Одна изъ нихъ была уже въ то время вдовою и вскорѣ умерла.

Такъ, въ февралѣ 1830 года, въ № 118 «Отечественныхъ Записокъ», и въ мартѣ, въ № 119, явилась безъ подписи повѣсть Гоголя «Басаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала», а въ апрѣлѣ 1830 года, въ № 130 «Отечественныхъ Записокъ», напечатана его статья: «Полтава». Въ заглавіи ея сказано: «Изъ живописнаго путешествія по Россіи издателя Отечественныхъ Записокъ», но я знаю отъ Н. Я. Прокоповича, что статья «Полтава» писана Гоголемъ и, можетъ быть, только передѣлана издателемъ журнала, подобно тому, какъ и «Басаврюкъ», появившійся почти черезъ годъ, въ собраніи гоголевыхъ повѣстей, съ нѣкоторыми перемѣнами въ содержаніи и въ слогѣ. Прочтите внимательно предисловіе къ этой повѣсти въ «Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки». Гоголь самъ, въ шутливомъ тонѣ, разсказываетъ исторію этой передѣлки.

«Разъ одинъ изъ тѣхъ господъ — говорить онъ — кото-
рые напросятъ, накрадутъ всякой всячины да и выпускаютъ книжечки не толще букваря, каждый мѣсяцъ, или недѣлю, одинъ изъ этихъ господъ и выманилъ у Фомы Григорьевича эту самую исторію, а онъ вовсе и позабылъ о ней. Только пріѣзжаетъ изъ Полтавы тотъ самый паничъ въ гороховомъ каftанѣ, про которого говорилъ я.... привозить съ собою небольшую книжечку и, развернувши по срединѣ, показываетъ намъ. Фома Григорьевичъ готовъ уже быть осѣдлать носъ свой очками, но, вспомнивъ, что онъ забылъ ихъ подмотать нитками и облѣпить воскомъ, передалъ мнѣ. Я, такъ какъ грамоту кое-какъ разумѣю и не ношу очковъ, принялъся читать. Не успѣть повернуть двухъ страницъ, какъ онъ вдругъ остановилъ меня за руку. «Постойте! напередъ скажите мнѣ, что вы читаете?» Признаюсь, я немного пришелъ въ тупикъ отъ такого вопроса. «Какъ что читаю, Фома Григорьевичъ? вашу быль, ваши собственные слова». — «Кто вамъ сказалъ, что это мои слова?» — «Да чего лучше, тутъ и напечатано: рассказанныя такимъ-то дьячкомъ». — «Кто это напечаталъ? — Такъ ли я говорилъ? — Слушайте, я вамъ расскажу ее сей часъ....»

Въ концѣ 1830 года напечатана была въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 годъ глава исторического романа (стр. 225), подъ которойю выставлены буквы *ooo*, потому (какъ объяснялъ намъ г. Гаевскій), что о встрѣчается четыре раза въ имени и фамиліи автора: *Николай Гоголь-Яновский*. Заглавіе романа бы-

ло «Гетьманъ». Въ примѣчаніи сказано, что первая часть его была написана и сожжена, потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ. Кроме этой главы, уцѣлѣла еще одна, подъ заглавіемъ : «Плѣнникъ», и была напечатана сперва въ одномъ изъ періодическихъ изданій, а потомъ вошла вмѣстѣ съ первою въ составленный Гоголемъ изъ собственныхъ сочиненій альманахъ «Арабески». (*) Эти два отрывка написаны уже со всѣми признаками несомнѣнного таланта и могли обратить на себя вниманіе такихъ людей, какъ Дельвигъ и Пушкинъ, которые дѣйствительно привѣтили въ это время Гоголя подъ свое покровительство и, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Плетневымъ и другими, содѣйствовали дальнѣйшимъ его успѣхамъ на литературномъ поприщѣ.

Въ первомъ нумерѣ «Литературной Газеты» на 1831 годъ напечатана несравненно слабѣйшая пьеса его «Учитель. Изъ малороссийской повѣсти : Страшпый Кабанъ». Она признана даже составителемъ «Арабесокъ» недостойною занять мѣсто въ этомъ сборникеъ, равно какъ и второй отрывокъ изъ той же повѣсти, подъ заглавіемъ «Успѣхъ посольства», напечатанный въ 17 № «Литературной Газеты» 1831 года. Употребленный здѣсь псевдонимъ *П. Глечикъ* (по объясненію г. Гаевскаго) имѣетъ то основаніе, что въ историческомъ романѣ, изъ кото-раго напечатана глава въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», одно изъ дѣй-ствующихъ лицъ — миргородскій полковникъ Глечикъ.

Въ томъ же нумерѣ другая статья Гоголя : «Нѣсколько мы-слей о преподаваніи дѣтамъ Географії», подписанная именемъ *Г. Яновъ*, т. е. *Гоголь-Яновскій*. Это была первая подпись, обнаруживающая готовность робкаго и недовѣрчиваго къ самому себѣ малороссіянина объявить настоящее свое имя. Подъ статьею читаемъ : «Продолженіе обѣщано»; но обѣщаніе не исполнено. Въ примѣчаніи къ этой статьѣ, Гоголь, подъ влія-ніемъ тогдашняго своего увлеченія педагогію, а можетъ быть, и по какому нибудь болѣе тайному побужденію, говоритъ слѣ-дующее :

«Просимъ читателей смотрѣть на предложенную здѣсь статью, какъ на одно только начало. Автору, который совер-

(*) Ч. I, стр. 41 и 72, и ч. II, стр. 159.

шенно посвятилъ себя юнымъ питомцамъ своимъ, болѣе всего желательно знать о семъ предметѣ мнѣнія ученыхъ нашихъ преподавателей. Въ послѣдующихъ за симъ мысляхъ читатели встрѣтятъ, можетъ быть, болѣе новаго, болѣе относящагося къ облегченію науки и приведенію оной въ ясность и понятность для дѣтей.»

Даже, въ 4 № «Литературной Газеты» на 1831 годъ, мы находимъ статью «Женщина» уже съ подписью *Н. Гоголь*. Авторъ очевидно писалъ съ сильнымъ сердечнымъ увлеченіемъ и потому, вѣроятно, считалъ это молодое произведеніе вполнѣ достойнымъ своего имени. (*)

Въ эти первые годы литературной своей дѣятельности онъ работалъ очень много, потому что къ маю 1831 года у него уже готово было нѣсколько повѣстей, составившихъ первый томъ «Вечеровъ на Хуторѣ близь Диканьки». Не зная, какъ распорядиться съ этими повѣстями, Гоголь обратился за советомъ къ П. А. Плетневу. Плетневъ хотѣлъ оградить юношу отъ влиянія литературныхъ партій и въ то же время спасти повѣсти отъ предубѣжденія людей, которые знали Гоголя лично или по первымъ его опытамъ, и не получила о немъ высокаго понятія. Поэтому онъ присовѣтовалъ Гоголю, на первый разъ, строжайшее incognito въ придуманъ для его повѣстей заглавіе, которое бы возбудило въ публикѣ любопытство. Такъ появились въ свѣтѣ «Новѣсти, изданныя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ», который будто бы жилъ возлѣ Диканьки, принадлежавшей князю Кочубею. Книга была прината огромнымъ большинствомъ любителей литературы съ восторгомъ, и не прошло года, какъ уже появилась въ печати вторая часть «Вечеровъ на Хуторѣ». Пасичникъ Рудый Панько очевидно былъ ободренъ первымъ пріемомъ и разболтался въ предисловіяхъ ко второй книжкѣ еще любезнѣе. (**)

(*) Чтобы не возвращаться къ исчислению неподписанныхъ Гоголемъ статей, укажу еще на дѣлѣ, напечатанныхъ въ первой книжкѣ пушкинского «Современника» 1836 года, подъ заглавіемъ: «О движеніи Журвальной Литературы въ 1834 и 1835 годахъ», и во второй книжкѣ «Современника» (изданной по смерти Пушкина) 1837 года: «Петербургскія Замѣтки 1836 года».

(**) Въ первый разъ Гоголь былъ введенъ въ кругъ литераторовъ, какъ авторъ «Вечеровъ на Хуторѣ», 19 февраля 1832 года, на из-

Литературные успѣхи Гоголя и самое направление его таланта зависѣли во многомъ отъ его сближенія съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, и въ этомъ отношеніи ранняя утрата Пушкина, великая сама по себѣ, принимаетъ для русской литературы еще горестнѣйшее значеніе. Посмотрите, какъ вѣрно оцѣнилъ великій поэтъ своего еще неопытнаго въ творчествѣ собрата по первымъ его произведеніямъ.

«Сейчасъ я прочелъ «Вечера близь Диканьки» — писалъ онъ, тотчасъ по выходѣ этой книги; къ издателю «Литературныхъ Прибавленій къ Инвалиду» (*). — Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искрення, непринужденная, безъ чопорности. А мыстами какая поэзія! Какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей вынѣшней литературѣ, что я доселе не образумился. Мы сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались Вечера, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдвигъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно веселою книгою, а автору желаю сердечно дальнѣйшихъ успѣховъ.»

Если вѣрить разсказамъ слуги Якима, о которыхъ упоминаетъ въ своей статьѣ (**) г. Данилевскій, то Пушкинъ проводилъ цѣлые ночи въ литературныхъ бесѣдахъ съ Гоголемъ въ его квартирѣ, въ то время, когда у нашего поэта иногда не случалось и собственныхъ свѣчей. Слѣдовательно, это не было сближеніе людей одинакового или соразмѣрного состоянія, одинаковыхъ свѣтскихъ связей, съ одинаковыми удовольствіями жизни. Авторъ «Цыганъ» спѣшилъ въ четвертый этажъ къ неотшлифованному и убогому еще питомцу украинскихъ степей и въ свѣжихъ его рѣчахъ, нечуждыихъ дикаго провин-

---

вѣстномъ обѣдѣ А. Ф. Смирлина, по случаю перенесенія его книжнаго магазина отъ Синяго моста на Невскій проспектъ. Гости подарили хозяина разными пѣсами, составившими альманахъ «Новоселье», въ которомъ помѣщена и гоголева «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».

(*) См. «Литературные Прибавленія» 1831 года, №№ 7 и 9, стр. 623.

(**) «Московскія Вѣдомости» 1852 года, № 124.

циализма, находилъ, вѣроятно, столько же пищи для своего таланта, сколько и самъ доставлялъ своему воспріимчивому приятелю. Читайтесь въ «Повѣсти Бѣлкина» и въ «Капитанскую Дочку» Пушкина, писанныя около того времени, когда у Гоголя вырабатывался «Тарасъ Бульба» и нѣкоторыя другія миргородскія повѣсти. Въ произведеніяхъ обоихъ поэтовъ вы найдете нечто отмѣнное отъ ихъ предшествовавшихъ сочиненій. У Пушкина вамъ почутется что-то степное и, такъ сказать, простонародно-художественное; въ сочиненіяхъ Гоголя вы замѣтите небывалую до тѣхъ поръ стройность плана и доконченность созданія.

Это были наши Гёте и Шиллеръ, наши Вальтеръ Скоттъ и Байронъ. Оба поэта сильно подѣйствовали одинъ на другого; но существованіе Пушкина было несравненно важнѣе для его младшаго брата. Будучи скрытенъ отъ природы и не находя никого въ литературѣ, такъ точно, какъ не находилъ въ школѣ, «съ кѣмъ бы могъ слить долговременные думы свои, кому бы могъ вывѣрить мысленія свои», Гоголь по смерти Пушкина такъ точно «осиротѣлъ и сдѣлался чужимъ» въ Петербургѣ, какъ нѣкогда чувствовалъ себя въ Нѣжинѣ. (*) Онъ могъ опять повторять — и, вѣроятно, повторяя не разъ въ душѣ — то, что было сказано имъ задолго до его знакомства съ Пушкинымъ:

« Я иноземецъ, забредшій на чужбину искать того, что только находится въ одной родинѣ, въ тайны сердца, вырывающіяся на лицѣ, жадныя откровенія, печально опускаются въ глубь его, гдѣ такое же мертвое безмолвіе. »

Въ Пушкинѣ Гоголь лишился совѣтника и сильного помощника въ исполненіи литературныхъ своихъ предпріятій. Мы знаемъ изъ «Переписки съ Друзьями» (**), что первыя главы «Мертвыхъ Душъ» читаны были уже Пушкину; сдѣдовательно, можно предположить, что Пушкинъ много содѣйствовалъ Гоголю въ созданіи если не типовъ, то плана первой части этой

(*) «Обо мнѣ много толковали — говорить онъ — разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣли. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ.» См. «Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», стр. 141.

(**) Стр. 144.

поэмы. Вспомните теперь, какъ скоро были написаны одно за другимъ такія созданія, какъ «Тарасъ Бульба», «Ревизоръ» и первая часть «Мертвыхъ Душъ», вмѣстѣ съ другими, менѣе замѣчательными пьесами, и посмотрите, что лѣдаетъ Гоголь по смерти Пушкина. Пишетъ и жжетъ. У него нѣтъ ободряющаго авторитета, нѣтъ равносильнаго генія, который бы указалъ ему прямой путь поэтической дѣятельности! Словомъ, смерть Пушкина подожида въ жизни Гоголя такую рѣзкую грань, какъ и перѣездъ изъ Малороссіи въ столицу. При жизни Пушкина Гоголь былъ однимъ человѣкомъ, послѣ его смерти сдѣлался другимъ. Я имѣю письмо его, писанное имъ къ П. А. Плетневу, отъ 16 марта 1837 года, изъ Рима, по случаю смерти Пушкина. Вотъ что онъ пишетъ:

«Что мѣсяцъ, что недѣля, то новая утрата; но никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Чѣмъ скажетъ онъ, чѣмъ замѣтитъ онъ, чѣму посмѣется, чѣму изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что меня только занимало и одушевляло мои мысли. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу.... Боже! нынѣшній трулъ мой, внушенный вмѣ, его созданіе.... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо — и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!»

Рядомъ съ этими горячими строками, приведу нѣсколько словъ изъ письма поэта, адресованного къ Н. Д. Бѣлозерскому, въ то время, когда, совершивъ одну поѣздку въ чужie края и почувствовавъ свое одиночество, Гоголь готовился снова оставить Россію (*):

«Здоровье мое и я самъ уже не гожусь для здѣшнаго климата, а главное — моя бѣдная душа: ей нѣтъ здѣсь пріюта, или, лучше сказать, для неї нѣтъ такого пріюта, куда бы не доходили до нея волненія. Я же теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской.»

(*) Полное письмо будетъ помѣщено въ своемъ мѣстѣ.

Н. Д. Бѣлозерскій, посѣщая бывшаго инспектора Гимназіи Князя Безбородко въ Нѣжинѣ, г. Бѣлоусова, видалъ у него студента Гоголя, который былъ хорошо принятъ въ домѣ своего начальника и часто приходилъ къ его племяннику, тоже студенту, г. Божко, для ученическихъ занятій. Онъ описываетъ будущаго поэта въ то время немножко сутуловатымъ и съ походкою, которую всего лучше выражаетъ слово *пѣтушкомъ*. Внослѣдствіи они встрѣтились, уже какъ старые знакомые, въ Петербургѣ, въ эпоху «Вечеровъ на Хухорѣ» и «Миргорода». Бѣлозерскій нашелъ Гоголя уже пріятелемъ Пушкина и Жуковскаго, у которыхъ онъ проживалъ иногда въ Царскомъ Селѣ. Это была самая цвѣтущая пора въ характерѣ поэта. Онъ писалъ все сцены изъ воспоминаній родины, трудился надъ «Исторіею Малороссіи» и любилъ проводить время въ кругу земляковъ. Тутъ-то чаще всего видѣли его такимъ оживленнымъ, какъ разсказываетъ г. Гаевскій, въ свойхъ «Замѣткахъ для Біографіи Гоголя». Г. Прокоповичъ вспоминаетъ съ восхищеніемъ объ этой порѣ жизни своего друга. У него я видѣлъ портретъ Гоголя, рисованный и литографированный Венеціановымъ, и который, по словамъ владѣльца, можно назвать портретомъ автора «Тараса Бульбы».

Гоголь отличался тогда щеголеватостью своего костюма, которымъ впослѣдствіи началъ пренебрегать, но боялся холода и носилъ зимою шинель, плотно запахнувъ ее и поднявъ воротникъ обѣими руками выше ушей. Въ то время перемѣнчивость въ настроении его души обнаруживалась въ скромѣ созиданіи и разрушеніи плановъ. Такъ однажды весною онъ объявилъ, чтоѣдетъ въ Малороссію, и, дѣйствительно, совсѣмъ собрался въ дорогу. Приходить къ нему проститься и узнаютъ, что онъ переѣхалъ на дачу. Н. Д. Бѣлозерскій посѣтилъ его въ этомъ сельскомъ уединеніи. Гоголь занималъ отдѣльный домикъ съ мезониномъ, недалеко отъ Поклонной горы, на дачѣ Гинтера.

- Кто же у васъ внизу живетъ? спросилъ гость.
- Низъ я нанимъ другому жильцу, отвѣчалъ Гоголь.
- Гдѣ же вы его поймали?
- Онъ самъ явился ко мнѣ, по объявлению въ газетахъ. И еще какая странная случайность! Звонитъ ко мнѣ какой-то господинъ. Отпираютъ.

«— Вы публиковали въ газетахъ обѣ отдачѣ въ наемъ половины дачи?»

— Публиковалъ.

«— Нельзя ли мнѣ воспользоваться?...»

— Очень радъ. Не угодно ли садиться? Позвольте узнать вашу фамилию.

«— Половинкинъ.»

— Такъ и прекрасно! вотъ вамъ и половина дачи. — Тотчасъ безъ торгу и порѣшили.

Черезъ нѣсколько времени г. Бѣлозерскій опять посѣтилъ Гоголя на лачѣ и нашелъ въ ней одного г. Половинкина. Гоголь, вставши разъ очень рано и увидѣвъ на термометрѣ 8 град. тепла, уѣхалъ въ Малороссию, и съ такою поспѣшностью, что не сдѣлалъ даже никакихъ распоряженій касательно своего зимняго платья, оставленнаго въ комодѣ. Потомъ ужъ онъ писалъ изъ Малороссіи, къ своему земляку Бѣлозерскому, чтобъ онъ сѣѣздилъ къ Половинкину и попросилъ его развѣсить платье на свѣжемъ воздухѣ. Бѣлозерскій отправился на дачу и нашелъ платье уже развѣшеннымъ.

Для полноты извѣстій о второмъ, цвѣтущемъ періодѣ жизни нашего поэта, мнѣ надобно возвратиться нѣсколько назадъ и разсказать о дальнѣйшей педагогической службѣ его. Состоя въ чинѣ титуларнаго совѣтника со дня вступленія въ должность старшаго учителя исторіи при Патріотическомъ Институтѣ, Гоголь, «въ награду отличныхъ трудовъ», былъ пожалованъ отъ Ея Величества, 9 марта 1834 года, брильянтовымъ перстнемъ. А между тѣмъ, при содѣйствіи своихъ покровителей и силою собственнаго авторитета, онъ проложилъ себѣ путь къ высшему посту.

Нѣкоторые изъ тогдашнихъ знакомыхъ Гоголя утверждаютъ, что онъ обязанъ своими успѣхами по службѣ и въ жизни не однѣмъ лѣйтвительнымъ заслугамъ своимъ, что онъ, при всѣхъ высокихъ свойствахъ своей души, не былъ чуждъ ни мелочности характера, ни даже хитрости, когда нужно было достичнуть какихънибудь материальныхъ выгода, что онъ въ своихъ ученыхъ статьяхъ прикидывался ревностнымъ жрецомъ науки, которымъ никогда не былъ, и дѣланъ, вездѣ гдѣ могъ, намеки на свои глубокія познанія въ исторіи, которыхъ никого

не имѣлъ^(*); наконецъ, что онъ заставилъ говорить въ свою пользу такихъ людей, какъ Пушкинъ и Жуковскій, и съ помощью ихъ получилъ мѣсто адъюнкта по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ С.-Петербургскомъ университѣтѣ. (ІІІ)

Какъ вѣрный повѣствователь всего, что мнѣ известно о Гоголѣ, я не могъ умолчать объ этихъ мнѣніяхъ, тѣмъ болѣе, что ихъ раздѣляютъ люди съ большимъ авторитетомъ. Но я боюсь, чтобъ въ этомъ указаніи на слабыя стороны, или, лучше сказать, на юношескіе грѣхи писателя, не стали подозрѣвать другого чувства, кромѣ желанія представить его такимъ, какимъ онъ былъ дѣйствительно, — нарисовать его съ тѣми нравственными недостатками, которые, по собственному его признанію, онъ бралъ изъ себя и, отвергаясь ихъ, предавалъ на всенародное посмѣяніе въ своихъ жалкихъ герояхъ. (ІІІ) Я не довѣряю собственному сужденію о человѣкѣ, каковъ покойный Гоголь, и привожу мнѣнія о немъ современниковъ для того, чтобы читатели, сообразивъ все вмѣстѣ, могли взять тотъ средній голосъ, который во всякихъ спорахъ рго и contra чаще всего составляетъ истину. Но не могу не прибавить отъ себя, что «едва ли поэтъ нашъ былъ когда либо способенъ къ хитрости въ точ-

(ІІІ) См. «Арабески», ч. I, стр. 67, 94—95.

(ІІІ) Онь былъ утвержденъ въ этой должности 1834 года, 24 июля.

(ІІІ) Никто изъ читателей моихъ не зналъ — говорилъ онъ — что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною. Во мнѣ не было какого нибудь одного слишкомъ сильного порока, который бы высунулся виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно, какъ не было также никакой картины лобродѣтели, которая могла бы придать имъ какую нибудь картинную наружность; но за то, вмѣсто того, во мнѣ замыкалось собраніе всѣхъ возможныхъ недостатковъ, каждаго по-немногу, и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселе ни въ одномъ человѣкѣ.... Я не любилъ никогда моихъ дурныхъ качествъ.... По мѣрѣ того, какъ они стали (мнѣ) открываться, чуднымъ высшимъ внушеніемъ усиливалось во мнѣ желаніе избавляться отъ нихъ.... Съ этихъ поръ я сталъ падѣять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ недостатковъ, моими собственными. Вотъ какъ это дѣялось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ звани и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорблѣніе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ чѣмъ ни попало.... и проч. (См. «Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», стр. 143—144.)

номъ значеніи этого слова. Если Гоголь говорилъ о своихъ ученьихъ занятіяхъ и познаніяхъ, то, конечно, искренно вѣрилъ, что имѣеть ихъ или скоро будетъ имѣть. Жуковскаго же въ Пушкина не нужно было ему заставлять говорить о немъ: безъ сомнѣнія, они сами обманывались, или, лучше сказать, обольщались его историческими взглядами, его глубокимъ пониманіемъ исторіи и его учеными статьями.» Высшаго мѣста онъ искалъ вовсе не изъ честолюбія или корыстныхъ видовъ. Честолюбіе его было выше мелочного тщеславія ступенемъ, занимаемою въ обществѣ, а материальныя выгоды никогда не составляли цѣли его жизни: онѣ были въ его глазахъ только средствами для осуществленія плановъ, постоянно занимавшихъ его душу. Письма его къ М. А. Максимовичу о каѳедрѣ всеобщей исторіи въ Киевскомъ университѣтѣ, которой онъ напрасно помогался, покажутъ, для чего ему нужно было получить мѣсто профессора. Встрѣтивъ въ этомъ исканіи препятствія, онъ ограничился званіемъ алъюнкта въ столичномъ университетѣ. «Здѣсь онъ не переставалъ работать по мѣрѣ данныхъ ему Богомъ силъ, не переставалъ учиться и постоянно имѣть въ виду цѣль — сдѣлаться наконецъ ученымъ, хорошимъ профессоромъ, именно историкомъ. Но его художническая природа мѣшала постоянно той пассивной дѣятельности, которая нужна для обогащенія себя свѣдѣніями. Его пониманіе исторіи не могло обратиться въ спокойное преподаваніе. Тѣмъ не менѣе съ юныхъ лѣтъ Гоголь дѣлалъ постоянныя усилія образовать себя, которая тѣмъ болѣе имѣютъ въ себѣ заслуги, что для художника онѣ тяжеле, нежели для всякаго другого. Доказательствомъ этому служить его книга, находящаяся у его друга С. Т. А. и принадлежащая, очевидно, самой первой юности поэта. Въ этой книгѣ записывалъ онъ все для него нужное. Такія записные книжки видали у него постоянно. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе заставлялъ онъ себя заниматься, изучать, работать. Коротко его знавшіе могутъ это засвидѣтельствовать. Быстрота соображенія, гениальная отгадка смысла вещей и событий мѣшаетъ также заниматься послѣдовательно. Человѣкъ, для которого смыслъ событий является выводомъ, часто тяжело добывающій долгими трудами, видитъ всю цѣну и необходимость для него этихъ трудовъ. Но для того, чей острый взоръ проникаетъ въ смыслъ события, не дожидаясь полной, окончательной ре-

боты, для того не составляетъ ова той необходимости, какъ для медленно идущаго ума. Не хочу сказать, чтобы даръ прозрѣнія освобождалъ человѣка отъ труда; я хочу сказать только то, что этотъ даръ, предупреждая выводъ постепенный, мѣшаетъ послѣдовательности работы.»⁽¹⁾ Вотъ почему Гоголь, желая служить какъ истинный гражданинъ своего отечества на поприщѣ преподаванія наукъ, далеко не достигъ своей цѣли, и когда въ концѣ 1835 года вышло постановленіе, по которому онъ долженъ быть выдержанъ испытаніе на степень доктора Философіи, если бы пожелалъ занять профессорскую должность, — онъ предпочелъ лучше оставить государственную службу и служить отечеству исключительно на поприщѣ писателя.⁽²⁾

О томъ, какъ онъ исполнялъ обязанности званія адъюнкта всеобщей исторіи и каково читалъ свои университетскія лекціи, мы имѣемъ прекрасный мемуаръ одного изъ его слушателей, г. Иваницкаго.⁽³⁾

«Гоголь читалъ исторію Среднихъ вѣковъ — говоритъ г. Иваницкій — для студентовъ 2-го курса филологическаго отдѣленія. Началь онъ въ сентябрѣ 1834, а кончилъ въ концѣ 1835 года. На первую лекцію онъ явился въ сопровожденіи инспектора студентовъ. Это было въ 2 часа. Гоголь вошелъ въ аудиторію, раскланялся съ нами и, въ ожиданіи ректора, началъ о чёмъ-то говорить съ инспекторомъ, стоя у окна. Замѣтно было, что онъ находился въ тревожномъ состояніи духа: вертѣль въ рукахъ шляпу, мялъ перчатку и какъ-то недовѣрчиво посматривалъ на насть. Наконецъ подошелъ къ каѳедрѣ и, обратясь къ намъ, началъ объяснять, о чёмъ намѣренъ онъ читать сегодня лекцію. Въ проложеніе этой коротенькой рѣчи, онъ постепенно всходилъ по ступенямъ каѳедры: сперва всталъ на первую ступеньку, потомъ — на вторую, потомъ — на третью. Ясно, что онъ не довѣрялъ самъ себѣ и хотѣлъ сначала попробовать, какъ-то онъ будетъ читать. Минѣ кажется, однакожъ, что волненіе его происходило не отъ недостатка присутствія духа, а

⁽¹⁾ Два мѣста въ этомъ оправданіи характера Гоголя, отмѣченныя кавычками, заимствованы мною, почти безъ всякой перемѣны, изъ письма ко мнѣ С. Т. А***.

⁽²⁾ Онъ былъ уволенъ 1-го января 1836 года.

⁽³⁾ «Отечественные Запаски» 1853 года, № 2.

просто отъ слабости нервовъ, потому что въ то время, какъ лицо его непріятно блѣднѣло и принимало болѣзньное выраженіе, мысль, высказываемая имъ, развивалась совершенно-логически и въ самыхъ блестящихъ формахъ. Къ концу рѣчи Гоголь стоялъ ужъ на самой верхней ступенькѣ каѳедры и замѣтно одушевился. Вотъ въ эту-то минуту ему и начать бы лекцію, но вдругъ вошелъ ректоръ.... Гоголь долженъ былъ оставать на минуту свой постъ, который занялъ такъ ловко, и даже можно сказать, незамѣтно для самого себя. Ректоръ сказалъ ему нѣсколько привѣтствій, поздоровался со студентами и занялъ приготовленное для него кресло. Настала совершенная тишина. Гоголь опять впалъ въ прежнее тревожное состояніе: опять лицо его поблѣднѣло и приняло болѣзньное выраженіе. Но медлить ужъ было нельзя: онъ вошелъ на каѳедру и лекція началась....

«Не знаю, прошло ли и пять минутъ, какъ ужъ Гоголь овладѣлъ совершенно вниманіемъ слушателей. Не возможно было спокойно слѣдить за его мыслью, которая летѣла въ преломлялась, какъ молния, освѣщая безпрестанно картину за картиной въ этомъ мракѣ средневѣковой исторіи. Впрочемъ, вся эта лекція изъ слова-вѣ-слово напечатана въ «Арабескахъ», кажется, подъ заглавіемъ: «О характерѣ Исторіи Среднихъ Вѣковъ». Ясно, что и въ такомъ случаѣ, не довѣряя самъ себѣ, Гоголь выучилъ наизустъ предварительно-написанную лекцію, и хотя во время чтенія одушевился и говорилъ совершенно свободно, но ужъ не могъ оторваться отъ затверженыхъ фразъ, и потому не прибавилъ къ нимъ ни одного слова.

«Лекція продолжалась три четверти часа. Когда Гоголь вышелъ изъ аудиторіи, мы окружили его въ сборной залѣ и просили, чтобы онъ далъ намъ эту лекцію въ рукописи. Гоголь сказалъ, что она у него набросана только въ чернѣ, но что современемъ онъ обработаетъ ее и дастъ намъ; а потомъ прибавилъ: на первый разъ я старался, господа, показать вамъ только главный характеръ Исторіи Среднихъ Вѣковъ; въ слѣдующій разъ мы примемся за самые факты и должны будемъ вооружиться для этого анатомическими ножами.»

«Мы съ нетерпѣніемъ ждали слѣдующей лекціи. Гоголь приѣхалъ довольно поздно и началъ ее фразой: «Азія была всегда какимъ-то пародо-вергущимъ вулканомъ». Потомъ онъ

говорить немного о великомъ переселеніи народовъ, но такъ вело, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать, и мы не вѣрили сами себѣ, тогдѣ это Гоголь, который на прошлой недѣльѣ прочелъ такую блестящую лекцію? Наконецъ, указавъ намъ на кое-какіе курсы, гдѣ мы можемъ прочесть объ этомъ предметѣ, онъ раскланялся и уѣхалъ. Вся лекція продолжалась 20 минутъ. Слѣдующія лекціи были въ томъ же родѣ, такъ что мы совершенно наконецъ охладѣли къ Гоголю, и аудиторія его все больше и больше пустѣла.

«Но вотъ однажды — это было въ октябрѣ — ходимъ мы по сборной залѣ и ждемъ Гоголя. Вдругъ входятъ Пушкинъ и Жуковскій. Отъ швейцара, конечно, они ужъ знали, что Гоголь еще не прїѣхалъ, и потому, обратясь къ намъ, спросили только, въ которой аудиторіи будетъ читать Гоголь? мы указали изъ аудиторію. Пушкинъ и Жуковскій заглянули въ нее, но не вошли, а остались въ сборной залѣ. Черезъ четверть часа прїѣхалъ Гоголь, и мы вслѣдъ за тремя поэтами вошли въ аудиторію и сѣли по мѣстамъ. Гоголь вошелъ на каѳедру, и вдругъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ другаго, началъ читать взглядъ на исторію Аравитянъ. Лекція была блестящая, въ та-комъ же родѣ, какъ и первая. Она вся изъ слова-въ-слово напечатана въ «Арабескахъ». Видно, что Гоголь зналъ заранѣе о намѣреніи поэтовъ прїѣхать къ нему на лекцію, и потому приготовился угостить ихъ поэтически. Послѣ лекціи Пушкинъ заговорилъ о чёмъ-то съ Гоголемъ, но я слышалъ одно только слово: «увлекательно»....

«Всѣ слѣдующія лекціи Гоголя были очень сухи и скучны: ни одно событие, ни одно лицо историческое не вызвало его на бесѣду живую и одушевленную.... Какими-то сонными глазами смотрѣлъ онъ на прошедшіе вѣка и отжившія племена. Безъ сомнѣнія, ему самому было скучно, и онъ видѣлъ, что скучно и его слушателямъ. Бывало, прїѣдетъ, поговорить съ полчаса съ каѳедры, уѣдетъ, да ужъ и не показывается цѣлую недѣлю, а иногда и днѣ. Потомъ опять прїѣдетъ, и опять та же исторія. Такъ прошло время до мая.

«Наступилъ экзаменъ. Гоголь прїѣхалъ, подвязанный чернымъ платкомъ: не знаю ужъ, зубы у него болѣли, что ли. Вопросы предлагая бывшій ректоръ И. П. Ш. Гоголь сидѣлъ

въ сторонѣ и ви во что не вступался. Мы слышали ужъ тогда, что онъ оставляетъ Университетъ и ёдетъ на Кавказъ. Послѣ экзамена мы окружили его и изъявили сожалѣніе, что должны разстаться съ нимъ. Гоголь отвѣчалъ, что здоровье его разстроено и что онъ долженъ перемѣнить климатъ.

«Теперь я ёду на Кавказъ: мнѣ хочется застать тамъ еще свѣжую зелень; но я надѣюсь, господа, что мы когда нибудь еще встрѣтимся.

«Поѣзда эта, однакожь, не состоялась, не знаю почему.»

НИКОЛАЙ М.

ОЧИТЬ БІОГРАФІЮ МІХАЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ.

ОКОНЧАННІЕ ВТОРАГО ПЕРІОДА.

До сихъ поръ мы видѣли Гоголя-писателя то въ его сношенніяхъ съ журналистами, то въ хлопотахъ объ уничтоженіи неудавшейся поэмы, то въ фантастической поездкѣ за море, то на службѣ, то у его покровителей; но все это не болѣе, какъ видѣть человѣка въ домѣ. Войдемъ теперь въ его кабинетъ и посмотримъ, каковъ онъ у себя дома, посреди своихъ любимыхъ занятій, съ своими скрытыми отъ свѣта горестями и наслажденіями. Эта часть второго періода его жизни довольно полно высказалась въ перепискѣ его съ извѣстнымъ писателемъ М. А. Максимовичемъ. Г. Максимовичъ, будучи сперва профессоромъ ботаники въ Московскомъ университѣтѣ, а потомъ профессоромъ русской словесности въ Университетѣ св. Владимира, имѣль много слушателей, разсѣянныхъ теперь по всей Россіи. Его знаютъ не по однимъ его сочиненіямъ и изданіямъ, и потому письма къ нему Гоголя должны быть гораздо интереснѣе, нежели еслибъ они были обращены къ лицу, о которомъ читатель не составилъ себѣ никакого предварительного понятія.

Знакомство ихъ началось съ 1829 года, когда г. Максимовичъ, посѣтивъ Петербургъ, вилѣлъ Гоголя за чаемъ у одного общаго ихъ земляка, где собралось еще нѣсколько малороссій.

янъ. По словамъ его, Гоголь ничѣмъ особеннымъ не выдался изъ круга собесѣдниковъ, и онъ не сохранилъ въ памяти даже наружности будущаго замѣчательнаго писателя. Потомъ уже, въ 1832 году, когда Гоголь проѣзжалъ черезъ Москву, г. Максимовичъ прѣѣхалъ къ нему въ гостиницу, познакомиться съ авторомъ «Вечеровъ на Хуторѣ близь Диканьки». Гоголь встрѣтилъ своего гостя, какъ старого знакомаго, видѣвъ его три года тому назадъ не болѣе, какъ въ продолженіе двухъ часовъ, и г. Максимовичу стоило большого труда не дать замѣтить поэту, что онъ совсѣмъ его не помнитъ. По словамъ г. Максимовича, Гоголь былъ тогда хорошенъкимъ мододымъ человѣкомъ, въ шелковомъ архалукѣ вишневаго цвета. Оба они заняты были въ то время Малороссіею: Гоголь готовился писать исторію этой страны, а Максимовичъ собирался печатать свои «Украинскія народныя пѣсни» (*), и потому они нашли другъ друга очень интересными людьми. Немного времени провели они вмѣстѣ, но съ этой поры начинается рядъ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу, въ высшей степени замѣчательныхъ. (**)

Въ первомъ изъ нихъ, отъ 12 декабря 1832 года, дѣло вдетъ о виньеткѣ къ «Украинскимъ народнымъ пѣснямъ». Гоголь не можетъ отыскать какого-то художника «малоросса въ обоихъ смыслахъ», который, по его словамъ, «одинъ могъ бы сдѣлать национальную виньетку», и жалѣеть, что задержалъ этимъ изданіемъ пѣсенъ.

« Я до сихъ поръ не переста1ль досадовать на судьбу — говорить онъ между прочимъ — столкнувшую насъ мелькомъ на такое короткое время. Не досталось намъ ни покаяніе о томъ и о семъ, ни помолчать, глядя другъ на друга. »

Уже однѣ эти строки показываютъ, что Гоголя нельзя было упрекнуть въ холодности къ друзьямъ, въ которой упрекаютъ его многіе. Обширный планъ литературной дѣятельности, начертанный имъ въ третьемъ періодѣ его существованія, поглотилъ всѣ его нравственныя силы, набросилъ на его лицо покровъ холодности и наложилъ печать молчанія на уста его; но были минуты, когда его душевный жаръ къ человѣку вообще и товарищамъ ранней молодости въ особенности обнаруживался

(*) Оныѣ вышли въ 1834 году.

(**) Подлинники этихъ писемъ составляютъ собственность М. А. Максимовича.

во всей весенней свѣжести, и это, я увѣренъ, подтверждится впослѣдствіи множествомъ его писемъ.

Слѣдующее изъ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу, находящихся у меня въ рукахъ, писано черезъ семь мѣсяцевъ послѣ первого, — именно 2 юля 1833 года. Въ немъ Гоголь жалуется уже на изнурительный петербургскій климатъ, который прогналъ его впослѣдствіи за границу.

«Жаль мнѣ очень — говорить онъ — что вы хвораете. Бросьте въ самомъ дѣлѣ Москву да поѣзжайте въ Малороссию. Я самъ думаю то же сдѣлать и на слѣдующій годъ махму отсюда. Дурии мы, право, какъ разсудишъ хорошенько. Блесмъ! Сколько мы тамъ насобираемъ всякой всячины! все выкопаемъ. Если вы будете въ Кіевѣ, то отыщите эксъ-профессора Бѣлоусова (¹): этотъ человѣкъ будетъ вамъ очень полезенъ во многомъ, и я желаю, чтобы вы съ нимъ сошлись. Итакъ, вы поймете еще въ Малороссіи осень — благоухающую, славную осень, съ своимъ свѣжемъ, неподдельнымъ букетомъ. Счастливы вы! А я живу здѣсь среди лѣта и не чувствую лѣта. Душно; а нѣтъ его. Совершенная баня; воздухъ хочетъ уничтожить, а не оживить. (²) Не знаю, напишу ли я что нибудь для васъ. Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки. Какъ ни принуждаю себя, нѣтъ, да и только. Но, однажды, для «Денницы» (³) вашей употреблю всѣ силы разбудить мозгъ свой и разворушить (⁴) воображеніе. А до того, поручая васъ дѣятельности, молю Бога, да ниспошлетъ вамъ здоровье и силы, чтѣ лучше всего на этомъ грѣшномъ мірѣ. Увѣломьте пожалуста, какую пользу принесетъ вамъ московскій водопой и какимъ образомъ вы проводите на немъ день свой. Я слышалъ, что Дьяльковскій отправился на Кавказъ. Онъ еще не возвратился? Если возвратился, то что говорить о Кавказѣ, объ употребленіи водъ, о степени ихъ цѣлительности, и въ какихъ особенно болѣзняхъ? Изъ

(¹) Бывшій наставникъ Гоголя въ Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко.

(²) И не удивительно: въ этомъ году Гоголь не жилъ на дачѣ. Въ началѣ письма онъ говоритъ, что «только что пріѣхалъ изъ Петергрофа, гдѣ прожилъ около мѣсяца.»

(³) Альманахъ, изданный М. Максимовичемъ въ Москвѣ, въ 1834 году.

(⁴) Малороссійское слово; по русски — расшевелить.

моихъ тщательныхъ вопросовъ вы можете догадаться, что и мнѣ пришло въ думку потащиться на Кавказъ, зане скучный составъ мой часто одолѣваетъ недугомъ и крайне лягаетъ. Хотѣлось бы мнѣ очень вмѣсто пера покалывать съ вами языкомъ, да этотъ годъ мнѣ никакъ нельзя отлучиться изъ Петербурга.... Итакъ, будьте здоровы и не забывайте земляка, которому будетъ подаркомъ ваша строка.»

Въ промежутокъ между іюлемъ и ноябремъ съ Гоголемъ случилось нѣчто необыкновенное. Можетъ быть, то были непріятности по службѣ или по предмету его литературныхъ занятій; но, судя по тону его рѣчи, едва ли не будетъ вѣрѣе, если мы скажемъ, что то была

•Забота юности — любовь.▪

Обратите вниманіе на строки, напечатанныя курсивомъ въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ изъ Петербурга, отъ 9 ноября:

« Я чертовски досадую на себя за то, что ничего не имѣю, чѣмъ бы прислать вамъ въ вашу «Денницу». У меня есть сто разныхъ началъ и ни одной повѣсти, и ни одного даже отрывка полнаго, годнаго для альманаха. Смирдинъ изъ другихъ уже рукъ досталъ одну мою старинную повѣсть (*), о которой я совсѣмъ было позабылъ и которую я стыжусь назвать своею; впрочемъ, она такъ велика и неуклюжа, что никакъ не годится въ вашъ альманахъ. Не гнѣвайтесь на меня, мой милый и отъ всей души и сердца любимый мною землякъ. Я вамъ въ другой разъ не-премѣнно приготовлю чѣмъ вы хотите. Но не теперь: еслибы вы знали, какіе со мною происходили странные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня. Боже, сколько я пережегъ, сколько перестрадала! Но теперь я надѣюсь, что все успокоится, и я буду снова дѣятельный, движущійся. Теперь я принялъ за исторію нашей Украины. Ничто такъ не успокаиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чѣмъ до меня не говорили.

« Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсень и собраніи Ходаковскаго. Какъ бы я же-

(*) То бывшее «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», напечатанная Смирдинымъ въ «Новосельѣ».

Н. М.

лаъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при третинной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя! пѣсни! какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!... Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними — прелесть. Я вамъ ихъ спишу... (*) не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да! я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхыхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсенъ. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько пѣсенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю. Это все равно, еслибъ кто передъ женщиной сказалъ, что онъ знаетъ секретъ, и не объявилъ бы ей. Ведите переписать четкому, красивому писцу въ тетрадь in quarto на мой счетъ. Я не имѣю терпѣнія дождаться печатного; притомъ я тогда буду знать, какія присылать вамъ пѣсни, чтобы у васъ не было двухъ сходныхъ дублетовъ. Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. (**) Даже не историческая, даже циническая, онѣ все даютъ

(*) Это обѣщаніе было исполнено. У М. А. Максимовича хранится тетрадь пѣсенъ, переписанныхъ Гоголемъ собственноручно.

H. M.

(**) Въ началѣ 1834 года Гоголь напечаталъ въ «Сѣверной Челѣ» (№ 34) и въ «Московскомъ Телеграфѣ» (№ 3, стр. 523) слѣдующее объявление *Объ изданіи малороссийскихъ казаковъ*:

«До сихъ поръ еще нѣтъ у насъ полной, удовлетворительной исторіи Малороссіи и народа. Я не называю исторіями многихъ компиляцій (впрочемъ, полезныхъ какъ материалы), составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей, безъ строгаго критического взгляда, безъ общаго плана и цѣли, болѣею частію неполныхъ и не указавшихъ донынѣ этому народу места въ исторіи мира. Я рѣшился принять на себя этотъ трудъ и представить сколько можно обстоятельнѣе: какимъ образомъ отдѣлилась эта часть Россіи; какое получила она политическое устройство, находясь подъ чуждымъ владѣніемъ; какъ образовался въ ней воинственный народъ, означенный совершеніемъ оригинальностью характера и подвиговъ; какимъ образомъ онъ три вѣка съ оружіемъ въ рукахъ добывалъ права свои и упорно отстоялъ свою религию; какъ наконецъ навсегда присоединился къ Россіи; какъ исчезало воинственное бытіе его и превращалось въ земледѣльческое; какъ мало по малу вся страна получила новыя, въ замѣнъ прежнихъ, права, и наконецъ совершенно слилась въ одно съ Россіею. Около пяти лѣтъ собирая я

по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе прошедшую жизнь и прошедшихъ людей — — — велите сдѣлать это скорѣе. Я вамъ за то пришлю находящіяся у меня, которыхъ будетъ до двухсотъ, и что замѣчательно — что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарыты.

«Прощайте, милый землякъ, не забывайте меня, какъ я не забываю васъ.... (*) Лучше вычеркнуть....

«Пишите ко мнѣ.

«Вѣчно вашъ Н. Гоголь.»

Читатель теперь видитъ, что я не напрасно распространился о первоначальныхъ видѣніяхъ, которыми подвергался Гоголь въ родной своей сфере: онъ были могущественны и дали его чувствамъ, мыслямъ и словамъ поэтическій строй, показавшійся столь оригинальнымъ всей Россіи. Письма его, при всей небрежности его языка и изложенія, обнаруживаютъ яснѣе, нежели печатныя сочиненія, изъ какого жерла лился потокъ его вдохновенія и у кого учился онъ дивному своему искусству одной строкой выражать цѣлый образъ. — Итакъ, будемъ продолжать ихъ чтеніе.

Въ то время Киевскій университетъ только что начиналъ организоваться. М. А. Максимовичъ желалъ поступить на каѳедру русской словесности, а къ Гоголю писалъ, чтобы онъ искалъ для себя каѳедры всеобщей исторіи. (Вспомнимъ, что Гоголь тогда былъ еще старшимъ учителемъ исторіи въ Патріотиче-

---

съ болѣшимъ стараніемъ материалы, относящіеся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова; но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ быть, мнѣ неизвѣстныхъ, которые, безъ сомнѣнія, хранятся гдѣ нибудь въ частныхъ рукахъ. И потому, обращаясь ко всемъ, усерднѣйше прошу (и нельзѧ, чтобы просвѣщенныя соотечественники отказали въ моей просьбѣ) имѣющихъ какіе бы то ни было материалы, автографы, записки, пѣсни, новѣсти бандурристовъ, дѣловыя бумаги (особенно относящіеся до первобытной Малороссіи), прислать мнѣ ихъ, если нельзѧ въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ. —

Н. М.

(*) Далѣе двѣ съ половиною строки зачеркнуты нѣсколько разъ чернилами.

Н. М.

скомъ институтѣ.) На это-то письмо Гоголь отвѣчалъ ему, не выставя числа (*):

«Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли въ немъ, за новости и проч. Представь, я тоже думаль: туда! туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей. Да, я работаю. Я всѣми силами стараюсь; но на меня находитъ страхъ: «можетъ быть, я не успѣю!» Мне надоѣль Петербургъ, или, лучше, не онъ, но несносный климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы зайдемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ видѣть добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края! Тамъ можно обновиться всѣми силами. Развѣ это малость? Но меня смущаетъ, если это не исполнится!... Если же исполнится, да ты надуешь, тогда одному пріѣхать въ этотъ край, хоть и желанный, но быть одному совершеннио, не имѣть съ кѣмъ заговорить языкомъ души — это страшно! Хорошо, еслиъ попадешь туда кто нибудь изъ извѣстныхъ людей, истинно просвѣщенныхъ и такъ же чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою. Я говорилъ Пушкину о стихахъ. (**) Онъ написалъ путешествую двѣ большія піесы, но отрывковъ изъ нихъ не хочетъ давать, а обѣщаются написать вѣсколько маленькихъ. Я съ своей стороны употреблю стараніе его подгонять.

«Прощай до слѣдующаго письма. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя обѣщанной тетради пѣсенъ, тѣмъ болѣе, что безпрестанно получаю новые, изъ которыхъ много есть историческихъ, еще больше — прекрасныхъ. Впрочемъ, я нетерпѣливе тебѣ, и никакъ не могу утерпѣть, чтобы не выписать здѣсь одной изъ самыхъ интересныхъ, которой вѣрно у тебя нѣтъ.»

Въ числѣ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу есть письма довольно обыкновенные; но и въ нихъ мѣстами вспыхиваетъ искра чувства, или ума, или юмора. Притомъ же изъ нихъ видны отвношенія нашего поэта къ современнымъ писателямъ, взглянуть на тоглашнія литературныя явленія, манера его обращаться съ людьми, и т. д. Поэтому я, оставляя въ сторонѣ

(*) Изъ отмѣтки г. Максимовича на письмѣ видно, одинакожъ, что оно было писано въ 1833 году, а предыдущее и послѣдующее письма — оба съ означеніемъ чиселъ — опредѣляютъ для него промежутокъ между 9 ноября и концомъ года.

(**) Для Деницы.

H. M.

занимательность или незанимательность ихъ для большинства читателей, помѣщу ихъ всѣ здѣсь, какъ материалы для исторіи русской литературы, выключивъ только мѣста, почему либо для кого нибудь щекотливыя.

«Января 7.» (1834, изъ С.-Петербургa.)

«Поздравляю тебя съ 1834 и отъ души благодарю тебя за «Денницу», которой, впрочемъ, я до сихъ поръ не получалъ, потому что О*** заблагорассудилъ кому-то отдать мой экземпляръ. Слышу, однакожъ, что въ ней много хорошаго; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ говорилъ Жуковскій.

«Что жь ты не пишешь ни о чёмъ? Охъ, эти земляки мнѣ! Что мы, братецъ, за лѣтняи съ тобою! Однако, напередъ положимъ условіе: какъ только въ Киевъ — лѣтъ къ чорту! чтобы и духъ ся не пахъ. Да превратится онъ въ russkіe Аенины, Богоспасаемый нашъ городъ! Да! отчего до сихъ поръ не выходить ни одинъ изъ московскихъ журналовъ? Скажи Н***, что это нехорошо, если онъ вздумаетъ, по прошлогоднему, до тѣхъ поръ не выпускать новыхъ, покамѣстъ не дадастъ старыхъ. Чтобъ за рыцарская честность! теперь она въ наши времена такъ же смѣшна, какъ и ханжество. Подписчики и читатели и прошлый годъ на него сердились всѣ. Притомъ же для него хуже: онъ не нагонитъ и будетъ отставать вѣчно, какъ Полевой. Знаешь ли ты собраніе галицкихъ пѣсенъ, вышедшихъ въ прошломъ году (довольно толстая книжка іп-8)?... очень замѣчательная вещь! Между ними есть множество настоящихъ малороссийскихъ, такъ хорошихъ, съ такими свѣжими красками и мыслями, что весьма не мѣшаетъ ихъ включить въ гадаемое собраніе.

«Какъ проводишь время и что дѣлаешь въ Москвѣ, и что другіе дѣлаютъ? вѣрно, есть что нибудь новое.

«Когда же погляжу я на пѣсни? *

«Прощай.

«Твой Гоголь.»

«Саб. Февраля 13.» (1834.)

«Я получилъ только сегодня два твоихъ письма: одно отъ 26 января, другое отъ 8 февраля, — все это по милости О***, который изволитъ ихъ чортъ знать сколько удерживать у себя. Въ

одномъ письмѣ ты пишешь за Кіевъ. (1) Я думаю ъхать. Дѣла, кажется, мои вдуть на ладъ. — — —

«Ты говоришь, что если залѣнишься, то тогда, набравши си-
лы, въ Москву. А на что человѣку дается характеръ и желѣзная
сила души? Къ чорту лѣнь, да и концы въ воду! Ты разсмотря
хорошенько характеръ земляковъ: они лѣнятся, но зато, если
что задолбать въ свою голову, то на вѣки. Вѣдь тутъ только
рѣшимость: разъ начать — и все.... Типографія будетъ подъ бо-
комъ. Чего жъ больше. А воздухъ! а гливы! а рогизъ! а со-
вяшники! а паслины! а цыбуля! (2) а вино хлѣбное, какъ гово-
ритъ пріятель нашъ Ушаковъ. Тополи, груши, яблони, сливы,
морели, деренъ, вареники, борщъ, лопухъ.... Это просто рос-
кошь! Это одинъ только городъ у насъ, въ которомъ какъ-то
пристало быть кельѣ ученаго. Запорожской Старины я до сихъ
поръ нигдѣ не могу достать. — — Исторію Малороссіи я пи-
шу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ,
или въ четырехъ большихъ томахъ. Экземпляра пѣсенъ галиц-
кихъ здѣсь нигдѣ нѣть; мой же собственный у меня замоталь
одинъ задушевный пріятель. — Пѣсень я тебѣ съ болышио охо-
тою прислать (бы), но у меня ихъ ужасная путаница; незнако-
мыхъ тебѣ, можетъ быть, будетъ же болѣе ста, зато извѣстныхъ —
вѣроятно, около тысячи (чи), изъ которыхъ большую часть мнѣ тѣ-
перь нельзя посыпать. Если бы ты прислалъ свой списокъ съ
находящихся у тебя, тогда бы я зналъ, какія тебѣ нужны, и про-
чія бы выправилъ съ моими списками и послалъ бы тебѣ. — Ну,
покамѣсть прощай! а тамъ придетъ время, что будемъ все это
говорить, что теперь заставляемъ царапать наши руки въ Бого-
спасаемомъ нашемъ градѣ.

«Твой Гоголь.»

«Марта 19 Суб. 1834.

«Да это, впрочемъ, не слишкомъ хорошо, что ты не изволилъ
писать ко мнѣ. Молодецъ! меня подбилъ ъхать въ Кіевъ, а самъ
сидитъ и ни гадки (3) о томъ. — А между тѣмъ я почти что не

(1) Т. е. о Кіевѣ. Гоголь употребляетъ полонизмъ.

(2) Все это лакомства малороссійскихъ простолюдиновъ, кроме воз-
духа и гливи (баргамотъ). Гоголь вспомнилъ языкъ диканьского па-
сичника.

(3) Ни гадки, съ малороссійского, значитъ — ни помышленія.

Н. М.

на выѣздѣ уже. — Чѣмъ или иѣть? влюбился же въ Москву. — Слушай: вѣдь ты посуди самъ, по чистой совѣсти, каково мнѣ одному быть въ Кіевѣ. Земля и край вещь хорошая, но люди чуть ли еще не лучше, хотя не полезнѣе, NB, для нездороваго человѣка; каковъ ты да я.

«Пѣсни намъ нужно издать непремѣнно въ Кіевѣ. Соединившись вмѣстѣ, мы такое удеремъ изданіе, какого еще никогда ни у кого не было. Весну и лѣто мы бы тамъ славно отдохнули, набрали матеріаловъ, а къ осени и засѣли работать. Послушай: не бросай сего дѣла! Подумай хорошенько. Здоровье — вешь первая на свѣтѣ. — — — Что жь, получу ли обѣщанныя пѣсни?

«Твой Гоголь.»

• Марта 96 (1834). Спб.

«Во первыхъ, твое дѣло не клеится какъ слѣдуетъ, несмотря на то, что и князь Петръ и Жуковскій хлопотали объ тебѣ. И ихъ мнѣніе, и мое вмѣстѣ съ ними, есть то, что тебѣ непремѣнно нужно бѣхать самому. За глаза эти дѣла не дѣлаются — — — если ты самъ прибудешь лично и объявишь свой резонъ, что ты бы и радъ дескать, но твое здоровье.... и прочее, тогда будетъ другое дѣло; князь же съ своей стороны и Жуковскій не преминуть подкрѣпить, да и Пушкинъ тоже. Пріѣзжай; я тебя ожидаю. Квартира же у тебя готова. Садись въ дилижансъ и валий! потому что зѣвать не надобно; какъ разъ другой кто нибудь взлѣзетъ на твою каѳедру.

«Ты, нечего сказать, мастеръ надувать! пишешь: посылаю пѣсни; а между тѣмъ о нихъ ни слуху, ни духу; заставилъ разинуть ротъ, а вареника и не всунулъ. А я справлялся около недѣли въ Почтамтѣ и у Смирдина, иѣть ли посылки ко мнѣ. — Вацлавъ (*), я тебѣ говорилъ, что отжиленъ у меня совершенно безбожно однимъ молодцомъ, взявшимъ на два часа и улизнувшимъ, какъ я узналъ, совершенно изъ города. — Поговоримъ объ объявленіи твоемъ: зачѣмъ ты дѣлишь свое собраніе на гультивыя, казацкія и любовныя? Развѣ казацкія не гультивыя и гультивыя не всѣ ли казацкія? Впрочемъ, я не знаю настоящаго значенія твоего слова: казацкія. Развѣ иѣть такихъ пѣсней, у которыхъ одна половина любовная, другая гультивая. По мнѣ, раздѣленія

(*) Т. е. изданіе пѣсенъ Вацлава въ Олескы.

Н. М.

не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содерянія. — Мне кажется, что пѣсни должно раздѣлять на два разряда: въ первомъ должны помѣститься все твои три первыя отдѣленія, во второмъ — обрядныя. Много, если на три разряда: 1-й — историческія, 2-й — всѣ выражающія различные оттенки народнаго духа, и 3 — обрядныя. — Впрочемъ, какъ бы то ни было, раздѣленіе вещь послѣдняя. — Я радъ, что ты уже началъ печатать. Если бы я имѣлъ у себя списки твоихъ пѣсенъ, я бы прислужился тебѣ и, можетъ быть, даже иѣсколько помогъ. Но въ теперешнемъ состояніи не знаешь, за что взяться. Да и несносно ужасно дѣлать комментаріи не зная на чѣмъ, а если и знаешь, то не будучи увѣренъ, кстати ли они будутъ и не окажутся ли лишними. Если не пришлеши пѣсенъ, то хоть привези съ собою, — да пріѣзжай поскорѣй. Мы бы такъ славно все обстроили здѣсь, какъ нельзя лучше. Я очень многое хотѣлъ писать къ тебѣ, но теперь у меня бездна хлопотъ, и все совершенно вышло изъ головы. Прощай, до слѣдующей почты. Мысленно целую тебя и молюсь о тебѣ, чтобы скорѣй тебя выпхнули въ Україну.

«Твой Гоголь.»

• 1834. Марта 29. Спб.

«Пѣсню твою про Нечая получилъ вчера. Вотъ все, что получилъ отъ тебя вмѣсто обѣщанныхъ какихъ-то книгъ. Чтѣ ты пишешь про Цыха? (*) развѣ есть какое нибудь офиціальное объ этомъ извѣстіе? — — признаюсь, я сижу затѣмъ только еще здѣсь, чтобы какъ нибудь выработать себѣ на подъемъ и раздѣляться кое съ какими здѣшними обстоятельствами. Эй, не зѣвай! садись скорѣе въ дилижансъ. Безъ твоего присутствія ничего не будетъ.

«Посылаю тебѣ за Нечая другой списокъ Нечая, который списанъ въ галицкаго собранія. Видно, какъ много она терпѣла измѣненій. Каневскій перемѣщенъ на Потоцкаго: даже самыя обстоятельства въ описаніи другія, исключая главнаго.

«Твой Г.»

(*) Это — лицо, получившее въ Кіевскомъ университѣтѣ каѳедру всеобщей исторіи, которой искалъ Гоголь.

Н. М.

«Апрѣля 7 (1834). Спб.

«Не беспокойся: дѣло твое, кажется, пойдетъ на ладъ. — — — Для окончательнаго дѣла тебѣ бы весьма не мѣшало бы предстать самому. — — — Но, впрочемъ, если тебѣ нельзя и состоявіе твоего здоровья не дозволяеть, то я въ такомъ случаѣ перестаю о томъ просить тебя, не смотря на то, что мнѣ очень бы хотѣлось видѣться съ тобою. Мнѣ, впрочемъ, кажется, что если бы было въ состояніи, то весьма бы было нехудо. Но, какъ бы то ни было, прощай до слѣдующаго письма. Я очень радъ, что письмо мое тебя успокоитъ, и потому не хочу ничего посторонняго писать, чтобы не задержать его, чтобы ты получилъ его какъ разъ въ пору. О полученіи его уведомь меня немедленно. Прощай; будь здоровъ! цалую тебя и поручаю тебя охраненію невидимыхъ и благихъ силъ.

«Твой Гоголь.»

«20 апрѣля (1834). Спб.

«Ну, я радъ отъ души и отъ сердца, что дѣло твое подтвердились уже официально. Теперь тебѣ точно не зачѣмъ ужеѣхать въ Петербургъ. Тебя только беспокоять дѣла московскія. Смѣльте съ ними: одно по боку, другому киселя дай, — и все кончено. Изъ необходилаго нужно выбирать необходимѣйшее, и ты выкрутишься скоро. Я сужу по себѣ. — Да, кстати о мнѣ: знаешь ли, что представления Б*** чуть ли не больше значатъ, нежели нашихъ здѣшнихъ ходатаевъ. Это я узналъ вѣрно. Слушай: сослужи службу — когда будешь писать къ Б***, намекни ему обо мнѣ вотъ какимъ образомъ: что вы бы дескать хорошо сдѣлали, если бы заучили въ Университетъ Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя скромныя похвалы, какъ будто вскользь. Для примѣра ты можешь прочесть прелисловіе къ грамматикѣ Г*** или Г*** къ романамъ Б*** — — — Тогда бы я скорѣе въ дорогу и, можетъ быть, еще бы засталъ тебя въ Москвѣ. —

«Благодарю тебя за пѣсни. Я теперь читаю твои толстыя книги; въ нихъ есть много прелестей. Отпечатанные листки меня очень порадовали. Издание хорошо. Примѣчанія съ большими тактомъ. О переводахъ я тебѣ замѣчу вотъ что: иногда нужно отдаляться отъ словъ подлипника нарочно для того, чтобы быть

къ нему ближе. Есть пропасть такихъ фразъ, выражений, оборотовъ, которые намъ, малороссіянамъ, кажутся очень будуть понятны для русскихъ, если мы переведемъ ихъ слово въ слово, но которые иногда уничтожаютъ половину силы подлинника. Почти всегда сильное лаконическое мѣсто становится непонятнымъ для русскихъ, потому что оно не въ духѣ русского языка. И тогда лучше десятью словами опредѣлить всю обширность его, нежели скрыть его. — Этихъ замѣчаній, впрочемъ, ты не можешьъ еще приваровать къ приведенному тобою переводу, потому что онъ очень хорошъ; окончаніе его прекрасно.... Но, чтобы и къ нему сдѣлать придирику, вотъ тебѣ замѣчаніе на первый случай.... мотай на усь:

«Федора Безроднаго, атамана куреннаго, пострѣляли, порубили, только не поймали чуры.»

«Во первыхъ, пострѣляли не русское слово, оно не по русски спрягнулося и скомпоновалося и вѣстѣ съ словомъ порубили на русскомъ слабѣе выражаетъ, нежели на нашемъ. Минь кажется, вотъ какъ бы нужно было сказать :

«Куреннаго атамана Федора Безроднаго они всего пронизали пулями, всего изрубили, не поймали только его чуры.»

«Въ переводѣ болѣе всего нужно привязываться къ мысли и менѣе всего къ словамъ, хотя послѣднія чрезвычайно соблазнительны, и, признаюсь, я самъ, который теперь разсуждаю объ этомъ съ такимъ хладнокровнымъ безпристрастіемъ, врядъ ли бы уберегся отъ того, чтобы не влѣпить звонкаго словца въ русскую рѣчь, въ простодушной увѣренности, что его и другое также поймутъ. Помни, что твой переводъ для русскихъ, и потому всѣ малороссійскіе обороты рѣчи и конструкція прочь! Вѣдь ты вѣрно не хочешь дѣлать подстрочного перевода? Да впрочемъ это было бы излишне, потому что онъ у тебя и безъ того приложенъ къ каждой пѣсни. Ты каждое слово такъ удачно и хорошо рас tolковалъ, что кладешь его въ ротъ всякому, кто захочетъ понять пѣсеню. Я бы тебѣ много кой-чего хотѣль еще сказать, но, право, чертовски скучно писать о томъ, чтѣ можно переговорить гораздо съ болѣшею ясностью и толкомъ. Да притомъ это такая длинная матерія: зацѣпи только — и пойдетъ тянуться; въ подобныхъ случаяхъ болѣе всего нужны толки съ другою головою, потому что вѣрно одна замѣтить то, что другая пропустить. Какъ бы то ни было, я съ радостью ребенка держу въ рукахъ твой первый

листь и говорю: « Вотъ все, что осталось отъ прежнихъ думъ, отъ прежнихъ лѣтъ! » какъ выразился Дельвигъ. Я еще никому не успѣлъ показать его, но понесу къ Жуковскому и похвастваясь Шупкину, и мнѣнія ихъ сообщу тебѣ поскорѣе. А между тѣмъ подгоняй свои типографскіе станки. Я тебѣ пришлю скоро кое-какія пѣсни, которыхъ, впрочемъ, войдутъ въ послѣдній разъ только отдѣльно твоего первого тома. За *Пѣснями люду галичскаго* я послалъ въ Варшаву, и какъ только получу ихъ, то ту же минуту пришлю ихъ тебѣ. — — — О*** скажу, чтобы онъ скорѣе пристроилъ твоего Наума. (*) Эти дни, можетъ быть, не увижу его, потому что ты самъ знаешь, что за безалаберщина дѣется у людѣй на праздникахъ: они всѣ какъ шальны. По улицамъ мечутся шитые мундиры и трехъ-угольные шляпы, а дома между тѣмъ никого. У Плетнева постараюсь тоже на этихъ дняхъ отобрать нужныя для тебя свѣдѣнія. Но до того прощай. Поручаю тебя ангелу хранителю твоему: да будешь ты здоровъ и спокойенъ.

«Весь твой Гоголь.»

«Мая 28. (1834, изъ С. Петербурга.)

«Извини меня: точно, я, кажется, давно не писалъ къ тебѣ. У меня тоже большой хламъ въ головѣ. Благодарю тебя за листъ пѣсенъ, который ты называешь шестымъ, и который, по моему счету, четвертый. О введеніи твоемъ ничего не могу сказать, потому что я не имѣю его и не знаю, отпечатано ли оно у тебя. Кстати: ты можешь прочитать въ Журналѣ Просвѣщенія, 4 N., статью мою о малороссійскихъ пѣсняхъ; тамъ же находится и кусокъ изъ введенія моего въ исторію Малороссіи, впрочемъ, писанный мною очень давно. —

«Мои обстоятельства очень странны — — — признаюсь, я брошу все и откланиюсь.... Богъ съ ними совсѣмъ! И тогда махну или на Кавказъ, или въ долы Грузіи, потому что здоровье мое здѣсь еле держится. Ты знаешь Ц***? кто это Ц***? кажется, П*** его знаетъ. Нельзя ли какъ нибудь уговорить Ц***, чтобы онъ просился на каѳедру русской исторіи? —

«Ты извини меня, что я не tolkую съ тобою ничего о пѣсняхъ. Право, душа не въ спокойномъ состояніи. Перо въ рукахъ моихъ какъ деревянная колода, между тѣмъ какъ мысли мои со-

(*) Книга Наума о великомъ Божиемъ мірѣ, изданная около того времени г. Максимовичемъ для простонароднаго чтевія.

стоять теперь изъ вихря. Когда увижу съ тобою, то обѣ этой статьѣ потолкуемъ вдоволь; потому что, какъ бы ни было, а все-таки падаюсь быть въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Москвѣ. Прощай, да пиши къ мнѣ. Въ эти времена волненія письма все-таки скольконибудь утишаютъ душу. Прощай.

«Твой Гоголь.»

«Мая 29. (1834, изъ Петербурга.)

«Только что я успѣлъ отправить къ тебѣ вчерашие письмо мое, какъ вдругъ получилъ два твоихъ письма: одно еще отъ 10 мая, другое отъ 19 мая. Ну, теперь я не удивляюсь твоему молчанию. С*** никуда не годится: онъ ихъ изволилъ продержать у себя больше недѣли. Благодарю, очень благодарю тебя за листки пѣсенъ. Я не пишу къ тебѣ никакихъ замѣчаній потому, что я ужасно не люблю печатныхъ или письменныхъ критикъ, т. е. не читать ихъ не люблю, но писать. Недавно С. С. получилъ отъ С*** экземпляръ пѣсней и адресовалъ ко мнѣ съ желаніемъ видѣть мое мнѣніе о нихъ въ Журналѣ Просвѣщенія, такъ же, какъ въ о бывшихъ до него изданіяхъ — твоемъ и Цертелева. Чѣмъ я сдѣлалъ? я написалъ статью, только самое главное изъабылъ: ничего не сказалъ ни о тебѣ, ни С***, ни о Цертелевѣ. Послѣ я спохватился и хотѣлъ было прибавить и проболтаться о твоемъ великолѣпномъ новомъ изданіи, но опоздалъ: статья была уже отпечатана. Такъ какъ нескоро къ вамъ доходитъ петербургскія книги, то посыпаю тебѣ особый отпечатанный листокъ, также и листокъ изъ исторіи Малороссіи, которой мнѣ зѣло не хотѣлось давать. Я слышалъ уже сужденія нѣкоторыхъ присяжныхъ знатоковъ, которые глядятъ на этотъ кусокъ, какъ на полную исторію Малороссіи, позабывъ, что еще впереди 80 главъ они будуть читать, и что эта глава только фронтиспісъ. Я бы, впрочемъ, весьма ждалъ видѣть твои замѣчанія, тѣмъ болѣе, что этотъ отрывокъ не войдетъ въ цѣлое сочиненіе, потому что оно начато писаться послѣ того гораздо позже и нынѣ почти въ другомъ видѣ. Но изъ новой моей исторіи Малороссіи я никуда не хочу давать отрывковъ. Кстати: ты просилъ меня сказать о твоемъ раздѣленіи исторіи. Оно очень натурально и вѣрно приходило въ голову каждому, кто только слишкомъ много занимался чтенiemъ и изученiemъ нашего прошедшаго. У меня почти такое же раз-

дѣлениe, и потому я не хвалю его, считая неприличнымъ хвалить то, что сдѣлалось уже нашимъ — и твоимъ и моимъ вмѣстѣ.

«Прощай! целую тебя вѣсколько разъ.

«Твой Гоголь.»

«8 іюня (1834). Сиб.

«Я получилъ твое письмо черезъ Щепкина, который меня очень обрадовалъ своимъ пріѣздомъ. Чѣмъ тебѣ сказать о здоровье?.... (*) мы, братецъ, съ тобой! Что же касается до моихъ обстоятельствъ, то я самъ, хоть убей, не могу понять ихъ. — — — Я имѣю чинъ коллежскаго ассесора, неновичекъ, потому что занимался довольно преподаваніемъ. — — — и при всемъ я не могу понять — — — Ты видишь, что сама судьба вооружается, чтобы я ѿхалъ въ Кіевъ. Досадно, досадно! потому что мнѣ нужно, очень нужно моездоровье, — мое занятіе, мое упрямство требуетъ этого. — А между тѣмъ мнѣ не видать его. — Пѣсни твои идутъ чѣмъ дальше лучше. Да что ты не присылаешь мнѣ до сихъ поръ введенія? мнѣ очень хочется его видѣть. Кстати о введеніи: если ты встрѣтишь что нибудь новое въ моей статьѣ о пѣсняхъ, то можешь прибавить къ своему.... дескать вотъ что еще объ этомъ говоритъ Гоголь. Да что, вѣдь книжка должна у тебя быть теперь совершенно готова. — Прощай. Да хранятъ тебя небеса и пошлютъ крѣпость душѣ и тѣлу. Пора, пора вызывать мочь души и дѣйствовать крѣпко!»

«Твой Гоголь.»

Слѣдующее письмо замѣчательно по признанію поэта въ чувствахъ, привязывающихъ его къ Петербургу. Обратите вниманіе на слова, напечатанныя курсивомъ. Гоголь рѣдко, даже и на столько, обнаруживая передъ кѣмъ бы то ни было сердечные дѣла свои. Люди, которыхъ дружба удерживала его на сѣверѣ, безъ сомнѣнія, были Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій и П. А. Плетневъ. Въ его письмахъ мѣстами проглядываетъ, мимо вѣдома писавшаго, истинный языкъ этого тѣснаго кружка поклонниковъ прекраснаго, какъ въ этомъ согласится каждый, кто близко зналъ хоть одного изъ нихъ. Они благоухаютъ ароматами святынища, въ которое открыть былъ доступъ украинскому барду....

(*) Здѣсь употреблено Гоголемъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя онъ называлъ «крѣпкими».

Н. М.

10 июня (1834, изъ С.-Петербурга).

«Тебя удивляетъ, почему меня такъ останавливаетъ русская исторія. Ты очень страненъ и говоришь еще о себѣ, что ты рѣшился же взять словесность. Вѣдь для этого у тебя было желаніе, а у меня нѣтъ. — — — Еслибы это было въ Петербургѣ, я бы, можетъ быть, взялъ ее, потому что здѣсь я готовъ пожалуй два раза въ недѣлю на два часа отдать себя скучѣ. Но, оставляя Петербургъ, знаешь ли, что я оставляю? Мнѣ оставить Петербургъ не то, что тебѣ Москву: здѣсь все, чтѣ дорого, чтѣ было мило моему сердцу, люди, съ которыми служился и которыхъ алчетъ душа, все, чтѣ привычка сдѣлала еще драгоцѣнѣйшимъ. Бросивъ все это, нужно стараться всѣми силами заглушить сердечную тоску. Нужно отдалять всѣми мѣрами то, что можетъ вызывать ее. И ты въ добавокъ хочешь еще, чтобы самая должностъ была для меня тягостною. Если меня не будетъ занимать предметъ мой, тогда я буду несчастливъ. Я очень хорошо знаю свое сердце и потому то, чтѣ для другого кажется своеуправлѣніе, то есть у меня счастье дальновидности. Но, впрочемъ, кажется, это не можетъ остановить ихъ. — — — Остановка вся за однимъ Б. Итакъ, я жду теперь отъ него рѣшенія и по немъ узнаю, велитъ ли мнѣ судьба жить, или нѣтъ. О пѣсняхъ твоихъ постараюсь написать извѣщеніе и одолѣть сколько нибуль свою лѣни, которая уже почудила лѣто и становится леспотомъ.

«До слѣдующаго письма.

«Твой Гоголь.»

Далѣе Гоголь является настоящимъ малороссіяниномъ, горячо привязаннымъ къ товарищу по ближайшему къ его душѣ, мечтательнымъ и вмѣстѣ спутливымъ. Ельва возьметъ онъ, какъ будто невзначай, нѣсколько слишкомъ нѣжныхъ нотъ, говорящихъ звуками его сердца, уже спѣшивъ развлечь вниманіе своего слушателя умышленно грубымъ запорожскимъ комизи- момъ и потомъ, самъ того не замѣчая, попадаетъ на идиллію и на торжественный лиризмъ. Для многихъ эти письма будутъ простая, будничная проза; мнѣ — въ нихъ на каждомъ шагу чудятся поэтическіе мотивы. Это пробы смычка, готовящагося импровизировать симфонію, которая неотступно грезится артисту.

Т. XLIV. Отд. II.

2

27 июня (1834, изъ Петербурга.)

«Итакъ ты въ дорогѣ. Благословляю тебя! Я увѣренъ, что тебѣ будеть весело, очень весело въ Кіевѣ. Не предавайся заранѣе никакимъ сомнѣніямъ и мнительности. Я къ тебѣ буду, непремѣнно буду, и мы заживемъ вмѣстѣ... чортъ возьми все! Дѣла свои я повелъ такимъ порядкомъ, что непремѣнно буду въ состояніиѣ жить въ Кіевѣ, хотя не раннею осенью или зимою, но когда бы то ни было, а я все-таки буду. Я дамъ себѣ слово и твердое слово; стало быть, все кончено: нѣть гранита, котораго бы не проби(ли) человѣческая сила и желаніе.

«Ради Бога, не предавайся грустнымъ мыслямъ, будь весель, какъ весель теперь я, рѣшившій, что все на свѣтѣ трынъ-трава. Терпѣніемъ и хладнокровіемъ все достанешь. — Еще просьба: ради всего нашего, ради нашей Украины, ради отцовскихъ могилъ, несиши надъ книгами—чортъ возьми!—если онъ не служать теперь для тебя къ тому только, чтобы отемнить свои мысли. Будь таковъ, какъ ты есть, говори свое, и то какъ можно поменьше. — — — Лѣто ты непремѣнно долженъ въ Кіевѣ полѣниться. Жаль, что я не съ тобою теперь: я бы не далъ тебѣ и заглянуть въ печатную бумагу. Я бы тебя повезъ по Пслу, гдѣ бы мы лежали въ натурѣ (*), купались, а въ добавокъ бы еще женили тебя на одной хорошенъкѣ, если не на распухорощенъкѣ. Но такъ и быть! пожди до лѣта слѣдующаго, а теперь прими совѣтъ и крѣпко держи его въ памяти. Книгъ я тебѣ въ Москву не посыпаю, потому что боюсь, чтобъ ты съ ними не разминулся, а посыпаю прямо въ Кіевѣ, гдѣ онъ будутъ тебя ожидать. Какъ нарочно, эти книги нашлись у меня, и потому донегъ тебѣ за нихъ платить не нужно. — — — Но во всемъ этомъ ты можешь обойтись и безъ моихъ совѣтовъ. Я же тебя умоляю еще разъ беречь свое здоровье; а это сбереженіе здоровья состоить въ слѣдующемъ секрѣтѣ: быть какъ можно болѣе спокойнымъ, стараться бѣситься и веселиться, сколько можно, до упаду, хотя бываетъ и не всегда весело, и помнить мудрое правило, что все на свѣтѣ трынъ-трава и.... (*) Въ этихъ немногихъ, нозначительныхъ словахъ заключается вся мудрость

(*) Намекъ на извѣстныя привычки Ивана Никифоровича: «Извините, что я передъ вами въ натурѣ.. См. «Сочиненія Н. Гоголя», т. II, стр. 402.

(**) Опять крѣпкоѣ, очень крѣпкое словцо!

Н. М.

человѣческая. Чортъ возьми! я какъ воображу, что теперь на кіевскомъ рынкеъ цѣлые рядки вываливаютъ персикъ (sic), абрикосъ, которое все тамъ ни почемъ, что кіево-печерскіе.... уже облизываютъ уста, помышляя о дѣланіи вина изъ доморощенаго винограду, и что тополи ушигиутъ скоро весь Кіевъ,—такъ, право, и разбираеть ъхать, бросивши все; но, вирочемъ, хорошо, что ты ъдешь впередъ. Ты приготовишъ тамъ все къ моему прибытію и пріїшешъ мѣстечко для покупки, ибо я хочу непремѣнно завестись домкомъ въ Кіевѣ, чтобъ, безъ сомнѣнія, и ты не замедлиши учинить съ своей стороны. Да, пріѣхавъ въ Кіевъ, ты долженъ непремѣнно познакомиться съ эксъ-профессоромъ Бѣлоусовымъ. Онъ живетъ въ собственномъ домѣ, — на Подолѣ, кажется. Скажи ему, что я просилъ его тебя полюбить, какъ и меня. Онъ славный малой, и тебѣ будетъ пріятно сойтись съ нимъ.

«Да послушай: какъ только тебѣ выберет(ся) время, даже въ дорогѣ, то тотчась пиши ко мнѣ, меня все интересуетъ о тебѣ... самая дорога и проч. и проч....

«Смотри, пожалуста, не забывай писать мнѣ почаше; ты мнѣ дѣлаешься очень дорогъ и, долго не получая отъ тебя писемъ, я уже скучаю.

«Но да почієть надъ тобою благословеніе Божіе! Я твердо увѣренъ, что ты будешь счастливъ. Мнѣ пророчить мое сердце.

«Твой Гоголь.»

Удивляясь на каждомъ шагу, сколько любви было въ нашемъ поэту къ человѣку, съ которымъ, по его собственнымъ словамъ, судьба столкнула его мелькомъ, на короткое время. Мать не могла бы нечувствовать своего сына болѣе нѣжными благословеніями, и братъ не предохранялъ бы брата отъ разныхъ непріятностей съ болѣшею заботливостью. Все слѣдующее письмо дышетъ идеально-нѣжною дружбою.

Свб. Іюль 1. (1834.)

«Итакъ, посылаю тебѣ книги прямо въ Кіевъ, гдѣ, надѣюсь, сюда тебя уже застанутъ, выѣстъ съ ними и тетрадь пѣсенъ, которую въ разныя времена списывалаас (sic). Она занимательна тѣмъ, что содержитъ въ себѣ самые обыкновенные, общеупотребительные пѣсни, но которыхъ врядъ ли кто можетъ пересказать изъ поющихъ: такъ утратились слова ихъ. Я думаю, ты теперь можешь кое-чего открыть въ Кіевопечерской Лаврѣ, а для

тические възьми Бѣлоусова, о которомъ я тебѣ писалъ. Ты теперь въ такомъ спокойномъ, уютномъ и святомъ мѣстѣ, что трудъ и размышленіе къ тебѣ притекутъ сами. Умѣй только распорядить хорошо время, — отлавай все прогулкѣ. Мощіонъ тебѣ необходимъ. — Наше солнце и нашъ воздухъ укрѣплять тебя, только занимайся всегда поутру, ввечеру и въ полдень. Боже тебя сохрани. Въ полдень лежи на солицѣ, но голову держи въ тѣни; ввечеру гуляй или иди къ кому шибдь на вечеръ. Домой приходи пораньше и ложись пораньше. Это непремѣнно должно соблюсти: если соблюдешь, то лучше поправишься, нежели на Кавказѣ. Прощай, да пребываетъ съ тобою все хорошее. Опиши все до иголки, какъ ты найдешь Киевъ, въ какомъ видѣ представится тебѣ твое новое житѣ; все это ты долженъ неукоснительно описать. Я же буду ожидать съ нетерпѣніемъ твоего отзыва. Да Бога ради, будь поравнодушнѣ ко всему кажущемуся тебѣ перваго взгляда непріятнымъ; смотри на міръ такъ, какъ смотрѣть на него поэтъ. (*)

«Прощай! Цалую тебя на новосельѣ и ожидаю твоего письма.

«Твой Гоголь.»

Слѣдующее письмо представляетъ материалъ для собирателя апеклотовъ о поэтической разсѣянности. Гоголь проситъ г. Максимовича замолвить слово попечителю Киевскаго Учебнаго Округа объ одномъ господинѣ, о которомъ тотъ впервые слышитъ, исчисляетъ достоинства этого господина, но не упоминаетъ его имени.

Спб. Іюля 18. (1834.)

«Я получилъ твои экземпляры пѣсенъ и по принадлежности раздалъ кому слѣдовало. Препровождаю къ тебѣ благодарность получателей. Жуковскій читалъ нѣкот(орыя): онѣ произвели эффектъ. — — Я, однакожъ, все ожидалъ, что ты еще будешь писать комнѣ изъ Москвы. Мне хотѣлось знать, какъ ты собрался въ дорогу, сѣмъ въ бричку и прочее. — Что-то ты теперь подѣлываешь въ Киевѣ? А кстати, чтобы не позабыть: къ вамъ въ Киевъ хочетъѣхать одинъ преинтереснѣйшій и прелюбезнѣйшій человѣкъ, который тебѣ понравится до нелзя, —

(*) Припоминаю читателю стихъ Пушкина —
«Душевныхъ нашихъ мужъ не стоять міръ...»

Н. М.

настоящій землякъ и человѣкъ, съ которыми никогда не будетъ скучно, никогда, сохранившій все то, что требуется для молодости, несмотря на то, что ему за сорокъ лѣтъ. Онъ хочетъ занять мѣсто директора Гимназіи если нельзя въ Кіевѣ, то въ какомъ нибудь изъ другой (sic) Кіевскаго же округа. Въ началѣ онъ служилъ по ученой части, потомъ былъ за границей, потомъ въ таможняхъ, изъѣздилъ всю Русь, охотникъ страшный достепей (*) и Крыма и, наконецъ, служитъ здѣсь въ Почтовомъ Департаментѣ. Извѣстіи только, есть ли какое нибудь вакантное мѣсто, и въ такомъ случаѣ замолвь словечко отъ себя Б***, не прямо, но косвенно, т. е. вотъ каки(мъ) образомъ: что ты знаешь-де человѣка весьма годного занять мѣсто и истинно достойнаго, но что не знаешь-де, согласится ли онъ на это, потому что въ Петербургѣ имѣеть выгодное мѣсто и считаютъ его нужнымъ человѣкомъ, что прежде онъ хотѣлъѣхать въ Кіевѣ, то попробовать (sic), можетъ быть онъ согласится, тѣмъ болѣе, что тамъ близко его родина. — А съ своей стороны ты будешь очень доволенъ имъ. Познакомился ли ты съ Бѣлоусовымъ, какъ я тебѣ писалъ въ прежнемъ письмѣ? Онъ находится теперь при графѣ Л***. Да что ты не прислашь мнѣ потѣ малороссійскихъ пѣсенъ? прислалъ одинъ листъ подъ названіемъ голоса, а самыхъ-то голосовъ и нѣтъ! Я съ нетерпѣніемъ ожидаюсь ихъ. Каково у васъ лѣто? какъ ты проводишь его? Да пиши скорѣе. Что это! я уже около мѣсяца не получаю отъ тебя никакой вѣсти. Это скучно. —

«Прощай

«Твой Гоголь.»

Естественно, г. Максимовичъ спросилъ у него: какъ же я долженъ назвать твоего *proteg *, котораго ты предлагашь такъ расхвалить, если попечитель спросить его фамилію? Въ письмѣ отъ 14 августа того же 1834 года Гоголь сообщаетъ уже ими, отчество и фамилію человѣка, «съ которыми никогда не будетъ скучно, никогда!» Но оно замѣчательно не въ этомъ отношеніи, какъ читатель и самъ увидитъ.

«Во первыхъ — пишеть Гоголь — позволь тебѣ замѣтить, что ты страшный нюня! все идѣть какъ слѣдуетъ, а онъ еще и ки-

(*) Изъ его рассказовъ Гоголь заимствовалъ много красокъ для своего «Тараса Бульбы», напримѣръ: степные пожары и лебеди, летящіе въ заревѣ по темному ночному небу, какъ красные платки.

H. M.

снетъ! Когда я — — — плаю на все и говорю, что все на свѣтѣ
трынъ-трава, а признаюсь, грусть хотѣла было сильно подступить
ко мнѣ, но я далъ ей, по выраженію твоему, такого пиддлесня,
что она задрала ноги. — — — Я рѣшился ожидать благопріят-
вѣшаго и удобнѣшаго времени, хотѣль даже ѿхать осенью
премѣни въ Малороссію, какъ здѣшній попечитель князь
К*** предложилъ мнѣ, не хочу ли я занять каѳедру всеобщей
исторіи въ здѣшнемъ Университетѣ, обѣщая мнѣ чрезъ три мѣ-
сяца экстраорд. профессора, зане не было ваканціи. Я, хоро-
шенько разочта, увидѣлъ, что мнѣ выбраться въ этомъ году нель-
зя никакъ изъ Питера: такъ я связался съ нимъ долгами и всѣми
дѣлами своими, что было единственою причиной неуступчиво-
сти моихъ требованій въ разсужденіи Кієва. Итакъ, я рѣшился
принять предложеніе остататься на годъ въ здѣшнемъ Университетѣ,
получая тѣмъ болѣе правъ къ занятію въ Кіевѣ. Притомъ же отъ
меня зависѣтъ пріобрѣсть имя, которое можетъ заставить быть
посинходительнѣе въ отношеніи ко мнѣ и не почитать меня за
несчастнаго просителя, привыкшаго чрезъ длинныя передвія и
лакейскія пробираться къ мѣсту. Между тѣмъ, поживи здѣсь, я
буду имѣть возможность выпутаться изъ своихъ денежныхъ об-
стоятельствъ. На театръ здѣшній я ставлю пьесу (*), которая,
надѣюсь, кое-что принесетъ мнѣ, дающе готовлю изъ подъ полы
другую. Короче, въ эту зиму я столько обѣдаю, если Богъ помо-
жетъ, дѣлъ, что не буду раскаяваться въ томъ, что остался здѣсь
этотъ годъ. Хотя душа сильно тоскуетъ за Украиной, но нужно
покориться, и я покорился безропотно, зная, что съ своей стороны
употребилъ всѣ возможныя силы. — — — Какъбы то ни было,
но перебираюсь на слѣдующій годъ, и если вы не захотите при-
нять къ себѣ въ Кіевѣ, то въ отеческую берлогу, потому что мнѣ
доктора велятъ напрямикъ убираться, да призна(юсь), и самому
становится чѣмъ далѣ нестерпимѣе петербургскій воздухъ. Я
тебѣ попрошу, пожалуста, развѣдывай, есть ли въ Кіевѣ продаю-
щіяся мѣстадля дома, если можно, съ садикомъ и, если можно, гдѣ
нибудь на горѣ, чтобы хоть кусочекъ Днѣпра былъ видѣнъ изъ
него, и если найдется, то увѣдоми меня; я не замедлю выслать
тебѣ деньги. Хорошо бы, если бы наши жилища были вмѣстѣ.
Пожалуста напиши мнѣ обстоятельнѣе о Кіевѣ. Теперь ты, я ду-

(*) Дѣло идеть о «Ревизорѣ». Другая пьеса, о которой онъ упоми-
наетъ дальше, вѣроятно — «Женитьба».

Н. М.

иаю, его совершенно разньюхалъ, каковъ онъ, и каковъ имѣть характеръ людъ, обитающій въ немъ: офицеры, поляки, ученый дразгъ нашъ, перекупки и монахи. Тотъ пріятель нашъ, о кото-ромъ я рекомендовалъ тебѣ, есть Семенъ Данилъ Ш***: воспиты-ва(лся) въ здѣшнемъ Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ, былъ отправленъ учителемъ въ Феодосию, послѣ въ другія мѣста въ Южной Россіи, въ какія, не помню,—а спросить его по-забылъ, потомъ служилъ въ Таможняхъ,—наконецъ нахо(ли)лся у Б*** въ Почтовомъ Департаментѣ. Въ Нѣжинѣ не изъявляетъ желанія, зная, что тамъ болѣе трудностей, потому что Гимназія имѣть особенные права и постановленія — — — Спѣшу къ тебѣ кончить письмо, зане страхъ нѣкогда: сейчасъ ѿду въ Цар-ское, гдѣ проживу двѣ недѣли, по истеченіи которыхъ непремѣнно буду писать къ тебѣ. Прощай!

«Твой Гоголь.»

Августа 23. (1834, изъ С. Петербурга.)

«Пріятель нашъ Семенъ Даниловъ. Ш*** хочетъ или въ Каменецъ-Подольскую, или въ Винницкую Гимназію, и потому еще разъ пишу объ этомъ. Если эти мѣста нѣ вакантны теперь, то, можетъ быть, тебѣ извѣстно, когда они будутъ вакантны, и въ такомъ случаѣ пожалуста не прозѣвай.—Пронюхай, чтб есть въ вашей библіотекѣ относящагося до нашего края; весьма бы было хорошо, еслибы ты поручилъ кому нибудь составить имъ малень-кій реестрѣцъ, дабы я могъ все это принять къ надлежащему свѣдѣнію. Я получаю много подвозу изъ нашихъ краевъ. Между ними есть довол(ьно) замѣчательныхъ вещей. Исторія моя тер-питъ ужасную перестройку: въ первой части цѣлая половина со-вершенно новая. Есть ли что нибудь на рукахъ у Берлинскаго? вѣдь онъ старый корпила.... Я тружусь какъ лошадь, чувствуя, что это послѣдній годъ, но только не надъ — — — лекціями, которыя у насъ до сихъ поръ еще не начинались, но надъ соб-ственно своими вещами. На дняхъ С*** и Г*** перегрызлись какъ собаки; но, впрочемъ, есть надежда, что сіи достойные люди ско-ро помирятся. Наши всѣ почти разъѣхались: Пушкинъ въ дерев-нѣ, Вяземскій уѣхалъ за границу, для поправленія здоровья своей дочери. Городъ весь застроенъ подмостками для лучшаго усмо-трѣнія Александровской колонны, имѣющей открыться 30 ав-густа. Прощай. Пиши, что и какъ въ Кіевѣ.

«Твой Гоголь.»

Спб. Января 29-го 1835.

« Ну, братъ, я уже не знаю, что и думать о тебѣ. Какъ, ни слуху, ни духу! Да не сочиняешь ли ты какойнибудь календарь или конскій лечебникъ? Посылаю тебѣ сумбуръ, емъесь всего, книгу, въ которой есть яи масло—суди самъ. (*)—За то ты долженъ непремѣнно описать все, что и какъ, начиная съ Университета и до послѣдней кіевской букашки.— Я думаю, что ты пропасть услышала новыихъ пѣсенъ. Ты долженъ непремѣнно подѣлиться со мною и прислать. Да нѣтъ ли какихънибудь старинныхъ преданій? Эй, не зѣвай! Время бѣжитъ, и съ каждымъ годомъ все стирается. А! послушай, хоть не кстати, но чтобы не позабыть. Есть вѣкто мой соученикъ, чрезвычайно добрый малый и очень преданный наукѣ. Онъ, имѣя довольно хорошее состояніе, рѣшился на странное дѣло: затѣяль быть учителемъ въ Житомирской Гимназіи изъ одной только страсти къ исторіи. Фамилія его Тарновскій. Нельзя ли его какънибудь перетащить въ Университетъ? Право, мнѣ жаль, если онъ закиснетъ въ Житомирѣ. Онъ былъ послѣ и въ Московскомъ Университетѣ и тамъ получилъ кандидата. Узнай его покороче. Ты имъ будешь доволенъ.— Ну! весною увидимся; нарочно їду на Кіевъ для одного тебя.

«Чтѣ тебѣ сказать о здѣшнихъ происшествіяхъ? У насъ хорошаго, ей Богу, ничего нѣтъ. Вышла Пушкина «Исторія Пугачевскаго бунта», а большини-ни-ни. Печатаются Жуковскаго полныя сочиненія и выйдутъ всѣ 7 томовъ къ маю мѣсяцу.— Я пишу исторію среднихъ вѣковъ, которая, думаю, будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9.— Авось либо и на тебя падетъ охота и благодатный трудъ. А нужно бы,— право, нужно озарить Кіевъ чѣмънибудь хорошимъ. Но...

«Прощай! Да неужели у тебя не выберется минуты времени писнуть хоть двѣ строчки?

«Твой Гоголь.»

Гоголь хвалится, что пишетъ исторію среднихъ вѣковъ, которой никогда не суждено было быть оконченою, и ни слова не говоритъ о «Тарасѣ Бульбѣ» и прочихъ миргородскихъ повѣстяхъ, которые занимали его умъ въ это время. Впрочемъ, въ письмѣ отъ 23 августа 1834 года, онъ говоритъ, что «трудится

(*) Это были «Арабески».

Н. М.

какъ лошадь падъ собственною своими вещами»: видно, это-то и были миргородскія повѣсти. Онъ до тѣхъ поръ строилъ и перестройвалъ свою «Исторію Малороссіи», пока изъ мертваго хлама лѣтописныхъ сказаний поднялся живой, буйно-энергическій образъ Тараса Бульбы. Эта размашистая фигура выскакала яснѣе всевозможныхъ томовъ, какова была старинная жизнь Малороссіи и какъ понималъ ее Гоголь. Кажется; и самъ авторъ «Миргорода» созналъ эту истину, потому что, напечатавъ «Тараса Бульбу», отложилъ попеченіе объ исторіи Малороссіи и уже никогда къ ней не возвращался.

Слѣдующее письмо выражаетъ ликующе состояніе его души по свершенніи долгаго и, по собственному его признанію, тяжелаго труда. Вѣроятно, такіе суды, какъ Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій и Плетнѣвъ, не замедлили увѣнчать чело поэта свѣжими, вполнѣ заслуженными лаврами, и, подъ вліяніемъ во-сторженнаго сознанія своего успѣха, онъ, вѣроятно, дѣлалъ не разъ то, что совсѣмъ въ этомъ письмѣ г. Максимовичу и что потомъ, въ каррикатурномъ видѣ, уступилъ Чичикову. Это будетъ письмо автора «Тараса Бульбы», еще не совсѣмъ отрѣшившагося отъ своего бурно-веселаго, заунывио-разгульного идеала. Уже одно его начало показываетъ, что авторъ только что воротился съ Запорожской Сѣчи.

Марта 22. (1835, изъ С. Петербурга.)

• Ой чи живы, чи здоровы,
• Вси родычи гарбузовы? (*)

«Благодарю тебя за письмо. Оно меня очень обрадовало, во первыхъ, потому, что не коротко, а во вторыхъ, потому, что я изъ него больше гораздо узналъ о твоемъ образѣ жизни.

«Посылаю тебѣ «Миргородъ». Авось либо онъ тебѣ придется по душѣ. По крайней мѣрѣ я бы желалъ, чтобы онъ прогналъ хандрическое расположение духа, которое, сколько я замѣчаю, иногда овладѣваетъ тобою и въ Кіевѣ. Ей Богу, мы все страшились отъ нашихъ первозданныхъ элементовъ. Мы никакъ не привыкли (особенно ты) глядѣть на жизнь какъ на трыштраву, какъ всегда глядѣть казацъ. Пробовалъ ли ты когда ни-

(*) Изъ народной комической пѣсни:

Ходить гарбузъ по городу,
Пытается своего роду....

будь, вставши по утру съ постели, дернуть въ одной рубашкѣ во всей комнатѣ трепака? Послушай, братъ: у насъ на душѣ столько грустнаго и заунывнаго, что если позволять всему этому выходить наружу, то это чортъ знаетъ чтò такое будетъ. Чѣмъ сильнѣе подходитъ къ сердцу старая печаль, тѣмъ шумнѣе должна быть новая веселость. Есть чудная вещь на свѣтѣ: это бутылка доброго вина. Когда душа твоя потребуетъ другой души, чтобы разсказать всю свою полугрустную исторію, заберись въ свою комнату и откупори ее, и когда выпьешь стаканъ, то почувствуешь, какъ оживятся всѣ твои чувства. Это значитъ, что въ это время я, отдаленный отъ тебя 1500 верстами, пью и вспоминаю тебя. И на другой день двигайся въ работай и укрѣпляйся желѣзною силою, потому что ты опять увидишься съ старыми друзьями. Впрочемъ, я въ концѣ весны постараюсь пріѣхать въ Кіевъ, хотя мнѣ, впрочемъ, совсѣмъ не по дорогѣ. Я думалъ о томъ, кого бы отсюда намѣтить въ адъюнкты тебѣ, но рѣшительно нѣтъ. Изъ заграничныхъ все правовѣдцы, да притомъ отъ нихъ такъ пахнетъ семинаріей, что ужъ слишкомъ. Тарновскій идетъ по исторіи, и потому не знаю, согласится ли онъ перемѣнить предметъ; а что касается до его качествъ и души, то это такой человѣкъ, котораго всегда на подхватъ можно взять. Онъ добръ и свѣжъ чувствами какъ дитя, слегка мечтательнъ и всегда съ самоотверженіемъ. Онъ думаетъ только о той пользѣ, которую можно принести слушателямъ, и дѣтски преданъ этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себѣ, награждаютъ ли его, или нѣтъ. Для него не существуетъ ни повышеній, ни честолюбія. Если бы даже онъ не имѣлъ тѣхъ достоинствъ, которыя имѣть, то и тогда я бы послѣдовала тебѣ взять его за одинъ характеръ. Ибо я знаю по опыту, чтò значитъ имѣть при Университетѣ однімъ больше благороднаго человѣка. Но прощай; напиши, въ какомъ состояніи у васъ весна. Жажду, жажду весны. Чувствуешь ли ты свое счастіе? знаешь ли ты его? Ты, свидѣтель ея рожденія, впиваешь ее, дышешь ею,—и послѣ этого ты еще смѣешь говорить, что не съ кѣмъ тебѣ перевести душу... Да дай мнѣ ее одну, одну, и никого больше я не желаю видѣть, по крайней мѣрѣ на все продолженіе ея. Но прощай. Желаю тебѣ больше упиваться ею, а съ нею я спокойствіемъ и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нѣтъ мрака въ жизни.

«Твой Гоголь.»

Казалось бы, теперь между авторомъ «Миргорода» и профессоромъ русской словесности должна была закипѣть вновь оживленная переписка; но случилось напротивъ. Гоголь написалъ еще только два письма къ г. Максимовичу (одно черезъ четыре мѣсяца, а другое черезъ четыре съ половиною года), и больше никогда ни слова, хотя до конца жизни оставался съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Вотъ его послѣднее письмо.

Полтава. Іюль, 20 дня. 1835.

«О тебѣ я потерялъ совершенно всѣ слухи. Не получая долго писемъ, я думалъ, что ты занятъ; къ тому же на ухо шевнула мысль моя, что нечего и тебѣ докучать письмами, и я рѣшился лучше всего этого явиться къ тебѣ вдругъ въ Кіевъ. Но вышло не такъ:ѣхавшему вмѣстѣ со мною нужно было поспѣшать въ срокъ въ никакъ нельзя было дѣлать разѣздовъ, и Кіевъ былъ пропущенъ мимо. Теперь я живу въ предковской деревнѣ и черезъ три недѣли єду опять въ Петербургъ,—къ 13 или къ 14, впрочемъ, буду непремѣнно въ Кіевѣ, нарочно сдѣлавъ 300 верстъ кругу, и проживу два дни съ тобою. И тогда поговоримъ о томъ и о другомъ и о прочемъ. Больше, право, ничего не знаю и не умѣю сказать тебѣ, кроме того развѣ, что я тебя крѣпко люблю и съ нетерпѣніемъ желаю обнять тебя; впрочемъ, ты вѣришь это и безъ моихъ объясненій знаешь. Тупая теперь такая голова сдѣлалась, что мочи нѣтъ. Языкомъ ворочаешь такъ, что унять нельзя, а возьмешься за перо — находить столбнякъ. А чѣмъ, какъ ты? Я думаю, такъ движешься и работаешь, что небу становится жарко. Дай тебѣ Богъ за то возрастанія силъ и здоровья. Если будетъ тебѣ время, то отзовись еще. Письмо твое успѣхъ застать меня. Право, скучна безъ тебя. Дай хоть руку твою увидѣть. Прощай.

«Твой Гоголь.»

О послѣднемъ письмѣ Гоголя къ г. Максимовичу я покамѣсть умолчу: оно относится къ третьему періоду жизни поэта и представляетъ его уже совсѣмъ инымъ человѣкомъ....

Гоголь исполнилъ обѣщаніе, данное земляку и другу въ письмѣ отъ 20 іюля 1835 года. Онъ поѣхалъ его въ Кіевъ, на пути въ столицу, и прожилъ у него около пяти сутокъ. Г. Максимовичъ занималъ тогда квартиру въ домѣ Катеринича, на Печер-

кѣ. (*) Отсюда Гоголь отправлялся въ разныя прогулки по Киеву и его окрестностямъ, въ сопровождениі г. Максимовича или кого нибудь изъ товарищей по Нѣжинской Гимназіи, служившихъ въ Киевѣ. На лаврской колокольнѣ, откуда открывается обширная панорама гористаго Кієва и его окрестностей, можно видѣть собственноручную его надпись. Онъ долго просиживалъ на горѣ у церкви Андрея Первозваннаго и размагривалъ видъ на Подоль и на днѣпровскіе луга. Въ то время въ немъ еще не было замѣтно мрачнаго сосредоточенія въ самомъ себѣ и скрушенія о своихъ грѣхахъ и недостаткахъ; онъ былъ еще живой и даже немножко вѣтреныи юноша. У г. Максимовича хранятся пѣсни, записанныя имъ въ Кіевѣ отъ его знакомыхъ и относящіяся къ некоторымъ кіевскимъ мѣстностямъ. Безотчетная склонность его къ юмору, которой онъ только впослѣдствіи далъ опредѣленное направлѣніе, ни въ чёмъ не находила столько пищи, какъ въ этомъ — весьма обширномъ — отдѣлѣ малороссійской народной поэзіи....

Здѣсь кстати сдѣлать аналогію между характеромъ Гоголя и характеромъ украинской пѣсни. Никто изъ современныхъ писателей русскихъ и иностраннѣхъ не бросалъ на жизнь такого грустнаго взгляда, какъ Гоголь. Самъ Байронъ слабѣе его чувствовалъ падешіе натуры человѣческой. Гордый своими достоинствами англичанинъ раздражался ничтожествомъ ближняго или общественными пороками. Гоголь, напротивъ, съ смиренiemъ христіанина, сознавалъ на своей душѣ ужасавшіе его отпечатки соприкосновеній съ людьми, которые его окружали, и страдалъ отъ своего дара измѣрять всю глубину бездны, въ которую онъ былъ повергнутъ. (**) Его сердечные вопли были вопли души, изринутой въ адъ съ высоты самообольщенія и очнувшейся посреди грѣховыхъ страшилицъ. Невозможно взять ноты болѣе грустной, какія онъ бралъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрите, съ какимъ дѣтскимъ увлеченіемъ предавался онъ самой безз-

(*) Недалеко отъ старого Никольского монастыря съ одной и Царскаго сада съ другой стороны.

(**) Не унынию должны мы предаваться при всякой внезапной утратѣ — говоритъ онъ въ своемъ «Завѣщаніи» — но оглянуться строго на самихъ себя, помышляя уже не о чернотѣ всего міра, но о своей собственной чернотѣ. *Страшна душевная чернота*, и зачѣмъ это видятъ только тогда, когда неумолимая смерть стоитъ предъ глазами: («Выbraneя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», стр. 9.)

ботной веселости, даже и не въ первые періоды своей жизни,— даже въ тогда, когда онъ смеялся уже горькимъ смѣхомъ. То не было, однажды, въ немъ признакомъ довольства жизнью и со-бою; онъ никогда не бывалъ доволенъ ни собой, ни другими вполнѣ; съ школьной скамейки онъ уже возставалъ противъ того, что онъ называлъ тогда «корою земности и ничтожного самодоволія», которымъ подавляли въ его ближнихъ «высокое назначеніе человѣка», и это беспокойное чувство было залогомъ постояннаго развитія его духа. То было инстинктивное побужденіе природы — вознаграждать утрату главнаго элемента жизни, сердечной веселости, смѣхомъ, проистекающимъ извѣтъ человѣка и замѣняющимъ для нашего сердца только въ слабой степени тотъ животворный смѣхъ, которымъ смеется ребенокъ, или неопытная лѣтушка, не вкушившая въ жизни еще никакой отравы. То была строгая необходимость отдыха и забытья для тяжко напряженной нравственной жизни.

Если мы предложимъ себѣ вопросъ: откуда въ Гоголѣ явился такой оригинальный строй духа; если мы пройдемъ вверхъ по теченію его жизни, станемъ разматривать всѣ сильныя вліянія, которымъ онъ подвергался въ разные ея моменты, станемъ доискиваться, не встрѣчалъ ли онъ когда либо чего нибудь однороднаго съ топомъ и складомъ своего творчества: то ни его сближеніе съ такими поэтами, какъ Пушкинъ и Жуковскій, ни изученіе твореній Гомера, Шекспира, Шиллера и Вальтеръ-Скотта, отпечатлѣвшееся на его сочиненіяхъ, ни положеніе его въ школѣ, посреди немногихъ друзей и, такъ называемыхъ имъ, «существователей», ни домашняя жизнь въ Яновщинѣ, гдѣ онъ, по собственнымъ словамъ, былъ «окруженъ съ утра до вечера веселіемъ», ни внушенія отца, ни любовь матери, ни неизбѣжное блажество со стороны такихъ «корткихъ, безхитростныхъ душъ», каковы были его Афанасій Иванычъ и Пульхерія Ивановна, — ничто это, по крайнему моему разумѣнію, не должно было назначенновать въ его душѣ тотъ дивный путь, которымъ пошелъ его природный гений. Гораздо ранѣе разумнаго сознанія своихъ ощущеній подвергнулся онъ вліянію, которое действуетъ на поэтическую лушу сильнѣе, нежели что либо впослѣдствіи, и даетъ ей неизмѣнное направленіе. То была народная поэзія племени, котораго нравственные свойства въ такой полнотѣ отразила въ себѣ гоголева натура.

« Я думаю — говоритъ Вальтеръ-Скоттъ, описывая свое дѣтство — что дѣти получаютъ могущественные и важные для ихъ послѣдующей жизни побужденія, слушая такія вещи, которыхъ они не въ состояніи вполнѣ понимать » (*), и оправдываетъ это глубокомысленное замѣчаніе изложеніемъ весьма ранихъ вліяній, которымъ онъ былъ обязанъ господствующимъ направле-
ніемъ своего генія.

Зная, какъ развивался въ дѣтствѣ шотландскій бардъ, зная, что всего прежде, всего рѣшительнѣе и всего могущественнѣе увлекало его поэтическую душу, и даже находя между ними и Гоголемъ много общаго въ энтузіазмѣ, съ которымъ тотъ и другой предавались изученію своей національной поэзіи, въ дѣт-
скомъ и въ юношескомъ возрастѣ (**), я не безъ основанія буду утверждать, что голоса украинскихъ пѣсень, поражавшія слухъ Гоголя еще въ колыбели, и содержаніе ихъ, рано сдѣлавшееся для него доступнымъ въ общемъ своемъ характерѣ, дали еще неподвижному зародышу его творчества характеръ трагической грусти и лирическаго смѣха, развившійся впослѣдствіи до такой поразительной силы. Ибо ни у одного народа пѣсня не выходитъ

(*) *Memoirs of the Life of Sir Walter Scott, by Lockhart. Paris, 1838; vol. I, p. 14.*

(**) Вотъ какъ разсказываетъ Вальтеръ-Скоттъ въ своей автобіографіи о своей страсти къ народнымъ пѣснямъ:

« Въ числѣ важныхъ умственныхъ приобрѣтеній этого времени (т. е. когда ему было тринадцать лѣтъ) было то, что я узналъ « Остатки Старинныхъ Стихотвореній » епископа Перси. Такъ какъ я съ самаго дѣтства пристрастился къ легенному складу идей, и только по скучности материаловъ и грубости тѣхъ, которые были у меня въ рукахъ, отрывался отъ легендъ къ другимъ умственнымъ удовольствіямъ, то можно вообразить, но нельзя описать, съ какимъ восторгомъ я увидѣлъ пѣ-
сы, подобныя тѣмъ, которыя были забавою моего дѣтства и все еще оставались втайне Далидою моего воображенія.... Лѣтній день проходилъ для меня такъ быстро, что, несмотря на свѣжій аппетитъ тринадцати-лѣтняго возраста, я забыть объ обѣдѣ; меня принялись искать съ беспокойствомъ и нашли пресыщающагося умственной моей трапезою.... Съ тѣхъ поръ я надобѣлъ своимъ школьнѣмъ товарищамъ и всѣмъ, кому была охота меня слушать, трагическими выдержками изъ балладъ епископа Перси. Я воспользовался первою возможностью скопить нѣсколько шиллинговъ, которые попадали въ мои руки не очень часто, чтобы пріобрѣсть собственный экземпляръ этой безцѣнной книги, и не думаю, чтобы какую либо книгу читалъ я въ половину такъ часто и съ такимъ увлеченіемъ. » (*Ibid., vol. I, pp. 21—22.*)

изъ такой мрачной душевной глубины, какъ у малороссіянъ, и ни одно племя на землѣ не способно, посѣдѣ горькаго плача, послѣ разрывающаго сердце отчаянія, смыться такимъ всепобѣждающимъ смѣхомъ, какимъ смыются они въ своихъ комическихъ и саркастическихъ пѣсняхъ. Переходъ отъ горести къ смѣху и отъ смѣха къ горю въ ихъ поэзіи и натурѣ такъ быстръ и такъ естественъ, что вся ихъ жизнь похожа на мрачную ткань, заткнутую блестящимъ шолкомъ, который, рисуя на одной сторонѣ яркіе цвѣты, тою же виткою выражаетъ на обратѣ по сияющему полю траурные узоры. Отсюда происходитъ, что «подъ видимымъ смѣхомъ» у Гоголя всегда «скрываются неизримыя, невѣдомыя міру слезы» (*), а по мрачной ткани его фантазіи вездѣ разсыпаны сверкающіе цвѣты восторга и яснаго, сердечнаго хохота.

Возратясь осенью 1835 года въ Петербургъ, Гоголь почувствовалъ сильнѣе прежняго необходимости поправить свое здоровье въ тепломъ климатѣ и началъ готовиться къ путешествію на Кавказъ или въ другой подобный край заблаговременно. Второе изданіе «Вечеровъ на Хуторѣ» и постановка на сцену «Ревизора» доставили ему къ тому средства. Но чтобы могъ думать, что авторъ такой смѣшной (я не говорю: веселой) комедіи, какъ «Ревизоръ», страдалъ отъ нея не только во время ея представлѣнія, но и задолго до него? Причины его страданій объяснить трудно. Довольно, впрочемъ, сказать, что онъ самъставилъ на сцену свою комедію и усиливался образовать для нея актеровъ — подвигъ, требующій усилий продолжительныхъ и авторитета непреложного. До какой степени удалось ему его хлопоты, видно отчасти изъ «Письма къ одному литератору», напечатанаго имъ впослѣдствії (съ сокращеніями) въ приложеніяхъ къ «Ревизору».

«Ревизоръ съигранъ — говорить онъ — и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно.... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно тягостное облекало меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое.»

Далѣе :

«Итакъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ — просто блѣдное лицо, а я, въ порывѣ ми-

(*) «Мертвые Души», стр. 264.

иутнаго горделиваго расположения, думалъ, что когда избудь актеръ обшириаго таланта возблагодарить меня за совокупление въ одномъ лицѣ такихъ разнородныхъ движений, дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта? И вотъ Хлестаковъ вышелъ лѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно. — Съ самаго начала представлениія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и приемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся, — и этотъ судья былъ я самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. — — — Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолѣла меня тоска. — — — Я усталъ душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними со всѣми! мнѣ опротивѣла моя пьеса. Я хотѣлъ бы бѣжать теперь Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего.»

Это было писано 25 мая 1836 года. Прочитавъ этотъ отрывокъ, каждый почувствуетъ, до какой степени душевныя силы поэта были истощены стараниемъ выразить своею комедіею неизвестное для ея исполнителей и непріятными столкновеніями съ людьми, которые не знали цѣны его таланту и не щадили его сердца. Имъ овладѣла тоска, которую долженъ былъ бы почувствовать каждый художникъ, обманувшійся въ своихъ гордыхъ надеждахъ, и тѣмъ сильнѣе она одолѣла его, что здоровье его было изнурено множествомъ написанныхъ имъ съ 1829 года сочиненій, трудами по службѣ и приготовленіями къ такимъ работамъ, какъ «Исторія Малороссії» въ шести и «Исторія Среднихъ Вѣковъ» въ девяти томахъ. Ему необходимо было вырваться изъ своей сферы и искать спокойствія и исцѣленія вдали отъ отечества, среди нѣмыхъ для него племенъ, среди постороннихъ для него интересовъ, среди памятниковъ минувшаго времени, столь успокоительно говорящихъ поэтической душѣ (*), среди бессмертныхъ созданій кисти и рѣзца, среди вѣчной весны, которой онъ такъ жаждалъ, бывало, въ Петербургѣ, и о которой писалъ къ своему другу въ

(*) Вспомнимъ слова Гоголя въ письмѣ къ г. Максимовичу отъ 9 ноября 1833 года: «Ничто такъ не успокаиваетъ, какъ исторія..»

Кіевъ : «Дай мнѣ ее одну, одну,— и никого больше я не желаю видѣть!»

Такъ слѣдовало заключить о немъ изъ извѣстныхъ доселѣ внутреннихъ и внѣшнихъ его обстоятельствъ. Но, сообразивъ первыя стремления къ общей пользѣ съ практическимъ направлениемъ его литературной дѣятельности, высказавшемся въ «Перепискѣ съ Друзьями» и въ самихъ «Мертвыхъ Душахъ», неизвѣстно остановившись на мысли, что приведенные выше обстоятельства не могли бы еще подвинуть его на увольненіе отъ службы и перѣездъ за границу. Государственную службу Гоголь съ самой юности считалъ цѣллю своего существованія и, по пріѣздѣ въ Петербургъ, перепробовалъ нѣсколько родовъ ея, ища поприща, на которомъ онъ могъ бы всего больше приносить пользы. Наконецъ наблюденія падъ самимъ собою, а можетъ быть, и винченія Пушкина, убѣдили его, что настоящес его призваніе литература, и что только на этомъ поприщѣ онъ будетъ истинно полезенъ своему отечеству. «Ревизоръ», при всей неудовлетворительности постановки на сцену этой пьесы, показалъ ему, что можетъ сдѣлать писатель, возгорѣвшійся любовью къ добру и сатирическимъ «гнѣвомъ» къ недостойному въ человѣкѣ. Съ первымъ наброскомъ «Мертвыхъ Душъ», читанныхъ Пушкину, въ головѣ его явилась неясная, но предчувствуемая силою вдохновенія, мысль цѣлаго созданія, которымъ «можно устремить общество или даже все поколѣніе къ прекрасному» (*); почувствъ все величіе подобнаго подвига, опъ убѣдился окончательно, что поступить «честно», если перемѣнить службу государственную на службу Царю и Отечеству посредствомъ литературы. Но чтобы выносить въ душѣ идею задуманного созданія, ему было необходимо такое мѣсто, куда бы, какъ выражался онъ, «не доходили до него волны». Такого мѣста онъ не имѣлъ въ Россіи. Здѣсь на него многіе имѣли права, которыхъ онъ не могъ и не желалъ отвергнуть. Онъ безпрестанно прикасался здѣсь къ мелкой ежедневной дѣятельности, а ему нужно было провести много времени наединѣ съ Богомъ, съ природой и съ своей душой. Этого мало: сама Россія не могла представить его уму во всей громадности своего образа, пока онъ находился посреди соотечественниковъ. Онъ

(*) Слова Гоголя въ «Перепискѣ съ Друзьями», стр. 152.

Т. LXII. Огд. II.

долженъ былъ отойти отъ нея, чтобы обнять ее всю своимъ духовнымъ взоромъ, и чтобы, въ удаленіи отъ отечества, возгорѣться свѣжею къ нему любовью. Такимъ образомъ желавіе послужить вѣрою и правдою своему Царю и народу, а не какіе нибудь мелкіе эгоистические расчеты заставили Гоголя выйти въ отставку и уѣхать изъ Россіи. Это можно сказать решительно, основываясь на его письмахъ, на его душевныхъ признанияхъ и на всѣхъ его поступкахъ до конца жизни. Онъ былъ иримѣрный гражданинъ земли своей, отъ юности до смерти оставшійся вѣрнымъ одной благородной цѣли—принести пользу обществу; ибо, что бы онъ ни предпринималъ, чѣмъ бы ни увлекался, мысль о службѣ Отечеству и верховному представителю Отечества, Царю, выражаясь его словами, «пребывала неотлучно въ головѣ его впереди всѣхъ его дѣлъ и занятій».

Я увѣренъ, что многимъ, знаяшимъ Гоголя лично, покажутся странными эти слова. Они приведутъ въ недоумѣніе и тѣхъ, кто будетъ перечитывать заграничныя письма Гоголя, помѣщенные далѣе въ моемъ «Опытѣ». Привычная его обыкновенные разговоры, его саркастическая выходки и разные житейскіе дрязги, никто не скажетъ, чтобы Гоголь въ своей поѣздкѣ за границу управлялся всего болѣе желаніемъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ не въ состояніи былъ показать себя на службѣ, то есть гражданиномъ земли своей; ибо онъ не любилъ обнаруживать даже и передъ близкими друзьями сокровеннѣйшихъ движений души своей (*), и то, что для него было всего священнѣе, онъ всего глубже таилъ въ своеемъ сердцѣ. Мало того: онъ почти всегда старался отклонить отъ своего тайника пытливый взоръ наблюдателя, посредствомъ одному ему свойственной проказливости. Поэтому-то многіе, передъ выѣздомъ его за границу, слышали отъ него только жалобы на сѣверный климатъ и на разныя непріятности въ сношеніяхъ съ холодными и тучными людьми; некоторые объясняли себѣ его удаленіе изъ Россіи неудачною привязанностью къ одной дѣвицѣ, — привязанностью, которая не могла бы ни къ чему привести его. Но никто ни прежде, ни послѣ его отѣзда не могъ имѣть и въ по-

(*) Это было въ немъ врожденнымъ инстинктомъ. Вспомнимъ отвѣтъ его матери на извѣстіе о смерти отца. «Я сперва былъ пораженъ сильнѣ извѣстіемъ, однако же не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ; оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія.»

мышленій, чтобы на этотъ разъ государственная служба, какъ всегда, стояла впереди всѣхъ его дѣйствій.

Есть люди — и ихъ довольно много — которые, не находя возможности согласить въ умѣ противоположные, по видимому, поступки Гоголя въ разныя эпохи его жизни, полагаютъ, что онъ только впослѣдствіи начерталъ себѣ известный планъ поведенія, и увѣрялъ себя и другихъ, что онъ никогда не чувствовалъ и не дѣйствовалъ иначе. Но вѣдь это же самое говорятъ и относительно его религіозности. опираясь на нѣсколькихъ словахъ, вырывавшихся у него изъ устъ въ минуты беззаботной веселости. А между тѣмъ онъ смертью своею доказалъ, что онъ былъ не только истинный христіанинъ, но и покорѣшій сынъ Православной Церкви.

Какъ, однакожъ, объяснить въ его характерѣ кажущіяся противорѣчія? Почему, напримѣръ, онъ, будучи глубоко цѣломудренъ въ душѣ, позволялъ себѣ иногда пѣсни и шутки вовсе не цѣломудренныя? почему, при своемъ уваженіи къ ученію Отцѣвъ Церкви, онъ иногда, въ przypadкѣ веселости, какъ будто забывалъ о немъ? или какимъ образомъ, стоя на высотѣ христіанского смиренія, онъ точно подбиралъ себѣ кругъ друзей исключительно между богатыми и знатными?

Я затѣмъ предлагаю эти вопросы, что они сильно занимали меня, пока я не выяснилъ себѣ личности Гоголя; ибо я не всегда питалъ къ нему тѣ чувства, съ которыми теперь начертываю исторію его вѣнчайшей и внутренней жизни. Сомнѣнія, недовѣрія, негодованіе на кажущуюся пошлость его поступковъ, презрѣніе къ мнимой его надмѣнности и кичливости и другія таѣстныя и непріятныя чувства, которыхъ возбуждалъ Гоголь въ разныя времена своей жизни въ истинныхъ своихъ почитателяхъ, были и моими чувствами; и чѣмъ больше я цѣнилъ талантъ его, тѣмъ сильнѣе возставалъ въ душѣ противъ того, что я называлъ тогда темными сторонами его характера. Даже въ то время, когда надъ его могилой раздавались еще свѣжія сожалѣнія и высказаны были нѣсколькими его друзьями искреннія ихъ убѣжденія касательно его человѣческой личности, духъ сомнѣнія не оставилъ меня, и я, изображая, въ краткомъ очеркѣ, его дѣтство, не хотѣлъ перейти за черту того, чтѣ относится собственно къ его таланту, или къ тому возрасту, въ которомъ все извинительно.

Но когда передо мною открылись всѣ материалы для его биографіи , которые читатель найдеть въ этой книгѣ , и я вошелъ въ болѣе близкія отношенія съ душою поэта , мои сомнѣнія и недовѣрчивость къ искренности всѣхъ его поступковъ въ оставшее десятилѣтіе его жизни начали уступать мѣсто теплому сочувствію къ его убѣжденіямъ и уливленію къ силѣ и ясности его души — точно какъ будто самъ онъ явился ко мнѣ съ другого свѣта и удостовѣрилъ меня во всемъ , положа руку на сердце .

Но убѣдить ли мое убѣжденіе читателя , еще незнакомаго со всѣми извѣстными мнѣ обстоятельствами жизни поэта ? Нѣтъ ; даже объясненія , которыхъ сдѣлалъ бы я ему теперь на предложенные выше вопросы , не могутъ быть приняты имъ такъ , какъ они составились въ умѣ моемъ . Необходимо самому читателю пройти до конца испытующимъ окомъ всѣ проявленія характера въ души Гоголя , сколько сохранено ихъ отъ забвенія въ этомъ сборникѣ , и , по мѣрѣ своей способности , анализировать столь высокій и трудный предметъ , составить себѣ собственныхя убѣжденія . Я въ этомъ случаѣ имѣю передъ нимъ только преимущество первенства . Я былъ уже въ этой необыкновенной галлереѣ , я привелъ въ ней кое-что въ порядокъ , чтобы каждый предметъ получилъ свою видимость ; я оставилъ въ ней замѣтки кой-какихъ своихъ наблюденій и соображеній , которыхъ облегчать для него изученія предмета , и теперь предлагаю каждому войти въ эту галлерею и вынести изъ нея въ душѣ своей что можетъ вынести .

ПЕРИОДЪ ТРЕТЬИЙ.

Гоголь заграницей. — Поездка изъ Лозанны въ Веве. — Віяніе смерти Пушкина на дѣятельность Гоголя. — Жизнь въ Римѣ. — Переписка съ прежней ученицей. — Переводъ итальянской комедіи. — Письма къ М. С. Щепкину и П. А. Плетнєву. — Большеннєе состояніе Гоголя. — Шутливость въ характерѣ его. — Дорожные приключенія. — Возвращеніе въ Россію. — Хлопоты по изданію «Мертвыхъ Душъ».

Съ выѣздомъ за границу начинается въ жизни Гоголя новый періодъ, въ которомъ онъ, по тѣмъ письмамъ, которыя находятся у меня въ рукахъ, явится читателю сперва дѣтски беспечнымъ, какъ школьникъ, вырвавшійся на просторъ, и яснымъ, какъ сіяющее небо европейскаго юга, потомъ все болѣе и болѣе сумрачнымъ и наконецъ грозно-торжественнымъ.

Мы войдемъ въ этотъ періодъ его жизни посредствомъ одного изъ самыхъ веселыхъ его писемъ, въ которомъ онъ разсказываетъ одной изъ своихъ петербургскихъ ученицъ о своемъ путешествіи изъ Лозанны въ Веве.

• Веве. Октября 19-го 1836.

«Хотя вы, милостивая госуда́рьшия ***, не изволили мнѣ опи-
сать вашего путешествія въ Антверпенъ и въ Брюссель, и хотя
следовало бы и съ моей стороны сдѣлать то же, но, несмотря
на это, я рѣшаюсь описать вамъ путешествіе мое въ Веве, — во
первыхъ, потому, что я очень благовоспитанный кавалеръ, а во
вторыхъ, потому, что предметы такъ интересны, что мнѣ было
бы грѣхъ не писать о нихъ. Простишись съ вами — чтѣ, какъ
вы помните, было въ исходѣ первого часа — я отправился въ
Hôtel du Facon. Обѣдало насъ три человѣка: я посреди; съ од-
ной стороны почтенный старикъ француузъ съ перевязаною ру-
кою и орденомъ, а съ другой стороны — почтенная дама, жена
его. Подали супъ съ вермишелями. Когда мы все трое супъ от-
кушали, подали намъ вотъ какія блюда: говядину отварную,
котлеты баранья, вареный картофель, шпинатъ со шпигованной
телятиной и рыбу средней величины къ бѣлому соусу. Когда я

откушалъ картофель , который я весьма люблю , особенно , когда онъ хорошо сваренъ , французъ , который сидѣлъ возлѣ меня , обратясь ко мнѣ , сказалъ :

« — Милостивый государь....

« Или неѣтъ , я позабылъ : онъ не говорилъ : Милостивый государь ; онъ сказалъ :

« — Monsieur , je vous servis этою говядиною . Это очень хорошая говядина .

« На что я сказалъ :

« — Да , действительно это очень хорошая говядина .

« Потомъ , когда приняли говядину , я сказалъ :

« — Monsieur , позвольте васъ попотчивать бараньей котлеткой .

« На что онъ сказалъ :

« — Съ большимъ удовольствиемъ . Я возьму котлетку , тѣмъ болѣе , что , кажется , хорошая котлетка .

« Потомъ приняли и котлетку , и поставили вотъ наકіа блюда : жаркое — цыпленка , потомъ другое жаркое — баранью ногу , потомъ поросенка , потомъ пирожное — компотъ съ грушами , потомъ другое пирожное — съ рисомъ и яблоками . Какъ только мыѣ перемѣнили тарелку и я ее вытеръ салфеткой , французъ , сосѣдъ мой , попотчиваля меня цыпленкомъ , сказалъ :

« — Puis-je vous offrir цыпленка ?

« На что я сказалъ :

« — Je vous demande pardon , Monsieur , я не хочу цыпленка ; я очень огорченъ , что не могу взять цыпленка ; я лучше возьму кусокъ барашней ноги , потому что я баранью ногу предпочитаю цыпленку .

« На что онъ сказалъ , что онъ точно зналъ многихъ людей , которые предпочитали баранью ногу цыпленку .

« Потомъ , когда откушали жаркое , французъ , сосѣдъ мой , предложилъ мнѣ компотъ изъ грушъ , сказавъ :

« — Я вамъ совсѣту , Monsieur , взять этого компота : это очень хороший компотъ .

« — Да , сказалъ я , это точно очень хороший компотъ . Но я ъдалъ (продолжалъ я) компотъ , который приготавливали собственные ручки княжны В*** Н*** Р*** и которого можно называть королемъ компотовъ и главнокомандующимъ всѣхъ пирожныхъ .

«На что онъ сказаў :

«— Я не ъдалъ этого компота, но сужу по всему, что онъ долженъ быть хорошъ, ибо мой дѣлушка былъ тоже главнокомандующій.

«На что я сказаў :

«— Очень жалѣю, что не былъ знакомъ лично съ вашимъ дѣлушкою.

«На что онъ сказаў :

«— Не стоятъ благодарности.

«Потомъ приняли блюда и поставили десертъ. Но я, боясь опоздать къ дилижансу, попросилъ позволенія оставить столъ на чтѣ французъ, соседъ мой, отвѣчалъ очень учтиво, что онъ не находить съ своей стороны никакого препятствія.

«Тогда я, взваливъ шинель на лѣвую руку, а въ правую взявъ дорожный портфель съ бѣдою бумагою въ разною собственноручною дрянью, отправился на почту.

«Дорога отъ Фокона до почты вамъ совершенно извѣстна, и потому я не берусь ее описывать. Притомъ вы сами знаете, что предметовъ, которые бы слишкомъ поразили воображеніе, на ней очень, очень немного. Когда я пришелъ къ дилижансу, то увидѣлъ, къ крайнему своему изумленію, что внутри кареты все было почти занято. Оставалось одно только мѣсто въ срединѣ. Сидѣвшіе дамы и мужчины были люди очень почтенные, но вѣсколько толсты, и потому я минуту предавался размышленію. «Хотя—подумалъ я—мнѣ здѣсь не будетъ холодно, если я усядусь посрединѣ; но, такъ какъ я человѣкъ субтильный и тщедушный, то весьма можетъ быть, что они изъ меня сдѣлаютъ лепешку, пока я добѣду до Веве. Это обстоятельство заставило меня взять мѣсто на верху кареты. Мѣсто мое было такъ широко и покойно, что я нашелъ приличнымъ положить вмѣстѣ съ собою и мои ноги, за что, къ величайшему моему изумленію, не взяли съ меня ничего и не прибавили платы, что заставило меня думать, что мои ноги очень легки. Такимъ образомъ поѣхалъ я лежа на каретѣ, я началъ разматривать всѣ бывшіе по сторонамъ виды. Горы чрезвычайно хороши, и почти ни одной изъ было такой, которая бы шла внизъ, но всѣ вверхъ. Это меня такъ изумило, что я ужъ и пересталъ смотрѣть на другие виды. Но болѣе всего поразилъ меня гороховый фракъ сидѣвшаго со мной кондуктора. Я такъ углубился въ размыш-

ление, отчего одна половина его была темнѣе, а другая свѣтлѣе, что и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до Вене. Мне такъ понравилось мое мѣсто, что я хотѣлъ еще и больше полежать на верху кареты; но кондукторъ сказалъ, что пора сойти, на что я сказалъ, что я готовъ съ большими удовольствіемъ.

« — Такъ пожалуйте мнѣ вашу ручку! сказалъ онъ.

« — Извольте, отвѣчалъ я.

« Съ кареты сходилъ я сначала лѣвою ногою, а потомъ правою; но, къ величайшему прискорбію вашему (потому что я знаю, что вы любите подробности), не помню, на которую спицу колеса ступилъ я ногою — на третью или на четвертую. Если хорошо припомнить всѣ обстоятельства, то, кажется, на третью; но опять если разсмотрѣть съ другой стороны, то представляется, какъ будто на четвертую. Впрочемъ, я вамъ совсѣмъ позадиенно теперь же послать за кондукторомъ: онъ, вѣрно, долженъ знать; и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, потому что если онъ выспится, то позабудетъ.

« По сошествіи съ кареты, отправился я въ набережной встрѣчать пароходъ. Это путешествіе могло бы доставить очень много пользы, особенно для молодыхъ людей, и, вѣроятно, развило бы прекрасно ихъ способности, если бы не было слишкомъ коротко, ибо оно продолжалось никакъ не больше одной минуты съ половиною. Изъ пассажировъ, бывшихъ на пароходѣ, не оказалось ни одной физіономіи русской, даже такой, на которой бы выстроенъ былъ хотя и немецкій городъ. Выгрузились три дамы, Богъ знаетъ какаго происхожденія, два кельнера и три англичанина съ такими длинными ногами, что насилиу могли выйти изъ лодки. Вышедши изъ лодки, они сказали «гопшъ» и пошли искать *table d'hôte*. Потомъ я пошелъ къ себѣ въ комнату, где сначала сидѣлъ на одномъ диванѣ, потомъ пересѣлъ на другой, но нашелъ, что это все равно, — что если два равные дивана, то на нихъ рѣшительно сидѣть одинаково.

« Заѣсь окончиваются путешествіе. Все прочее, что ни было, все было незамѣчательно. Какъ вы хотите, но отвѣтъ вы неизрѣмѣнно должны написать мнѣ. Если вы затрудняетесь, какимъ образомъ писать, то я вамъ могу дать небольшой обратвѣцъ. Вы можете написать въ такомъ духѣ:

« Милостивый государь, почтеннѣйшій Николай Васильевичъ!

« Я имѣла честь получить почтеннѣйшее письмо ваше сего октября... такого-то числа. Не могу выразить вамъ, милостивый государь, всѣхъ чувствъ, которыя волновали мою душу. Я проливала слезы въ сердечномъ умиленіи. Гдѣ обрѣли вы высокое искусство говорить такъ понятно душѣ и сердцу? Стократъ, стократъ желала бы я имѣть искусное перо, подобное вашему, чтобы быть въ возможности изливать такими же словами приватную и растроганную благодарность.»

« Потомъ вы можете написать : « Покорная къ услугамъ», или : « Готовая ко услугамъ», или что нибудь подобное, и письмо — я вѣсть уверяю — будетъ хорошо. За симъ позовольте мнѣ пожелать вамъ всего, что ни есть хорошаго на свѣтѣ, и оставаться наипреданнѣйшимъ и наипокорнѣйшимъ слугою.

« Н. Гоголь.

« P. S. Еще одно, не въ шутку, весьма нужное слово. При соедините вашу просьбу къ моей и упросите вашу маменьку прїѣхать сегодня же или завтра въ Беве, если не состоится ваша поездка въ Женеву. При свиданіи съ вами, я былъ глупъ какъ швейцарскій баранъ, — совершенно позабылъ вамъ сказать о прекрасныхъ видахъ, которые нужно вамъ непремѣнно видѣть. Вы были и въ Монтре и въ Шильонѣ, но не были близко. Я вамъ совсѣмъ непремѣнно сѣть въ омнибусъ, въ которомъ очень хорошо сидѣть и который отправляется изъ вашей гостиницы въ семь часовъ утра. Вы поспѣете сюда къ завтраку, и я васъ поведу садами, лѣсами; вокругъ насъ будутъ шумѣть ручьи и водопады; съ обѣихъ сторонъ горы, и никогда почти намъ не нужно будетъ подыматься на гору. Мы будемъ идти прекраснѣйшую долину, которая — я знаю — вамъ очень понравится. Усталости вы не будете чувствовать. Вы знаете, что меня трудно расшевелить видомъ. Нужно, чтобы онъ былъ очень хороши. Здѣсь пообѣдаемъ, если вамъ будетъ угодно, въ часъ, или можете отправиться къ себѣ въ Лозанну. Во всякомъ случаѣ, если вамъ не противно будетъ, я опять провожу васъ до Лозанны.»

По хронологическому порядку, за этимъ письмомъ слѣдуетъ у меня первое письмо Гоголя изъ заграницы къ П. А. Плетневу. (*) Содержаніе его представляетъ такой разительный конт-

(*) Т. е. первое изъ тѣхъ, которыя я имѣю теперь. Впослѣдствіи,ѣроятно, отъишутся и другія.

растъ съ веселою болтовнею разсѣяпнаго путешественника, какъ сердечные крики поэта съ его комическими картинами. Это было письмо по случаю извѣстія о смерти Пушкина. (Оно уже извѣстно читателю.) «Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ.... Невыразимая тоска!...»

Никто бы не рассказалъ мнѣ о состояніи души поэта въ то время такъ ясно, какъ онъ самъ въ этихъ немногихъ словахъ. «Боже! — восклицаетъ онъ, какъ человѣкъ, видящій гибель своего драгоценнѣйшаго достоянія — нынѣшній трудъ, внушенный имъ, его созданіе.... я не въ силахъ продолжать его....» Теперь, послѣ созженія этого труда, мы отъ всей души сочувствуемъ ужасу и горю поэта. Это была истинно трагическая минута! Да, жизнь Гоголя, при всей скучности извѣстныхъ намъ доселѣ фактовъ, представляетъ поэму полнѣе, выше и поразительнѣе «Мертвыхъ Душъ». Даже тайна, скрывающая отъ всѣхъ многіе поступки Гоголя и цѣлые годы его жизни, исполнена большей торжественности, нежели та, которая распростерлась надъ уничтоженными созданіями его генія.

Въ упомянутомъ письмѣ Гоголь жалуется, что «былъ очень боленъ», что «начинаетъ нейного поправляться», и говоритъ, что теперь только «установился на мѣстѣ», ато «все шатался въ дорогѣ». Изъ этого видно, что жизнь его въ Римѣ началась около половины марта 1837 года. Нѣкоторые изъ русскихъ художниковъ, коротко знавшіе Гоголя въ этомъ городѣ, говорятъ, что онъ былъ скрытенъ и молчаливъ въ высшей степени. «Бывало — разсказывается г. Гаевскій (*) со словъ этихъ художниковъ — отправится съ кѣмъ нибудь бродить по сожженнымъ лучами солнца полямъ обширной римской Кампаніи, привѣтствуетъ своего спутника сѣсть вмѣстѣ съ нимъ на пожелтѣвшую отъ зноя траву, послушать пѣнія птицъ, и, просидѣвъ или пролежавъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ, тѣмъ же порядкомъ отправляется домой, не говоря ни слова. По временамъ только онъ предавался порывамъ неудержимой веселости и являлся такимъ, какъ представляютъ его себѣ, судя по произведеніямъ, всѣ незнавшіе его лично. Въ эти рѣдкія минуты онъ болталъ безъ умолку, острота слѣдовала за остротою, и веселый смѣхъ

(*) Въ «Замѣткахъ для біографіи Гоголя.»

его слушателей не умолкалъ на минуту. Изъ русскихъ художниковъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Римѣ, онъ особенно любилъ исторического живописца А. И. Иванова, которому посвятилъ одно изъ писемъ въ своей «Перепискѣ», въ который до сихъ поръ еще живеть въ Римѣ, — гравера Ф. И. Йордана, о которомъ онъ говоритъ въ своемъ «Завѣщаніи» (стр. 14 и 15), и покойнаго скульптора Ставассера.»

Но послушаемъ, что говорить о своей римской жизни Гоголь, въ письмѣ г. Плетневу. Изъ этого письма мы узнаемъ, между прочимъ, одно весьма важное и до сихъ поръ неизвѣстное обстоятельство: именно — что въ 1837 году сдѣлано было Гоголю отъ Царскихъ щедротъ единовременное пособіе въ 5,000 рублей ассигнаціями. Поэту осчастливленъ былъ столь велико-душнымъ вниманіемъ къ его положенію «какъ нельзя больше», и этому-то празднику его души мы обязаны слѣдующимъ письмомъ, свѣтымъ какъ итальянское небо.

•Римъ. Ноября 3-го 1847.

«Не сердитесь на меня, виновникъ многихъ, многихъ прекрасныхъ минутъ моей жизни, что въ письмахъ моихъ нѣть того, о чёмъ любить изливаться молодая душа путешественника. Теперь на первый случай знайте обо мнѣ, что я счастливъ какъ нельзя больше; добрый Государь нашъ (храни его за это Богъ), пожаловавши мнѣ 5000 руб., далъ мнѣ средство по крайней мѣрѣ полтора года прожить безбѣдно въ Италии.

«Что за земля Италия! Никакимъ образомъ не можете вы ее представить себѣ. О, если бы вы взглянули только на это сдѣлающее небо, все тонущее въ сіянніи! Все прекрасно подъ этимъ небомъ; что ни развалина, то и картина; на человѣкѣ какой-то сверкающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искусства, — все, кажется, дышетъ и говоритъ подъ этимъ небомъ. Когда вамъ все измѣнитъ, когда вамъ больше ничего не останется такого, что бы привязывало васъ къ какому нибудь уголку міра, пріѣзжайте въ Италию. Нѣть лучшей участія, какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ небу. Князь Вяземскій очень справедливо сравниваетъ Римъ съ большимъ прекраснымъ романомъ или эпосею, въ которой на каждомъ шагу встрѣчаются новыя и новыя вѣчно неожиданные красы. Передъ Римомъ всѣ другіе города кажутся блестя-

щими драмами , которыхъ дѣйствіе совершается шумно и быстро въ глазахъ зрителя , душа восхищена вдругъ , но не приведена въ такое спокойствіе , въ такое продолжительное наслажденіе , какъ при чтеніи эпопеи . Въ самомъ дѣлѣ , чего въ ней нѣтъ ? Я читаю ее , читаю..... и до сихъ поръ не могу добраться до конца ; чтеніе мое безконечно . Я не знаю , гдѣ бы лучше могла быть проведена жизнь человѣка , для которого постыя удовольствія свѣта не имѣютъ много цѣны . Это городъ и деревня вмѣстѣ . Обширнѣйшій городъ — и , при всемъ томъ , въдвѣ минуты вы уже можете очутиться за городомъ . Хотите — рисуйте , хотите — глядите.... не хотите ни того , ни другого — воздухъ самъ лѣзетъ вамъ въ ротъ . Проглянетъ солнце (а оно глядитъ каждый день) — и ничего уже болѣе не хочешь ; кажется , ничего уже не можетъ прибавиться къ вашему счастію . А если случится , что нѣть солнца (что бываетъ такъ же рѣдко , какъ въ Петербургѣ солнце) ; то идите по церквамъ на каждомъ шагу : и въ каждой церкви чудо живописи , старая картина , къ подножію которой несутъ миллионы людей умиленное чувство изумленія . Но небо , небо !... Вообразите , когда проходятъ два-три мѣсяца и оно отъ утра до вечера чисто , чисто — хоть бы одно облачко , хотя бы какой нибудь лоскуточекъ его !

« Но я разучился совсѣмъ писать письма ; одно слово толкаетъ другое , я мараю , ставлю ошибки.... но когда нибудь вы увидите записки , въ которыхъ отразились , можетъ быть , вѣрно впечатлѣнія души моей , гдѣ она вылила признательный движенья свои , которыхъ не могла бы излить открыто , не нарушая тонкой разборчивости тѣхъ , кому въ глубинѣ ея сожигается неугасимо жертвенный пламень благодарности .

« Тамъ и тѣ предметы , диво природы и искусства , къ которымъ издалека мы несемся пламенной душой , въ томъ видѣ , въ какомъ она приняла ихъ . » (*)

Подъ этимъ-то вѣчно-сияющимъ небомъ , вдали отъ удовольствій свѣта , которая сдѣлались теперь для поэта « пошмыми » , въ этомъ городѣ-деревнѣ и деревнѣ-городѣ , на просторѣ и на досугѣ , Гоголь написалъ или докончилъ первую часть « Мертвыхъ Душъ » , въ которой отразилось спокойствіе , лежащее

(*) Гоголь тщательно переписалъ это письмо для печатанія , и оно было уже подписано цензоромъ ; но , по нѣкоторымъ особымъ обстоятельствамъ , печатаніе его было огнѣнено авторомъ .

иадъ «вѣчнымъ городомъ», и видѣнъ широкій ходъ эпопеи, за-
бранный поэтомъ въ душу при безконечномъ чтеніи эпопеи
Рима. Въ послѣдующихъ письмахъ онъ самъ кипящею своею
рѣчью разскажетъ, почему онъ представлялъ ясно Русь только
среди чужого населенія и непохожихъ на нее странъ. Онъ постиг-
нуль и объяснилъ друзьямъ эту тайну по возвращеніи въ Россію
въ 1841 году, съ готовою для печати рукописью «Мертвыхъ
Душъ». Но не будемъ заглядывать впередъ и прослѣдимъ загра-
ничную жизнь его по его письмамъ къ разнымъ особамъ. Всего
слышишь занять нашего поэта «вѣчный городъ», котораго гран-
діозныи образъ представилъ онъ въ своемъ отрывкѣ, подъ за-
главіемъ «Римъ». Слѣдующее письмо его можетъ служить пре-
краснымъ дополненіемъ къ этому отрывку романа, начатаго,
какъ видно, на слишкомъ высокій строй и потому оставленаго
безъ продолженія. Оно тѣмъ интереснѣе, что въ немъ ужъ на-
мѣчены мысли и картины, которыя потомъ развиты и обрабо-
таны окончательно въ отрывкѣ «Римъ».

«Римъ, мѣсяцъ апрѣль, годъ 2588 отъ основанія города. (*)

«Я получилъ сегодня ваше милое письмо, писанное вами отъ
10 февраля по здѣшнему счету. Оно такъ искренно, такъ показа-
лось мнѣ полно чувства и въ немъ такъ отразилась душа ваша, что
я рѣшился идти сегодня же въ одну изъ церквей римскихъ — тѣхъ
прекрасныхъ церквей, которая вы знаете, гдѣ дышетъ священ-
ный сумракъ и гдѣ солнце, съ вышинъ овального купола, какъ
Святой Духъ, какъ вдохновеніе, посѣщаетъ срелину ихъ, гдѣ
двѣ-три молящіяся на колѣняхъ фигуры не только не отвле-
каютъ, но, кажется, даютъ еще крылья молитвѣ и размышенію.
Я рѣшился тамъ помолиться за васъ. Хотя вашу ясную душу
слышитъ и безъ меня Богъ и хотя немного толку въ моей грѣш-
ной молитвѣ, но все-таки я молился; я исполнилъ этимъ движе-
ніе души моей; я просилъ, чтобы послали вамъ высшія силы пре-
красныя небеса, солнце и ту живую, юную природу, которая
достойна окружать васъ. Вы похожи теперь на картину, въ ко-
торой художникъ великій употребилъ всѣ свои силы на то,

(*) Обыкновенно полагаютъ, что Римъ основанъ за 753 года до Р. Х. Если вычесть это число изъ 2588, то выйдетъ, что письмо было писано въ 1835 году, когда Гоголь находился еще въ Россіи; а между тѣмъ оно очевидно относится къ 1837 или къ 1838 году. Н. М.

чтобы создать прекрасную фигуру, которую онъ помѣстилъ на первомъ планѣ. Потомъ ему надоѣло заняться прочимъ, второй планъ онъ напачкалъ какъ ни попало, или, лучше, дѣлъ пачкать другимъ. Оттого вышло, что позади васъ находится чухонская природа. Я слышу отсюда всѣ ваши чувства, и, зная васъ хорошо, я зналъ, что вы должны быть полны Римомъ, что онъ живеть еще свѣтлѣе въ вашихъ мысляхъ теперь, чѣмъ прежде.

« Въ самомъ дѣлѣ, есть что-то удивительное въ немъ. Когда я жилъ въ Швейцаріи, гдѣ, по причинѣ холеры, я остался гораздо долѣе, нежели сколько думалъ, я не могъ дождаться часа, минутыѣ хать въ Римъ; и когда я получилъ въ Женевѣ вексель, который доставилъ мнѣ возможностьѣ хать туда, я такъ обрадовался этимъ деньгамъ, что еслибы въ это время нашелся свидѣтель моей радости, то онъ бы принялъ меня за ужаснаго скрягу и сребролюбца. И когда я увидѣлъ ваконецъ во второй разъ Римъ, о, какъ онъ мнѣ показался лучше прежнаго! Мнѣ казалось, что будто я увидѣлъ свою родину, въ которой вѣсколько лѣтъ не бывалъ я, а въ которой жили только мои мысли. Но пѣтъ, это все не то: не свою родину, но родину души своей я увидѣлъ, гдѣ душа моя жила еще прежде меня, прежде, чѣмъ я родился на свѣтѣ. Опять то же небо, то все серебряное, одѣтое въ какое-то атласное сверканіе, то синее, какъ любить оно показываться сквозь арки Колизея. Опять тѣ же кипарисы, эти зеленые обелиски, верхушки куполовидныхъ сосенъ, которые кажутся иногда плавающими въ воздухѣ; тотъ же чистый воздухъ; та же ясная даль; тотъ же вѣчный куполь, такъ величественно круглящійся въ воздухѣ. Нужно вамъ знать, что я прѣхалъ совершенно одынъ, что въ Римѣ я не напелъ никого изъ моихъ знакомыхъ. Ваша сестрица оставалась еще во Флоренціи. Но я былъ такъ полонъ въ это время, и мнѣ казалось, что я въ такомъ многолюдномъ обществѣ, что я припомнитъ только, чего бы не забыть, и тотъ же часъ отправился дѣлать визиты всѣмъ своимъ друзьямъ. Былъ у Колизея, и мнѣ казалось, что онъ меня узналъ, потому что онъ, по своему обыкновенію, былъ величественно милъ и на этотъ разъ особенно разговорчивъ. Я чувствовалъ, что во мнѣ рождались такія прекрасныя чувства: стало быть, онъ со мною говорилъ. Потомъ я отправился къ Петру и ко всѣмъ другимъ, и мнѣ казалось, они всѣ сдѣлались на этотъ разъ гораздо болѣе со мною разговорчивы. Въ первый

разъ нашего знакомства они, казалось, были болѣе молчаливы, дѣчились и считали меня за форестьера.

«Кстати о форестьерахъ. Всю зиму, прекрасную, удивительную зиму, лучше во сто разъ петербургскаго лѣта — всю эту зиму я къ величайшему счастію не видалъ форестьеровъ; но теперь ихъ наѣхала вдругъ куча къ Пасхѣ. Что за неносный народъ! пріѣхалъ и сердится, что въ Римѣ нечистыя улицы, нѣтъ никакихъ совершенно развлечений, много монаховъ, и повторяетъ вытврежденныя еще въ прошломъ столѣтіи изъ календарей и старыхъ альманаховъ фразы, что итальянцы подлецы, обманщики и проч. и проч. Впрочемъ, они наказаны за глупость своей души уже тѣмъ, что не въ силахъ наслаждаться, влюбляться чувствами и мыслю въ прекрасное и высокое, — не въ силахъ узнать Италию. Есть еще классъ людей, которые за фразами не лѣзутъ въ карманъ и говорятъ: «Какъ это величаво! какъ хорошо!» словомъ, превращаются очень легко въ восклицательный знакъ и выдаютъ себя за людей съ душою. Ихъ не терпить тоже моя душа, и я скорѣе готовъ простить, кто надѣваетъ на себя маску набожности, лицемѣрія, услугливости для достижения какой нибудь своей цѣли, нежели кто надѣваетъ на себя маску вдохновенія и поддѣльныхъ поэтическихъ чувствъ.

«Знаете, что я вамъ скажу теперь о римскомъ народѣ? Я теперь занять желаніемъ узнатъ во глубинѣ весь его характеръ, сѣжу его во всемъ, читаю всѣ народныя произведенія, гдѣ только онъ отразился, и скажу, что, можетъ быть, это первый народъ въ мірѣ, который одаренъ до такой степени эстетическими чувствомъ, невольнымъ чувствомъ понимать то, чтѣ понимается только пылкою природою, на которую холодный, расчетливый, меркантильный европейскій умъ не набросилъ своей узды. Какъ показались мнѣ гадки нѣмцы послѣ итальянцевъ — нѣмцы со всею ихъ мелкою честностью и эгоизмомъ! Но объ этомъ я вамъ, кажется, уже писалъ. Я думаю, уже вы сами слышали очень многія черты остроумія римскаго народа — того остроумія, которымъ иногда славились древніе римляне, а еще болѣе — аттическій вкусъ грековъ. Ни одного происшествія здѣсь не случится безъ того, чтобы не вышла какая нибудь острота и эпиграмма въ народѣ. Во время торжества и праздника по случаю избрания кардиналовъ, когда городъ былъ иллюминованъ три дня (да, кстати здѣсь сказать, что нашъ пріятель

Мецофанти сдѣланъ тоже карнаваломъ и ходить въ красныхъ чулочкахъ), во время этого праздника было почти все дурное время; въ первые же дни карнавала дни были совершенно итальянские, — тѣ свѣтлые, безъ малѣйшаго облачка дни, которые вамъ такъ знакомы, когда на голубомъ полѣ неба сверкаютъ стѣны домовъ, всѣ въ солнцѣ, и такимъ блескомъ, какого не вынесетъ сѣверный глазъ; въ народѣ вышелъ вдругъ экспромтъ: *I Dio vuol carnavale e non vuol cardinale.*

«Знакомы ли были вы съ транстеверянами, то есть жителями по ту сторону Тибра, которые такъ горды своимъ чистымъ происхожденiemъ? Они одни себя считаютъ настоящими римлянами. Никогда еще транстеверянинъ не женился на иностранкѣ (а иностранкой называется всякая, кто только не въ городѣ ихъ), и никогда транстеверянка не выходила замужъ за иностранца. Случалось ли вамъ слышать языки ихъ, и читали ли вы знаменитую ихъ поэму: *il Meo Patacca*, для которой рисунки дѣлали Пинелли? Но вамъ, вѣрно, не случалось читать сосетовъ нынѣшняго римского поэта Белли, которые, впрочемъ, нужно слышать, когда онъ самъ читаетъ. Въ нихъ, въ этихъ сонетахъ, столько соли и столько остроты, совершенно неожиданной, и такъ вѣрно отражается въ нихъ жизнь нынѣшнихъ транстеверянъ, что вы будете смѣяться, и это тяжелое облако, которое налегаетъ часто на вашу голову, слетитъ прочь вмѣстѣ съ докучливой и беспроспособной вашей головною болью. Они писаны *in lingua romanescha*; они не напечатаны, но я самъ ихъ послѣ пришлю.

«Кстати мы начали говорить о литературѣ. Памъ известна только одна эпическая литература итальянцевъ, то есть литература умершаго времени, литература XV и XVI вѣковъ; но нужно знать, что въ прошедшемъ XVIII и даже въ концѣ XVII вѣка у итальянцевъ обнаружилась сильная склонность къ сатирѣ, веселости, и если хотите изучить духъ нынѣшнихъ итальянцевъ, то нужно его изучать въ ихъ поэмахъ герои-комическихъ. Вообразите, что собрание *autori burleschi italiani* состоитъ изъ сорока толстыхъ томовъ. Во многихъ изъ нихъ блещетъ такой юморъ, такой оригинальный юморъ, что дивишься, почему никто не говоритъ о нихъ. Впрочемъ, нужно сказать и то, что одиѣ итальянской типографіи могутъ печатать ихъ: во многихъ изъ нихъ есть чѣсколько нескромныхъ выражений, которыхъ не

всякому можно позволить читать. Я вамъ разскажу теперь объ одномъ празднике, который не знаю, знаете ли вы, или нѣтъ. Это — торжество по случаю построенія Рима, юбилей рожденія, или именины этого чуднаго старца, видѣвшаго въ стогнахъ своихъ Ромула. Этотъ праздникъ, или, лучше сказать, собрание академическое, былъ очень простъ; въ немъ не было ничего особен-наго. Но самый предметъ былъ такъ великъ, и душа такъ была настроена къ могучимъ впечатлѣніямъ, что все казалось въ немъ священнымъ; и стихи, которые читались на немъ небольшимъ числомъ римскихъ писателей, больше вашими друзьями аббатами, всѣ безъ изъятія казались прекрасными и величественными, какъ будто по звуку трубы воздвигали въ памяти моей превиія стѣны, храмы, колонны, и возносили все это подъ самую вершину небесъ. Прекрасно, прекрасно все, что было; но такъ ли оно прекрасно, какъ теперь? Мнѣ кажется, теперь... но по крайней мѣрѣ если бы мнѣ предложили, что бы я предпочелъ видѣть предъ собою — древній Римъ въ грозномъ и блестящемъ величіи, или Римъ нынѣшній въ его теперешнихъ развалинахъ, — я предпочелъ бы Римъ нынѣшній. Нѣтъ, онъ никогда не былъ такъ прекрасенъ. Онъ прекрасенъ уже тѣмъ, что ему 2588-ї годъ, что на одной половинѣ его дышеть вѣкъ языческій, на другой — христіанскій, и тотъ и другой — огромнѣйшія двѣ мысли въ мірѣ.

«Но вы знаете, почему онъ прекрасенъ. Гдѣ вы встрѣтите эту божественную, эту райскую пустыню посреди города? Какая весна! Боже, какая весна! Но вы знаете, что такое молодая, свѣжая весна среди дряхлыхъ развалинъ, зацвѣвшихъ плющемъ и ликими цветами. Какъ хороши теперь синіе клочки неба промежь деревъ, едва покрывшихся свѣжей, почти жолтой, зеленью, и даже темные какъ ворошье крыло кипарисы, и еще далѣе голубые, матовые какъ бирюза горы Фраскати и Албанскія и Тиволія. Что за воздухъ! Удивительная весна! Гляжу — не пагляжуся. Розы усыпали теперь весь Римъ; но обонянію моему еще сладче отъ цветовъ, которые теперь зацвѣли и которыхъ имѧ я, право, въ эту минуту позабылъ. Ихъ нѣтъ у насъ. Вѣрите ли, что часто приходитъ неистовое желаніе превратиться въ одинъ носъ, чтобы не было ничего больше — ни глазъ, ни рукъ, ни ногъ, кроме одного только большущаго носа, у котораго бы ноздри

были въ добрыя ведра, чтобы можно было втянуть въ себя какъ можно побольше благовонія и весны.

« Но я чутъ было не позабылъ, что пора уже мнѣ отвѣтить на сдѣланные вами вопросы и порученія. Первый — поклониться первому аббату, котораго я встрѣчу на улицѣ — я исполнилъ, и вообразите, какая исторія! Вамъ нужно ее разсказать. Выходу я изъ дому (*Strada felice*, № 126), иду я дорогою къ *Monte pincio* и у церкви *Trinita* готовъ спуститься лѣстницею внизъ; внизу — подымается на лѣстницу аббатъ. Я, припомнивъ ваше порученіе, снялъ шляпу и сдѣлалъ ему очень вѣжливый поклонъ. Аббатъ, какъ казалось, былъ тронутъ мою вѣжливостью и поклонился еще вѣжливѣе. Его черты мнѣ показались пріятными и исполненными чего-то благороднаго, такъ что я невольно остановился и посмотрѣлъ на него. Смотрю — аббатъ подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ меня очень учтиво, не имѣеть ли онъ чести меня знать, и что онъ имѣеть несчастную память позабывать. Тутъ я не утерпѣлъ, чтобы не засмѣяться, и рассказалъ ему, что одна особа, проведшая лучшіе дни своей жизни въ Римѣ, такъ привержена къ нему въ мысляхъ, что просила меня поклониться всему тому, чтб болѣе всего говоритъ о Римѣ, и между прочимъ первому аббату, который мнѣ попадется, не разбирая, каковъ бы онъ ни былъ, лишьбы только былъ въ чудо-кахъ, очень хорошо натянутыхъ на ноги, и что я радъ, что этотъ поклонъ достался ему. Мы оба посмѣялись и сказали въ въ одно время, что наше знакомство началось такъ странно, что стбить его продолжать. Я спросилъ его имя, и — вообразите — онъ поэтъ, пишетъ очень велурные стихи, и мы теперь съ нимъ очень подружились. Итакъ, позвольте мнѣ поблагодарить васъ за это пріятное знакомство.

« Съ аббатомъ *Lanci* я не имѣлъ чести видѣться, а то бы, вѣрно, и ему отдалъ поклонъ.

« На вопросъ вашъ: «Здорова ли мейерова блузка пыльного цвета?» имѣю честь отвѣтствовать, что здорова. Я ее еще недавно видѣлъ вечеромъ на своемъ господинѣ, а господинъ былъ верхомъ на лошади, и такимъ образомъ пронеслись всѣ трое вихремъ по *Monte pincio*.

« Соломенная шляпа тоже, вѣроятно, здорова. На вопросъ же вашъ: «Боготворитъ ли онъ статуи?» имѣю честь доносить, что онъ, какъ кажется, предпочитаетъ имъ живыя творенія, — по-

крайней мѣрѣ онъ побольше попадается съ дамами въ шляпкахъ и лентахъ, нежели съ статуями, у которыхъ нѣть ни шляпокъ, ни лентъ, а одна запыленная драпировка, накинутая какъ ни попало. Впрочемъ, Мейеръ теперь въ модѣ, и княжна В*** Н***, которая подтрунивала надъ нимъ первая, говоритъ теперь, что Мейеръ совершенно не тотъ, какъ узнать его покороче, что въ немъ хорошаго очень много.

«Кустодъ Колизея тоже здоровъ, и англичанъ цѣлыми вязанками тащить на лѣстницу Колизея. Каждую ночь почти валико-минація.

«О свинкахъ вамъ ничего не могу сказать, потому что до сихъ поръ еще не видалъ ни одной. Кажется, всѣ римскія деревни рѣшились просвѣтить ихъ и отправили страшныя толпы. Народъ очень умный, но лежать совершенно безъ всякаго дѣла, и сомнѣваюсь, чтобы они могли чтонибудь разсказать, пріѣдя домой, о римскихъ памятникахъ, а тѣмъ болѣе о живописи.

«Вы спрашиваете еще, правда ли, что К*** Ѳдетъ въ Петербургъ. Это очень можетъ случиться, и нѣть ничего удивительнѣе, страннѣе, еслибы онъ остался въ Италии. Для этого нужно имѣть душу художника. К*** можетъ нарисовать хорошо портретъ К***, но до художника ему далеко, какъ до небесной звѣзды.

«У англійскихъ скульпторовъ побываю непремѣнно, и очень вамъ благодаренъ за это порученіе: безъ васъ бы мнѣ не пришло въ голову.

«Трагедію Николини: «Антоніо Фоскарини», купилъ и завтра принимаюсь читать.

«Что касается до Madamigella Conti, о которой вы интересуетесь, то она теперь не ходитъ въ церковь Петра, ибо Madama Conti, узнавъ, что она много глядитъ на форестьеровъ, схватила ее въ охабку и увезла въ деревню Сабины, въ 18 или около миллиахъ отъ Рима.

«Вотъ вамъ и все. Кажется, ничего не пропустилъ. Жаль мнѣ, и я золь до нельзя на головную боль, которая продолжаетъ васъ мучить. Нѣть, вамъ нужно подальше изъ Петербурга. Здѣсь климатъ живеть заодно съ этой болѣзнью. Пишите ко мнѣ обо всемъ, что у васъ ни есть на душѣ и мысляхъ. Помните, что я вашъ старый другъ, и что я молюсь за васъ здѣсь, гдѣ молитва на своеемъ мѣстѣ, то есть въ храмѣ. Будьте здоровы. О здоровье

только вашемъ молюсь я ; что же до души вашей и сердца, я не молюсь о нихъ : я знаю, что они не перемѣнятся и останутся вѣчно такими же прекрасными.

«Очень жалѣю, что я не получилъ вашихъ писемъ, писанныхъ вами въ Веве. Получили ли вы два письма мои: одно къ вашей маменькѣ, другое къ вамъ, которое я писалъ черезъ К***? Кланяйтесь всѣмъ.»

Это письмо писано было къ той же особѣ, чѣмъ и приведенное выше, изъ Веве, отъ 12 октября. Я имѣю шесть писемъ Гоголя къ ней, и все они дышатъ особенною весеннюю теплотою поэтической души его. Справедливо замѣтилъ г. С. А—въ въ своей статьѣ : «Нѣсколько словъ о Біографії Гоголя (*), что Гоголь «ѣсть разными людьми казался разнымъ человѣкомъ», и что «онъ соприкасался съ ними тѣми нравственными сторонами, съ которыми симпатизировали тѣ люди». Въ перепискѣ съ своей ученицей онъ подбираетъ только самыя тонкія и чувствительныя струны своей души и съигрываетъ съ нею въ удивительный ладъ. Не зная, кто была его корреспондентка, каждый составить себѣ ясное понятіе о высокихъ свойствахъ души ея. Гоголю нужны были искреннія бесѣды съ такими свѣжими натурами. Онъ принималъ живѣйшее участіе въ ихъ внутренней и вѣшней жизни, и домогался отъ нихъ полной откровенности. Бесѣды съ ними давали живительную пищу его сердцу и открывали его уму новый міръ, замкнутый для его наблюдательности въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Вотъ почему онъ тратилъ столько времени на длинныя письма къ нимъ, въ которыхъ старался и смѣшить, и тронуть ихъ, и вознести ихъ мысли къ возвышенному и прекрасному. Въ то же время онъ увлекался понятнымъ каждому чувствомъ, которое я назову молодостью сердца, и которое заставляетъ насъ симпатизировать движеніямъ каждой прекрасной и юной души, прислушиваться къ ея трепету и вливать въ себя ея благоуханіе. Чувство это долговѣчнѣе всѣхъ въ нашемъ сердцѣ ; но ни въ комъ оно не сохраняется въ такой свѣжести до конца жизни, какъ въ истинныхъ поэтахъ, такъ что поэзія и сердечная молодость могутъ взаимно быть признаками одна другой въ каждой высокой личности, и одна безъ другой никогда не существуютъ. Отсюда можно вывести объясне-

(*) «Московскія Вѣдомости» 1853 года, № 36.

шіе, почему Гоголь, въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, когда, говоря словами упомянутаго выше автора, «его христіанство становилось все чище и строже, высокое значение цѣли писателя яснѣе и судь надъ собою суровѣе», — почему Гоголь не измѣнился никакъ въ своихъ отношеніяхъ къ нѣсколькимъ избраннымъ своего сердца и жаждалъ ихъ бесѣды и откровенности такъ же сильно, какъ и

«Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ.»

Симпатія къ тому, что молодо, что свѣжо, что не тронуто нравственнюю порчею и обѣщаетъ въ будущемъ роскошные цветы и плоды, сохранилась въ немъ до конца жизни. Въ то время, когда многие привыкли называть его молчаливымъ, угрюмымъ и даже гордымъ, онъ былъ любимъ въ нѣсколькихъ дѣтскихъ кружкахъ, онъ владѣлъ искреннею привязанностью другого рода дѣтей, простосердечныхъ поселянъ, у себя на родинѣ, и пользовался самою нѣжною дружбою нѣсколькихъ весьма достойныхъ матерей семействъ и христіански-образованныхъ дѣвицъ. Даже на смертномъ одрѣ своемъ, когда весь міръ сдѣлался для него «закрытъ въ нѣмъ», когда онъ видѣлъ въ своемъ воображеніи только Бога и передъ нимъ свою душу, — даже и тогда представление святости дѣства, этого дивнаго возраста, передъ которыми открыто такое обширное поприще *возможности* совершенства, не оставило ума его, и онъ написалъ дрожащею рукою на лоскуткѣ бумаги:

«Аще не будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное.»

Но зачѣмъ вспоминать о смерти, раскрывая передъ читателемъ самую цветущую пору жизни поэта? Забудемъ на время, что его уже нѣть на свѣтѣ, и дадимъ его слову увлечь наше воображеніе въ его Италію и въ его звучащей гармоніе внутренній міръ. Въ слѣдующихъ двухъ письмахъ изъ Рима онъ явится живой передъ нами, съ своей мечтательностью, съ своей обычной легкой грустью, этимъ волшебнымъ покровомъ, возвышающимъ для насъ прелесть ума его, и съ своей вѣчной улыбкой, бросающей мягкий отсвѣтъ на самыя суровыя его истины, явится фантастическимъ и благоговѣйнымъ, суевѣйскимъ и торжественнымъ, кроткимъ въ душѣ и безпощаднымъ въ своей насмѣшкѣ.

•Римъ, 7 ноября 1838.

«Ваше письмо, Марья Петровна, получено мною очень исправно чрезъ Mr Шаве. Я вамъ за него очень много благодаренъ. Вы мнѣ живо напоминаете все — и вашъ Петербургъ и мой Римъ, то есть мои первыя впечатлѣнія и ваши первыя впечатлѣнія. Помните, во время первыхъ дней нашихъ въ Римѣ, когда съ Нибиемъ въ рукахъ, и проч. и проч... То время уже далеко, уже другія впечатлѣнія объемлютъ мою душу, уже весьма часто прохожу я мимо тѣхъ памятниковъ и сѣдыхъ, дряхлыхъ чудесъ, передъ которыми зѣвалъ по нѣсколько безмолвныхъ часовъ. Уже не съ готовымъ удивленіемъ новичка и чужестранца ищу ихъ.... Но до сихъ поръ какъ прекрасное сновидѣніе посещаетъ меня иногда воспоминаніе обо всемъ этомъ, и я тогда жажду повторить этотъ сонъ: спѣшу увидѣть вновь, что видѣлъ прежде, и на минуту становлюсь опять новичкомъ. Опять мои чувства живы. Вы разбудили ихъ вашимъ письмомъ, вы ихъ приятно разбудили. Я люблю очень читать ваши письма. Хотя въ нихъ падежи бывають больше либералы и иногда не слушаются вашей законной власти, но ваша мысль всегда ясна и иногда такъ выражена счастливо, что я завидую вамъ. Уже два мѣста, два цѣлыхъ періода я украдъ изъ нихъ, — какіе именно, я вамъ не скажу, потому что намѣренъ совершенно завладѣть ими.... Потому еще я люблю ваши письма, что въ нихъ мало того, чтò бываетъ обыкновѣнно въ петербургскихъ письмахъ.

«Но обратимся къ первому пункту вашего письма. Вы мнѣ показались теперь очень привязанными къ Германію. Конечно, не спорю, иногда находятъ минуты, когда хотѣлось бы изъ среды табачного дыма и нѣмецкой кухни улетѣть на луну, сидя на фантастическомъ плащѣ нѣмецкаго студента, какъ кажется, выразились вы. Но я сомнѣваюсь, та ли теперь эта Германія, какою ее мы представляемъ себѣ. Не кажется ли она намъ та-кою только въ сказкахъ Гофмана? Я, по крайней мѣрѣ, въ ней ничего не видѣлъ, кромѣ скучныхъ табльотовъ и вѣчныхъ, на одно и то же лицо состряпанныхъ кельнеровъ и бесконечныхъ толковъ о томъ, изъ какихъ блюдъ былъ обѣдъ и въ которомъ городѣ лучше ёдятъ; и та мысль, которую я носилъ въ умѣ объ этой чудной и фантастической Германіи, исчезла, когда я увидѣлъ Германію въ самомъ дѣлѣ, такъ, какъ исчезаетъ прелестный голубой колоритъ дали, когда мы приближимся къ ней

близко. Я знаю, есть эта земля, гдѣ все чудно и не такъ, какъ здѣсь; но къ этой землѣ не всякие знаютъ дорогу. Вы, кажется, теперь стараетесь отыскивать эту дорогу. Ахъ, Марья Петровна, что это вы дѣлаете? Я не узнаю васъ. Не вы ли еще такъ недавно прослѣдовали все то, что иногда неугомонно бродитъ въ нашемъ воображеніи и увлекаетъ его далеко, далеко? Не вы ли готовились доказать — и доказать формально, на бумагѣ, ясно — что первое занятіе человѣка на землѣ есть свинки? (*) Или эти свинки не такъ толсты, огромны и жирны въ Петербургѣ, какъ вы думали? Но, мнѣ кажется, этихъ животныхъ въ Петербургѣ (увы!) достаточно. Тамъ же есть и чухонцы, которые особенно славятся смотрѣніемъ за ними. Но я чувствую, я знаю, это сильная и вѣрная истина. Трудно, трудно удержать средину, трудно изгнать воображеніе и любимую прекрасную мечту, когда они существуютъ въ головѣ нашей, — трудно вдругъ и совершенно обратиться къ настоящей прозѣ; но труднѣе всего согласить эти два разнородные предмета вмѣстѣ — жить вдругъ и въ томъ и въ другомъ мірѣ. Знаете ли? сказать ли вамъ откровенно? я вашъ старый другъ, я обѣ васъ забочусь; мысли мои поминутно ворочаются около васъ; вы мнѣ дороги по всему; наша дружба очень, очень древняя. Мнѣ стало очень грустно, когда я читалъ письмо ваше. Я мыслилъ: будетъ ли счастлива моя пріятельница Марья Петровна? И когда я представилъ себѣ этотъ холодный, прозаический, мелкій чувствами и характерами міръ, который окружаетъ Марью Петровну, — облако сомнѣнія отуманило мнѣ очи. Клянусь, мнѣ было грустно; но я вспомнилъ, что у Марии Петровны есть черты римского характера, есть что-то твердое и сильное, есть какая-то воля и рѣшительность на великия вещи, и во мнѣ вдругъ поселилась увѣренность насчетъ васъ; я сталъ покойнѣе. Я радъ очень, что Петербургъ для васъ становится сносенъ; по крайней мѣрѣ вы находите теперь развлеченія, которыя васъ занимаютъ. Ваше описание желѣзной дороги и поѣздки по ней очень живо; стало быть вамъ очень весело,

(*) Намекъ на материальную жизнь, которой лучшими представителями Гоголь почиталъ животныхъ, названныхъ въ этомъ письмѣ. Во времена прогулокъ по Риму, онъ любилъ наблюдать за свинками среди античныхъ улицъ, говорящихъ о высокихъ идеалахъ искусства, и смеяться надъ попираниемъ прекраснаго. Это чувство, забавляя умъ, мучило его душу; но онъ любилъ предаваться ему. Н. М.

стало быть вы были довольны, и, признаюсь, сказать вамъ нужно втайнѣ и по секрету, я крѣпко завидовалъ вамъ. Все-таки сердце у меня русское. Хотя при видѣ, то есть при мысли о Петербургѣ, морозъ проходитъ по моей кожѣ и кожа моя прошкакается насеквъ страшною сыростью и туманною атмосфераю, по хотѣлось бы мнѣ сильно прокатиться по желѣзной дорогѣ и услышать это смѣшеніе словъ и рѣчей нашего вавилонскаго пародо-населенія въ вагонахъ. Здѣсь много можно узнать того, чего не знаешь обыкновеннымъ порядкомъ. Здѣсь бы, можетъ быть, я бы разсердился вновь — и очень сильно — на мою любезную Россію, къ которой гнѣвное расположеніе мое начинаетъ уже ослабѣвать, а безъ гнѣва — вы знаете — немного можно сказать: только разсердившись говорится правда. Когда я былъ въ школѣ и былъ юношей, я былъ очень самолюбивъ; мнѣ хотѣлось смертельно знать, что обо мнѣ говорятъ и думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что мнѣ говорили, было не то, что обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести скору съ монимъ товарищемъ, и тотъ, натурально, въ сердцахъ высказывалъ мнѣ все то, что во мнѣ было дурного. Мнѣ этого было только и пужено; я уже бывалъ совершенно доволенъ, узнавъ все о себѣ. Но въ сторону все прочее; поговоримъ о нашемъ любезномъ Римѣ. Вы его не позабыли; вы интересуетесь о немъ до сихъ поръ. Вы читаете теперь исторію Мишле: это страшный вздоръ; это совершенно то, чтоб у насъ Полевой. Но, къ счастью, вы не читали Полевого. Мишле какъ попугай повторяетъ Нибура; обокраль оттуда и оттуда, у того и другого, умничаетъ не кстати, разсуждаетъ Богъ знать какъ, и модный педантъ, какъ все французы. Вы спрашивавшись пасчетъ новооткрытыхъ мозаикъ въ катакомбахъ, чудесныхъ, какъ говорятъ газеты; однакожъ, вовсе неѣтъ. Отъискали мозаикъ и очень много, но все очень повреждены; даже не знаютъ до сихъ поръ, къ какому времени относiti. Антикваріи раздѣлились на двѣ партии: одни относятъ къ временамъ христіанства, другіе — къ язычеству. Но пайдена у Porta maggiore гробница булочника, которую (какъ объявляеть самъ булочникъ въ надписи, имъ же сдѣланной) онъ воздвигъ себѣ и своей женѣ. Монументъ очень великъ (булочникъ былъ очень тщеславенъ). На немъ барельефъ; на барельефѣ изображено печение хлѣба, гдѣ супруга его мѣситъ тѣсто. Прошлый годъ.... по, можетъ быть, вы слышали объ этомъ?... нашелъ одинъ спе-

куляторъ, который взялся рыть, съ тѣмъ, чтобы найденными вещами дѣлиться пополамъ съ правительствомъ, а остальныя ему продавать. Опѣ вырылъ нѣсколько гробницъ, множество золотыхъ и бронзовыхъ вещей; въ числѣ ихъ статуи четыре, скульптуры первого и лучшаго вкуса. Опи раздѣлились. Нашедшій взялъ на свою долю мало, но самыхъ отличныхъ. Правительство взяло много, но достоинствомъ хуже. Остальное правительство оцѣнило и готовилось заплатить 5000 скуди; но когда пришло дѣло до платежа, сколько ни рылось оно по своимъ старымъ карманамъ, ничего не могло найти, кроме пѣсколькихъ медзопаоловъ, говорятъ, очень истертыхъ, и нашедшій продалъ почти все въ Англію, а лучшую изъ статуй купилъ король баварскій за нѣсколько сотъ тысячъ и перевезъ въ Мюнхенъ.

«Но довольно о старинѣ. Въ Римѣ завелось очень много новостей. Здѣсь происходять совершенные романы, и совершенно во вкусѣ среднихъ вѣковъ Италіи. Первый романъ... по героямъ его вамъ извѣстны. Это ваши пріятельницы, дѣвицы Конти, которые, какъ вамъ извѣстно, очень плотны и толсты, и потому не любятъ ходить *alla moda*, и которые всегда жаловались на самовластие своей матушки, не пускавшей ихъ всякий день въ церковь Св. Петра, когда очень много форесгьеровъ. Эти дѣвицы Конти влюбились страшнымъ образомъ въ двухъ жандармовъ; но такъ какъ, по причинѣ того же самаго самовластия правленія своей матушки, они не могли видѣть часто своихъ любовниковъ, то (средство, какъ вы увидите, очень оригинальное) они рѣшились задавать матушкѣ каждый день въ извѣстное время. добрый пріемъ опіума и въ продолженіе того времени, какъ матушка спала, впускали къ себѣ своихъ жандармовъ. Однѣ разъ, когда матушка еще не успѣла совершенно вздрогнуть, одна изъ этихъ героинь — которая именно, не помню — сграждая нетерпѣніемъ видѣть своего жандарма, полѣзла къ пей подъ подушку доставать ключи. Мать проснулась и съ этихъ поръ усилила присмотръ, а дочки рѣшились усилить пріемъ опіума. Старуха никакъ не могла понять, отчего у пей кружится голова. Пріемы опіума, видно, были довольно велики. Она уже давпо подозрѣвала, что дочери что-то съ ней дѣлаютъ, и рѣшилась одинъ разъ прикинуться спящею. Дочери вели прескокойно въ своей комнатѣ бесѣду съ своими любовниками, какъ вдругъ стучать въ дверь, и голосъ матери приказываетъ имъ отворить.

Дочери спрятали ихъ какъ могли; но, по разстроенному и испуганному ихъ виду, мать догадалась, что въ комнатѣ что нибудь есть, начала искать, искать, и вытащила изъ шкафа обоихъ жандармовъ. Выгнавъ жандармовъ, мать заперла дочерей. Но дочери скоро нашли случай уйти и убѣжали въ монастырь. Оттуда онѣ написали письмо къ одному монсеньору, ихъ опекуну, жалуясь на деспотизмъ своей матери и требуя, чтобы ихъ выдали замужъ за жандармовъ. Монсеньоръ изъявилъ свое разрѣшеніе, и теперь обѣ Конти—супруги,—живутъ и пытаются рѣшительно одною любовью, потому что у жандармовъ нѣтъ ни копейки, а мать съ своей стороны не хочетъ дать ни меццобайока.

«Другой романъ. Одинъ изъ фамилій Доріевъ влюбился до безумія въ одну дѣвушку сироту, хорошей, впрочемъ, фамиліи, а главное — прекрасную собою. Все дѣло было между ними узовано, и черезъ недѣлю свадьба, какъ вдругъ Дорія получаетъ иззвѣстія, заставляющія егоѣхать въ Геную. Онъ просить свою невѣstu перѣѣхать на время въ монастырь, потому что онъ не желалъ бы ее видѣть до тѣхъ поръ въ свѣтѣ. Уѣзжаетъ въ Геную, — оттуда пишетъ письмо довольно страстное; жалуется на обстоятельства, которыя заставляютъ его пробыть немногого дольше; описываетъ ей великолѣпіе своего генуэзскаго дворца и пріуготовленія, которыя онъ дѣлаетъ къ принятію ея. Изъ Генуи Дорія поѣхалъ въ Парижъ и оттуда написалъ письмо, менѣе страстное, а наконецъ увѣдомилъ ее, что свадьба не можетъ между ними состояться, что она должна позабыть его, что дядя его не соглашается на этотъ союзъ. Бѣдная невѣста не сказала ни слова на это, никакихъ укоризнъ, но черезъ пять дней умерла. Тѣло ея было выставлено въ одной изъ римскихъ церквей. Она и мертвая была прекрасна.

«Третій романъ тоже съ Доріемъ, другимъ. Но не хочу болѣе сплетничать. Вы знаете о немъ, безъ сомнѣнія, изъ газетъ, потому что онъ былъ публикованъ. Въ Римѣ шумно, болѣе, вѣжли сколько бы желалось. Форестьеровъ гибель. Русскихъ, англішь, французовъ — хоть метлой мети. Это скучно. Вы знаете сами, что это скучно. Римъ мнѣ кажется теперь похожимъ на домъ, въ которомъ мы провели когда-то лучшее время нашей жизни и въ который теперь прѣѣзжаемъ, и находимъ, что домъ проданъ; изъ оконъ выглядываютъ какія-то глупыя лица хозяевъ.... словомъ, грустно. Пишите ко мнѣ, не забывайте ва-

шего обѣщанія. Пишите ко мнѣ не тогда, когда вамъ будетъ весело, но тогда, когда вамъ сдѣлается скучно, или, лучше, когда душа ваша пожелаетъ съ кѣмъ нибудь раздѣлиться, когда вы почувствуете потребность передать именно кому нибудь мысли. Будь онѣ самые сокровенные, пишите ихъ смѣло: я ихъ сохранию, какъ секретъ. Еще одна просьба къ вамъ, и я васъ прошу, чтобы вы попросили отъ меня вашу маменьку: будьте такъ добры, навѣстите когда нибудь моихъ сестеръ въ Патріотическомъ Институтѣ. Вы этимъ сдѣлаете имъ большое благо-дѣяніе. Можетъ быть, онѣ украдутъ что нибудь изъ вашихъ прекрасныхъ качествъ; а то можетъ доставить имъ много радости въ жизни. Мнѣ часто становится грустно при мысли, что у нихъ никого нѣтъ изъ родныхъ близко. Если жь вамъ не будетъ времени и вы будете заняты, то отправьте имъ это письмо, которое я при семъ прилагаю.»

Май 30. 1839. Римъ.

«Я получилъ ваше письмо и, распечатавъ, долго не вѣрилъ, выше ли это письмо, вы ли пишете ко мнѣ. Какъ вы перемѣнились! Уже годъ, какъ я не получалъ отъ васъ писемъ, и вы въ этотъ одинъ годъ такъ выросли и образовались чувствами, мыслями и душой. Какая зрѣлость и быстрый ходъ! Даже почеркъ письма вашего измѣнился; даже русскій языкъ и падежи васъ слышатся. Я вижу теперь, это справедливо, что девушка на 18-мъ году въ одинъ годъ проходитъ тотъ курсъ, который нашему брату едвадается въ нѣсколько лѣтъ. Вы писали ваше письмо, какъ сами говорите, подъ вліяніемъ записокъ Александрова, или Дуровой, которыхъ вы въ то время читали. Ваши сужденія объ этой книжѣ оригиналны и вмѣстѣ тонки и вѣрны. Ваши мысли тѣ же, какія я зналъ въ васъ и встрѣчалъ прежде. То же въ нихъ своеобразное выраженіе вашего характера, и я бы угадалъ ихъ, зная хорошо васъ, еще прежде, чѣмъ вы бы ихъ сказали. Но онѣ получили здѣсь такую зрѣлую оболочку, такую точность, такъ выразились ясно, отчетливо, что я вижу: это и вы и не вы вмѣстѣ. Если бы ваше письмо пришло нѣсколькими мѣсяцами раньше, я бы съ готовностю и живою, много-рѣчиюю охотою пустился бы соглашаться съ вами и поперечить вамъ, и судить, и спорить обо всѣхъ тѣхъ предметахъ, о которыхъ вы пишете; по чувствую, что теперь буду и тупъ, и

вялъ, и глупъ. Мысли не лѣзутъ вовсе изъ моей головы; другія, совершенно непривычныя, являются на мѣсто призываемыхъ. Увы! я пишу къ вамъ тоже подъ вліяніемъ книги, которую теперь читаю, по другой и какъ противоположной вашей! Печальны и грустно-красорѣчивы ея страницы. Я провожу теперь безсонные ночи у одра больного, умирающаго моего друга Іосифа Вельгорскаго. Вы, безъ сомнѣнія, о немъ слышали, можетъ быть, даже видѣли его иногда; но вы, безъ сомнѣнія, не знали ни прекрасной души его, ни прекрасныхъ чувствъ его, ни его сильного, слишкомъ твердаго для молодыхъ лѣтъ характера, ни необыкновеннаго, основательнаго ума его. И все это — добыча неумолимой смерти. И не спасутъ его ни молодыя лѣта, ни права на жизнь, безъ сомнѣнія, прекрасную и полезную. Я живу теперь его умирающими днями, ловлю минуты его. Его улыбка или на мгновеніе развеселившаяся видъ уже для меня эпоха, уже происшествіе въ моемъ однобразно проходящемъ днѣ. Итакъ, не вините меня, если я глупъ и не умею къ вамъ написать письмо такъ же умно, какъ вы написали ко мнѣ. Бѣдный мой Іосифъ олипъ единственно прекрасный и возвышенno благородный изъ вашихъ петербургскихъ молодыхъ людей, и тотъ.... Клянусь, непостижимо страшна судьба всего хорошаго на землѣ! Едва только оно успѣхъ показаться — и тотъ же часъ смерть, безжалостная, неумолимая смерть! Я ни во что теперь не вѣрю, и если встрѣчу что прекрасное, тотчасъ же жмурую глаза и стараюсь не глядѣть на него. Отъ него несеть мнѣ запахомъ могилы. «Оно на краткій мигъ», шепчетъ глухо внятный мнѣ голосъ. «Оно дается для того, чтобы крушилась по немъ душа.» Кстати о прекрасномъ. Когда я думалъ объ васъ (я объ васъ часто думалъ и особенно о вашей будущей судьбѣ), я думалъ, кому-то вы достанетесь. Постигнетъ ли онъ васъ и доставить ли вамъ счастіе, котораго вы такъ достойны. Я перебиралъ всѣхъ молодыхъ людей нашихъ петербургскихъ. Тотъ просто глупъ; другой поймалъ какъ-то несчастную крупицу ума, и зато уже хочетъ выказать ее всему свѣту, и выказать за цѣлый мѣшокъ ума; тотъ ни глупъ, ни умень, но бездушенъ, какъ и самъ Петербургъ. Одинъ былъ человѣкъ, на которомъ я остановилъ взглядъ, и этотъ человѣкъ готовится не существовать болѣе въ мірѣ.

«Вы извишите , что я пустился быть вашей свахой , что называется иначе : кума . Мое мысленное сватовство , какъ вы видите , неудачно.... Я вамъ все говорю ; я не хитрю съ вами , не таю отъ васъ моихъ мыслей . Дѣлайте и вы такъ со мною . Зачѣмъ вы ни слова не написали мнѣ о вашемъ здоровьѣ , о его подробнѣомъ то есть состояніи ? я бы вамъ далъ совѣтъ очень не хуже докторскаго . Знайте же : ваша болѣзнь излечима совер- шенно , и со мною согласны всѣ тѣ , которымъ я даваль идею о вашей болѣзни . Вы должны лечиться холодною водою въ Гре- фенбергѣ . Слышали ли вы о чудесахъ , производимыхъ тамъ ме- дикомъ , воспитаннымъ одною натурою , безъ помощы медицин- скихъ академій и проч. и проч.? Я одинъ изъ числа самыхъ не- вѣрующихъ , какъ вы сами знаете , и всегда сомнительно качалъ головою , когда слышалъ , какъ вы внимали вадорамъ Фишера или глотали ваши гомеопатические порошки и аллопатическія га- дости въ видѣ микстуръ . Но , клянусь , я самъ своими глазами видѣлъ такія чудеса . Нѣтъ , я умоляю вашу мамашку всѣми си- лами небесными испытать это средство . Холодной водой ле- чатъ всѣ болѣзни , кроме грудныхъ , но болѣе всего лечатъ бо- лѣзни вашего рода . — — — Если ваша болѣзнь даже просто только головной ревматизмъ , то ревматизмы цѣлятся удивитель- но . Словомъ , послушайте слова истины и побѣжжайте .

«Кстати о здоровьѣ и болѣзняхъ , если о нихъ уже мы заго- ворили . Говорятъ , для больного нѣть большаго наслажденія , какъ встрѣтиться тоже съ больнымъ и наговориться съ нимъ досыта о своихъ болѣзняхъ . Они говорятъ объ этомъ съ такимъ наслажденіемъ , съ какимъ говорятъ только обжоры о съѣден- ныхъ ими блюдахъ . Итакъ , вслѣдствіе этого , скажу вамъ о сво- емъ тоже здоровьѣ . Здоровье мое non vale un fico (*) , какъ гово- рятъ итальянцы , — хуже нынѣшней русской литературы , о ко- торой вы мнѣ доставили въ вашемъ письмѣ извѣстія . Лѣтомъ ѻду въ Маріенбадъ на одинъ мѣсяцъ . Вы не повѣрите , какъ грустно оставить на одинъ мѣсяцъ Римъ и мои ясныя , мои чи- стыя небеса , мою красавицу , мою ненаглядную землю . Опять я увижу эту Германію , гадкую , запачканную и закопченную та- бачищемъ.... Но я позабыла , что вы ее такъ любите , и чуть было не сказалъ еще иѣсколько приличныхъ ей эпитетовъ .

(*) Т. е. не стоять фиги.

Впрочемъ, совершенно не понимаю вашей страсти. Или, можетъ быть, для этого нужно жить въ Петербургѣ, чтобы почувствовать, что Германія хороша. И какъ вамъ не совѣстно! Вы, которые такъ восхищались въ вашемъ письмѣ Шекспиромъ, этимъ глубокимъ, яснымъ, отражающимъ въ себѣ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, весь огромный міръ и все, что составляетъ человѣка, и вы, читая его, можете въ то же время думать о нѣмецкой дымной путаницѣ. И можете ли сказать, что всякий нѣмецъ есть Шиллеръ? Я согласенъ, что онъ Шиллеръ, только тотъ Шиллеръ, о которомъ вы можете узнать, если будете когда нибудь имѣть терпѣніе прочесть мою повѣсть: «Невскій Проспектъ». По мнѣ, Германія есть не чтѣ иное, какъ самая неблаговонная отрыжка гадчайшаго табаку и мерзѣйшаго пива. Извините маленьку неопрятность этого выраженія. Чтожь дѣлать, если предметъ самъ неопрятенъ, несмотря на то, что нѣмцы издавна славятся опрятностью? Но вы, я думаю, на меня сердитесь за это ужаснымъ образомъ и, можетъ быть, даже имѣете маленькое желаніе поджарить меня за это на медленномъ огнѣ. Но полно! больше не буду васъ сердить.

«Вы меня очень заинтересовали новымъ романомъ, который вы читали, и который вамъ понравился. Я вѣрю, что онъ долженъ быть очень хороши, ибо всѣ ваши сужденія въ этомъ вашемъ послѣднемъ письмѣ такъ основательны, что я никакъ не смѣю имъ не вѣрить (отсюда исключается словъ нѣсколько о нѣмцахъ). Я говорю о романѣ Миклашевичевой (*), о которомъ вы пишете. Онъ точно рѣдкость у насъ на Руси. Порядочный романъ.... что-то очень.... (**) У меня на языкѣ вертѣлось вставить здѣсь одно слово, которое чрезвычайно просилось на языкѣ, но лучше повоздержаться. Не все то можно, что хочется, особенно въ письмѣ; ибо есть много такихъ почтенныхъ людей, которые чрезвычайно любятъ (можетъ быть, даже изъ любви къ просвѣщенію) читать чужія письма и доставлять такимъ образомъ невинное утѣшеніе добродушной душѣ своей, а иногда выволить даже изъ этого невинныхъ сплетни. Въ вашемъ письмѣ, между прочимъ, еще теплятся слѣды восторга, чувствованного вами при представлѣніи «Гамлете». Вы ищете полны. Впечатлѣнія ваши живы и сильны. Такъ они и должны быть. Вы его смот-

(*) Онъ не былъ напечатанъ.

(**) Здѣсь слова два вырвано облаткою.

Н. М.

рѣли въ первый разъ, и актеръ, исполнявшій роль его, долженъ былъ вамъ нравиться безусловно, совершенно. Таковъ законъ, которому подвергается живая, исполненная чувства душа. Потомъ вы будете тоже восхищаться, но будете болѣе находить большихъ промаховъ въ актерѣ. Карагыгинъ есть одинъ изъ тѣхъ актеровъ, который вдругъ и съ первого раза влечетъ къ себѣ, схватываетъ васъ въ охапку насильно и уносить съ собой, такъ что вы не имѣете даже времени очнуться и притти въ себя. Эти роли совершенно въ его родѣ. Но большая часть ролей, созданныхъ Шекспиромъ, и въ томъ числѣ Гамлетъ, требуютъ тѣхъ добродѣтелей, которыхъ недостаетъ въ Карагыгинѣ. Вы можете это увидать только послѣ, по долгому соображенію и долгому изученію характеровъ, созданныхъ Шекспиромъ, и потому я не хочу говорить вамъ объ этомъ. Лучше, если вы дойдете къ этому сами.

«Вы спрашиваете меня о новостяхъ: что происходитъ нового среди вѣчныхъ древностей? Все прекрасно, чудесно. Больше ничего не могу сказать. Цвѣтутъ розы, темнѣютъ кипарисы, ослаѣтельно сіяеть синій небесный сводъ, убраны по праздничному всѣ развалины и вашъ другъ Колизей. Но вы все это знаете и безъ моихъ словъ. Картина Бруни, о которой вы интересуетесь знать, кажется, стоитъ на томъ же, на чемъ стояла. Вѣкъ художника, кажется, оканчивается, когда онъ оставляетъ разъ Италію, и, дохнувъ холоднымъ дыханіемъ сѣвера, онъ, какъ цвѣтокъ юга, никнетъ головою. Бруни какъ будто бы прихватило петербургскимъ морозомъ; по крайней мѣрѣ кисть его скользитъ лѣниво, а не работаетъ. Объ аббатѣ Ланси не имѣю никакого сѣдѣнія.

«Вы пишете и спрашиваете, когда я буду. Это задача для меня самого, которую, признаюсь, я не принимался даже еще разрѣшать. Притомъ же вы подали совѣтъ моему двоюродному брату такой, который и мнѣ можетъ пригодиться. Прощайте. Будьте здоровы. Не оставьте совершенно безъ вниманія поданный мною вамъ совѣтъ насчетъ здоровья вашего: я имѣю хорошее предчувствіе, — и не сердитесь за глупость письма моего. Право, если бы вы знали положеніе души моей, — о, вы бы извинили меня! Прощайте. Напишите скорѣе вашъ отвѣтъ и адресуйте его въ Маріенбадъ, poste restante.»

Гоголь исполнилъ свое намѣреніе полечиться на водахъ и совершилъ по этому случаю путешествіе въ Венецию, откуда написалъ письмо къ актеру Щепкину о комедіи Джіовани Жиро: «Дядька въ затруднительномъ положеніи» (*l'Ajo nell' Imbagazzo*), переведенной имъ съ итальянскаго. Въ немъ Гоголь является художникомъ, страстно привязаннымъ къ своему искусству, какъ это читатель увидить самъ. Вотъ оно: (*)

«Ну, Михаиль Семеновичъ, любезнѣйшій моему сердцу! половина заклада выиграна. Комедія готова. Въ нѣсколько дней русскіе наши художники перевели. И какъ я поступилъ добро-совѣтно! Всю отъ начала до конца выправилъ, пересаралъ и переписалъ собственною рукою. — Въ афишѣ вы должны выставить два заглавія: русское и итальянское. Можете даже прибавить тотчасъ послѣ фамиліи автора: «перваго итальянскаго комика нашего времени». Первое дѣйствіе ея прилагаю при письмѣ вашемъ, второе будетъ въ письмѣ къ С. Т., а за третьимъ отправитесь къ П.; велите се тотчасъ переписать, какъ слѣдуетъ, съ надлежащими пробѣлами, и вы увидите, что она довольно толста. Да смотрите, до этого не потеряйте листковъ: другого экземпляра нѣтъ, черновой исчезъ. Комедія должна имѣть успѣхъ; по крайней мѣрѣ, въ итальянскихъ театрахъ и во Франціи она имѣла успѣхъ блестящій. Вы, какъ человѣкъ, имѣющій тонкое чутье, тотчасъ постигнете комическое положеніе вашей роли. Нечего вамъ и говорить, что ваша роль — самъ дядька, находящійся въ затруднительномъ положеніи. Роль ажитациіи сильной. Человѣкъ, который совершенно потерялъ голову! Тутъ сколько есть комическихъ и истинныхъ сторонъ. Я видѣлъ въ ней актера съ большимъ талантомъ, который между прочимъ далеко ниже васъ. Онъ былъ прекрасенъ, и такъ въ немъ все было натурально и истинно. Сышенъ былъ человѣкъ, не рожденный для интриги, а попавшій невольно въ оную, — и сколько натурально комического! Эgotъ гувернеръ, котораго я назвалъ дядькой, потому что первое кажется не совсѣмъ точно, да и не русское, долженъ быть одѣтъ весь въ черномъ, какъ одѣваются въ Италии донынѣ все эти люди: аббаты, ученые и проч., въ черномъ фракѣ не совсѣмъ по модѣ,

(*) Письмо это заимствовано мною изъ № 2 «Московскихъ Вѣдомостей» 1853 года. Точная дата его не означена. Подлинникъ принадлежитъ, вероятно, г. Щепкину.

а такъ, какъ у стариковъ, въ черныхъ панталонахъ до колѣнъ, въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, въ черномъ суконномъ жилетѣ, застегнутомъ плотно снизу до верху, и въ чёрной пуховой шляпѣ, трехъ-угольной, — не той, что носятъ у насть, а въ той, въ какой нарисованъ блудный сынъ, пасущій стада, то есть съ пригнутыми немного полями на три стороны. — Два молодые маркиза точно также должны быть одѣты въ черныхъ фракахъ, только помоднѣе, и шляпы, вмѣсто трехъ-угольныхъ, круглые, черные пуховые или шелковые, какъ носятъ мы вѣснѣ грѣшные люди; черные чулки, башмаки и панталоны короткіе. Вотъ все, что вамъ нужно замѣтить о костюмахъ. Прочія лица одѣты, какъ ходятъ весь свѣтъ.

« Но о самихъ роляхъ нужно кое-что : роль Джильды лучше всего, если вы дадите которойнибудь изъ вашихъ дочерей. Вы можете тогда болѣе дать ее почувствовать во всѣхъ ея тонкостяхъ. Если же кому другому, то, ради Бога, слишкомъ хорошей актрисѣ. Джильда умная, бойкая; она не притворяется; если же притворяется, то это притворное у ней становится уже истиннымъ. Она произносить свои монологи, которые, говорить, набрала изъ романовъ, съ одушевленіемъ истиннымъ, а когда въ самомъ дѣлѣ проснулось въ ней чувство матери, тутъ она не глядитъ ни на что и вся женщина. Ея движенія просты и развязны, а въ минуты одушевленія картины ; она становится какъ-то вдругъ выше обыкновенной женщины, что удивительно хорошо исполняютъ итальянки. Актриса, игравшая Джильду, которую я видѣлъ, была свѣжая, молодая, проста и очаровательна во всѣхъ своихъ движеніяхъ, забывалась и одушевлялась какъ природа. Француженка убила бы эту роль и никогда бы не выполнила. Для этой роли, кажется, какъ будто нужна воспитанная свѣжимъ воздухомъ деревни и степей.

« Играющему роль Чиппето никакъ не нужно сказывать, что Чиппето немного приглуловатъ: онъ тотчасъ будетъ выполнять съ претензіями. Онъ долженъ выполнить ее совершенно невинно, какъ роль молодого, довольно неопытного человѣка; а глупость явится сама собою, такъ, какъ у многихъ людей, которыхъ вовсе никто не называетъ глупыми.

« Больше, кажется, не нужно говорить ничего... Да! маркиза дайте комунибудь хорошему актеру. Эта роль энергическая:

т. XLV. Отд. Ц.

бѣшеный, взбалмошный старикъ, неслутишющій никакихъ разновѣй. Я думаю, коли нѣтъ другого, отдайте Мочалову; его же имя имѣть магическое дѣйствіе на московскую публику. Да не судите по первому впечатлѣнію и прочитайте нѣсколько разъ эту пьесу, — непремѣнно нѣсколько разъ. Вы увидите, что она очень мила и будетъ имѣть успѣхъ.»

Вѣроятно, къ этому же году относится слѣдующее письмо его, на которомъ не описанъ годъ. Оно было адресовано къ П. А. Плетневу.

«30 октября. Римъ.

«Здравствуйте, безцѣнныій Петръ Александровичъ! Напишите мнѣ хоть одну строчку. Я не имѣю никакихъ, совершенно никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Пишу къ вамъ потому, что я васъ видѣлъ третьяго-дня во снѣ въ такомъ необыкновенномъ и грустномъ положеніи, что испугался и не могу быть спокойнѣ до тѣхъ поръ, пока не услышу чего нибудь о васъ.

«Увѣдомьте меня также, какъ мое дѣло. Можно ли мнѣ подѣлаться на то мѣсто въ Римѣ, о которомъ я писалъ къ вамъ? Мнѣ нужно теперь знать это, и тѣмъ болѣе теперь. Я заболѣлъ жестоко, и, Боже, какъ заболѣлъ! Я самъ виноватъ. Я обрадовался моимъ проснувшимся силамъ, освѣженнымъ послѣ водъ и путешество(ія), и сталъ работать изо всѣхъ силъ, почуя просыпающееся вдохновеніе, которое давно уже спало во мнѣ. Я перешелъ черезъ край и за напряженіе не вовремя, когда мнѣ нужно было отдохновеніе, заплатилъ страшно. Не хочу вамъ говорить и рассказывать, какъ была опасна болѣзнь моя. Гемороидъ мнѣ бросился на грудь, и первическое разлраженіе, котораго я въ жизнь никогда не зналъ, произошло во мнѣ такое, что я не могъ ни лежать, ни сидѣть, ни стоять. Уже медики было ма-хнули рукой; но одно лекарство меня спасло неожиданно. Я велѣлъ себѣ положить ветурину въ дорожную коляску. Дорога спасла меня. Три дни, которые я провелъ въ дорогѣ, меня нѣсколько возвеличили. Но я самъ не знаю, вышелъ ли я еще совершенно изъ опасности. Малѣйшее какое нибудь движеніе, незначащее усиление, и со мной дѣлается не знаю что. Страшно, просто страшно. Я боюсь. И такъ было хорошо началось дѣло. Я началъ такую вещь, какой вѣрно у меня до сихъ поръ не было, — и теперь изъ подъ самыхъ облаковъ да въ грязь.

«Медику натурально простительно меня успокоить и говорить, что это совершение пройдетъ, и что мнѣ нужно только успокоить(ся). Но мнѣ весьма простительно тоже не вѣрить этому, и мое положеніе вовсе не такого рода, чтобы оставаться, тѣмъ болѣе, что вотъ мѣсяцъ, и я ничуть не лучше. Еслибъ я зналъ, что изъ меня уже рѣшительно ничего не можетъ быть (страшнѣе чего, конечно, ничего не можетъ быть на свѣтѣ), тогда бы, натурально, дѣло кончено. У меня вѣтъ никакой охоты увеличивать всемирное населеніе своею жалкою фигурою и за жизнь свою я не далъ бы гроша и не стала бы изъ за нея биться. Но, клянусь, мое положеніе слишкомъ, если даже не черезчуръ. Большой, разстроенный душой и тѣломъ и никакихъ средствъ... Увѣдомьте меня. Можетъ быть, можно какъ нибудь узнать одно изъ этихъ двухъ словъ : да или пѣть ?

«Но, клянусь, мнѣ также, если даже не больше, теперь хочется выѣхать извѣстія о васъ самихъ. Послѣ видѣннаго мною сна я не могу успокоиться о васъ. Теперь въ моемъ больномъ, грустномъ, часто лишенномъ надежды душевномъ состояніи у меня единствен(но), чѣмъ доставляетъ мнѣ похожее на радость, это — перебирать въ мысляхъ моихъ немногихъ, но любящихъ, прекрасныхъ друзей, вычислять всѣ случаи въ жизни, гдѣ дружба ихъ обнаруживалась ко мнѣ, и сердце у меня тогда такъ начинаетъ сильно биться, какъ можетъ только у ребенка, который не изумляется отъ радости, но остается какъ будто перепуганъ радостью. Знаю, что это происходитъ отъ моего нервическаго разстройства и что движение потрясаетъ меня, но все какъ это сладко ! И я тогда едва дышу. Прощайте. Целую васъ сильно, и дай Богъ, чтобы ничего съ вами не было

«Вашъ Гоголь.»

«Римъ. Via Felice. № 126.»

Въ этой-то Via Felice (счастливая улица) поэтъ нашъ велъ такую несчастную жизнь ! «Изъ подъ самихъ облаковъ да въ грязь». Слабое тѣло его не выносиле порывовъ духа ; это былъ смильный аэростатъ изъ тонкой и бренной ткани. Общество, въ которомъ онъ проводилъ свое дѣтство и первые юношеские годы, заключая въ себѣ много пищи для его таланта, все, однако же, не могло вполнѣ организовать поэта съ такимъ огромнымъ запасомъ природныхъ началъ творчества , какимъ одаренъ былъ

Гоголь. Достигнувъ той эпохи умственного развитія, когда передъ поэтомъ открывается самый обширный горизонтъ духовнаго міра, онъ долженъ былъ надъ собой усилія сверхъестественныя, чтобы создать выраженіе для отвлеченныхъ рѣчей своихъ, и изнемогалъ подъ бременемъ непомѣрного труда. Поэтому-то умственное «напряженіе», производящее въ другомъ только усталость и отвращеніе къ работѣ, въ немъ разрушало почти въ конецъ хилый организмъ и рождало одно сожалѣніе о той высотѣ, на которой онъ не въ силахъ былъ удержаться.

«А такъ было хорошо началось дѣло.... Я началъ такую вещь, какой вѣрно до сихъ поръ у меня не было!» Сколько художнической любви къ своему дѣлу въ этихъ словахъ!... Онъ былъ чистый художникъ, чуждый всего, что не входить въ область поэтическаго созерцанія; для него существовало только искусство, онъ действовалъ и организовался только по внушенню простой религіи и нравственности, напечатлѣнныхъ въ его умѣ и сердцѣ еще въ родительскомъ домѣ. Дѣтская свѣжесть и впечатлительность чувствъ остались въ немъ до самой смерти, вмѣстѣ съ какой-то наивностью въ поступкахъ и словахъ. Онъ до того былъ погруженъ въ свои созданія, что не принималъ никакого участія въ томъ, въ чемъ не чуялъ пищи для своего творчества. Отъ этого въ его письмахъ, рядомъ съ зрѣлыми мыслями мужа, встречаются несообразныя съ обстоятельствами требования ребенка, неумѣстная и непонятная для другихъ раздражительность, или убѣжденія, начисто расходящіяся съ действительнымъ состояніемъ всѣхъ. Онъ самъ чувствовалъ свои недостатки и въ удаленіи отъ людей старался перевоспитать свою душу. Какъ искренно желалъ онъ сдѣлаться лучшимъ, видно изъ печатнаго его признанія въ томъ, что онъ считалъ въ себѣ оскорбительнымъ или непріятнымъ для ближнихъ. На 4 страницѣ его «Завѣщанія» мы читаемъ:

«Вообще въ обхожденіи моемъ съ людьми всегда было много непріятно-отталкивающаго. Отчасти это происходило оттого, что я избѣгалъ встречь и знакомствъ, чувствуя, что не могу еще произнести умнаго и нужнаго слова человѣку (пустыхъ же и ненужныхъ словъ произносить мнѣ не хотѣлось), и будучи въ то же время убѣжденъ, что, по причинѣ безчисленнаго множества моихъ недостатковъ, мнѣ было необходимо хотя немногого воспитать самого себя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ людей.

Отчасти же это происходило и отъ мелочного самолюбія, свойственного только такимъ изъ насъ, которые изъ грязи пробрались въ люди и считаютъ себя вправѣ глядѣть спѣсиво на другихъ. »

Къ сожалѣнію, я не имѣю въ своихъ рукахъ писемъ его къ Жуковскому и еще къ двумъ-тремъ лицамъ, съ которыми онъ переписывался, живя за границею, и потому долженъ сдѣлать новый пробѣль въ его биографіи, который надѣюсь наполнить въ свое время. Теперь, чтобы показать отношенія Гоголя къ Жуковскому, расскажу одинъ характеристической анекдотъ, въ которомъ Гоголь является такимъ же баловнемъ маститаго поэта; какимъ былъ въ свое время и Пушкинъ. Когда Жуковскій жилъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, Гоголь прогостили у него довольно долго. Однажды — это было въ присутствіи графа А. К. Т*** — Гоголь пришелъ въ кабинетъ Жуковскаго и, разговаривая съ своимъ другомъ, обратилъ вниманіе па карманные часы съ золотой цѣпочкой, висѣвшіе на стѣнѣ.

— Чьи это часы? спросилъ онъ.

— Мои, отвѣчалъ Жуковскій.

— Ахъ, часы Жуковскаго! никогда съ ними не разстанусь!

Съ этими словами, Гоголь надѣлъ цѣпочку па шию, положилъ часы въ карманъ, и Жуковскій, восхищаясь его проказливостью, долженъ былъ отказаться отъ своей собственности.

Написавъ слово «проказливость», я вспомнилъ, какъ хорошо писалъ ко мнѣ однажды С. Т. А*** объ этой чертѣ характера Гоголя въ болѣе обширномъ смыслѣ. Съ его позволенія, я приведу здѣсь отрывокъ изъ письма его :

«Въ натурѣ Гоголя была проказливость, шутка: онъ любилъ спроказить, подшутить, любилъ пухъ. Онъ былъ не лгунъ, а выдумщикъ, и всегда готовъ былъ сочинить цѣлую сказку, чтобы отѣлиться какъ нибудь отъ скучныхъ или непріятныхъ вопросовъ. Но тѣмъ же причинамъ, онъ часто давалъ обѣщанія, которыя и не думалъ исполнять. Изъ множества примѣровъ, я расскажу вамъ два.

«Гоголь вздумалъ попробовать, можно ли путешествовать въ чужихъ краяхъ, не имѣя паспорта, и выдумалъ слѣдующую штуку. Когда надобно было предъявлять гдѣ писуль паспорты, Гоголь отбиралъ ихъ отъ пасса кировъ и очень обязательно принималъ на себя хлоопты представить, кому слѣдуетъ. Собствен-

наго паспорта онъ не отдавалъ, а оставлялъ у себя въ карманѣ. Когда помѣченные паспорты возвращали Гоголю, онъ примѣмалъ ихъ, разматривалъ и вдругъ воскликнулъ: « Да гдѣ же мой паспортъ? Я вамъ его отдалъ вмѣстѣ съ другими! » Начинали искать, но паспорта не находили. Тотъ, кто ихъ записывалъ, совсѣмъ извѣстился, извинялся, а Гоголь мастерски разыгрывалъ сконфуженного путешественника. Между тѣмъ надобно былоѣхать, и Гоголь уѣзжалъ съ незаписаннымъ паспортомъ. Разумѣется, онъ разнообразилъ свои выдумки. Дѣло только въ томъ, что я и другіе видѣли его паспортъ возвратившимся изъ за границы почти бѣльмъ; а извѣстно, какъ бывають измараны замѣтками заграничные паспорты.

« Вотъ другой случай. Гогольѣхалъ изъ Петербурга въ Москву въ дилижансѣ и сидѣлъ въ одномъ купе съ моимъ знакомымъ, прекраснымъ человѣкомъ, П. И. П***. Замѣти, что товарищъ очень обрадовался сосѣству извѣстшаго писателя, онъ увѣрилъ его, что онъ не Гоголь, а Гогель, прикинулся смиреннымъ простачкомъ, и П*** оставилъ сосѣда въ покой. Прїѣхавъ въ Москву, П*** немедленно посѣгилъ насть. Рѣчь зашла о Гоголѣ, и петербургскій гость изъявилъ горячее желаніе его видѣть. Я сказалъ, что это очень немудрено, потому что Гоголь бываетъ у насть почти каждый день. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Гоголь, своей тогда еще живой и бодрою походкой. Я познакомилъ его съ моимъ гостемъ, и что же? П*** узнаетъ въ Гоголь своего сосѣда Гогеля! Мы не могли удержаться отъ смѣха, но П*** осердился. Онъ былъ правъ: за что Гоголь дурачилъ его трое сутокъ? Между тѣмъ Гоголь сдѣлалъ это рѣшительно для того, чтобы избавиться отъ докучныхъ вопросовъ, предлагаемыхъ обюковенно писателю: « Чѣмъ вы теперь пишете? когда подарите насть новымъ произведеніемъ? для чего вы не напишете того-то? » и проч. и проч. Можна ли строго осудить за это Гоголя, который такъ любилъ уединеніе дороги? Невинная выдумка возвращала ему полную свободу и онъ, поднявъ воротникъ шинели выше своей головы (это была любимая его поза), всю дорогу читалъ потихоньку Шекспира или предавался своимъ творческимъ фантазіямъ. »

Дорожныя приключенія Гоголя — еслибъ собрать ихъ побольше — представили бы очень занимательное чтеніе, потому что Гоголь во всемъ, что съ нимъ случалось, выказывалъ часть

своего оригинального и разнообразного характера. Напримѣръ, однажды, остановясь во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ гостиницѣ *Der weisse Schwan*, онъ вздумалъѣхать куда-то далѣе и, чтобы не встрѣтить остановки по случаю отправки вещей, велѣлъ паканунѣ отъѣзда гаускнехту (то, что у насъ въ трактирахъ половой) уложить всѣ вещи въ чемоданъ, когда еще онъ будегъ спать, и отправить туда-то. Утромъ, на другой день послѣ этого распоряженія, поѣхалъ Гоголя графъ А. Т***, и Гоголь принялъ своего гостя въ самомъ странномъ нарядѣ — въ простыни и одѣялѣ. Гаускнехтъ исполнилъ приказаніе поэта съ такимъ усердіемъ, что не оставилъ ему даже во чѣо одѣться. Но Гоголь, кажется, былъ доволенъ своимъ положеніемъ и цѣлый день принималъ гостей въ своей пестрой маптів, до тѣхъ поръ, пока знакомые собрали для него полный костюмъ и дали ему возможность уѣхать изъ Франкфурта.

Обратимся къ его перепискѣ.

Послѣднее письмо, писанное имъ къ М. А. Максимовичу, посигь уже московскую дату. Въ то время г. Максимовичъ надѣялся основать въ Кіевѣ родъ периодического изданія, подъ заглавиемъ «Кіевлянинъ», и просилъ Гоголя украсить это изданіе своимъ именемъ. Отвѣчая на эту просьбу, поэтъ нашъ выскажалъ своему старинному другу жалкое разстройство своего здоровья и глубокую скорбь обѣ утратѣ лучшей поры жизни и утраченныхъ душевныхъ силъ. Вотъ его письмо :

«Москва. Январь (1840).

«Письмо твое металось и мыкалось по свѣту и почтамтамъ изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ, и наконецъ нашло меня здѣсь. Очень радъ, что увидѣлъ твои строки, и очень жалѣю, что не могу исполнить твоей просьбы. П*** слизъ пулю, сказавши тебѣ, что у меня есть много написаннаго. У меня есть, это правда, романъ, изъ котораго я не хочуничего объявлять до времени его появленія въ свѣтѣ; притомъ отрывокъ не будетъ имѣть большой цѣны въ твоемъ сборникѣ, а цѣльнаго ничего нѣтъ, ни даже маленькой повѣсти. Я уже хотѣлъ было писать и принимался ломать голову, но ничего не вылѣжало изъ нея. Она у меня одеревянѣла и ошеломлена такъ, что я ничего не въ состоянії дѣлать, — не въ состоянії даже чувствовать, что ничего не дѣлаю. Еслибы ты зналъ, какъ тягостно

мое существование здѣсь. Жду и не дождаусь весны и порыѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжестъ и силы, охладѣвающія (sic) здѣсь. — О! много, много пропало, мнѣго уплыло. Напиши мнѣ, что ты дѣлаешь и что хочешь дѣлать потомъ, когда сбросишь съ плечъ все то, что тяжело лежа-ло на нихъ. Пріѣзжай когда нибудь хоть подъ закатъ дней въ Римъ, на мою могилу, если не станеть уже меня въ живыхъ. Боже, какая земля! и какъ тамъ свѣжо душѣ!... Прощай, душа! обнимаю тебя. Пиши на имя Погодина.

«Твой Гоголь.»

Коротенькое письмо его къ ученицѣ, съ которою онъ переписывался, живя за границею, покажетъ еще яснѣе, въ какомъ болѣзненномъ расположениіи духа бывалъ онъ въ это время.

«Хотя нѣсколько строкъ напишу къ вамъ. А не хотѣлъ, — право, не хотѣлъ браться за перо. Изъ этой ли снѣжной берлоги выставлять носъ и еще писать? Медвѣди обыкновенно заворачиваютъ свой носъ поглубже въ шубу и спятъ. Вы уже знаете, какую глупую роль играетъ моя странная фигура въ нашемъ родномъ омутѣ, куда я не знаю за что попалъ. Съ того времени, какъ только ступила моя нога въ родную землю, мнѣ кажется, будто я очутился на чужбинѣ. Вижу знакомыя, родныя лица; но они, мнѣ кажется, не здѣсь родились, а гдѣ-то ихъ въ другомъ мѣстѣ, кажется, видѣлъ; и много глупостей, непонятныхъ мнѣ самому, чудится въ моей ошеломленной головѣ. Но что ужасно — что въ этой головѣ пѣтъ ни одной мысли, и если вамъ нуженъ теперь болванъ, для того, чтобы надѣвать на него вашу шляпку или чепчикъ, то я весь теперь къ вашимъ услугамъ. Вы на меня можете надѣть и шляпку и все, что хотите, и можете сметать съ меня пыль, мести у меня подъ носомъ, и я не чихну, и даже не фыркну, не пошевелюсь.»

Съ возвращенiemъ въ Россію, начинаются хлопоты Гоголя объ изданіи его поэмы. Тутъ онъ является въ высшей степени негерпѣливымъ и раздражительнымъ, посыпаетъ къ своимъ повѣреннымъ письмо за письмомъ и въ каждомъ выражаетъ новыя жалобы и новыя беспокойства. Въ изнуреніи отъ долгихъ ожиданій и тайной скорби, Гоголь ужъ самъ готовъ отложить печатаніе задушевнаго труда своего, находя, что уже проплохъ тому время, и что его твореніе еще не совсѣмъ обработано.

Онъ ограничивается желаніемъ представить его на судъ публики, состоящей изъ пяти преданныхъ ему друзей, и готовъ снова уѣхать въ Римъ и снова приняться за отдѣлку своего великаго созданія. Но лучше заставимъ его самого говорить объ этомъ.

«Февраль 6-го (1840, въ Москве.)

«Изъ письма Прокоповича я узналъ между прочимъ, что вы хотите рукопись отдать **; отсовѣтуйте это дѣлать. ** былъ всегда противъ меня, хотя я совершенно не знаю, чѣмъ возбудилъ его перасположеніе. Оно, казалось, началось со временъ Ревизора. Иначе дѣйствовать при тѣперешнихъ обстоятельствахъ тоже, кажется, нельзя: и потому прекратите это дѣло. Я вижу, не судьба моему творенью явиться теперь. Да къ тому прошло и время. Я умѣю покориться. Я попробую еще выполнить нужду, бѣдность, терпѣть. А ваше великодушное участіе не потеряло чрезъ то ни мало цѣны; скажите это всѣмъ: Александрѣ Осиповнѣ, (*) графу В***, кн. О***, князю В**. Я умчу это движенье душъ ихъ въ нѣдрѣ моего признателнаго сердца всюду, куда бы ни завлекла меня моя скитающаяся судьба. Оно будетъ вѣчно свѣжить меня и пробуждать любовь къ прекраснымъ сокровищамъ, хранящимся въ Россіи. Нѣть, отчаянье не взойдетъ въ мою душу. Непостижимъ вышній произволъ для человѣка, и то, чтѣ кажется намъ гибелью, есть уже наше спасенье. Отложимъ до времени появленіе въ свѣтъ труда моего. И теперь уже я начинаю видѣть многіе недостатки, а когда сравню сію первую часть съ тѣми, которыя имѣются быть впереди, вижу, что и нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнѣе, третье углубить. О, какъ бы мыѣ нуженъ былъ теперь тихій мой уголъ въ Римѣ, куда не доходятъ до меня никакія тревоги и волненія; но что жъ дѣлать! У меня больше никакихъ не оставалось средствъ. Я думалъ, что устрою здѣсь

«Но я твердъ. Пересиливаю сколько могу и себя и болѣзнь свою. Неотразима вѣра моя въ свѣтлое будущее, и невѣдомая сила говоритъ мнѣ, что ладутся мнѣ средства окончить трудъ мой. — Передайте мою признательность, мою сильную признательность всѣмъ. Успокойте ихъ, скажите имъ, что они уже

(*) Вероятно, г-жѣ См.

го сдѣлали для меня. Клянусь, это знаетъ и чувствуетъ одно только мое сердце. Ихъ великодушіе, можетъ быть, мнѣ понадобится еще впереди. Ради Бога, успокойте ихъ, а рукопись возвратите мнѣ. Но прежде—самое главное—прочтите ее вмѣстѣ, т. е. воятеромъ, и пусть каждый изъ васъ тутъ же карандашемъ на маленькомъ лоскуткѣ бумажки напишетъ свои замѣчанія, отмѣтить всѣ погрѣшности и несообразности. Грѣхъ будетъ тому, кто этого не сдѣлаетъ. Мнѣ все должно говорить. Мнѣ больше, нежели кому другому, нужно указывать мои недостатки. Но вы сами можете понять все это. Пусть всѣ эти лоскуточки они передадутъ вамъ, а вы ихъ немедленно препроводите ко мнѣ. — Эту небольшую записку вручите Александрѣ Осиповнѣ. Да хранитъ васъ всѣхъ небо! Оно сохранить васъ за благородную прелесть вашихъ душъ.

« Вѣчно вашъ Гоголь.

« P. S. Будетъ ли въ «Современникѣ» мѣсто для статьи около семи печатныхъ листовъ, и согласитесь ли вы замедлить выходъ этой книжки—выдать ее не въ началѣ, а въ концѣ апрѣля, т. е. къ празднику. Если такъ, то я вамъ пришлю въ первыхъ числахъ апрѣля. Увѣдомьте! »

Это письмо было написано сгоряча, но потомъ удержано у себя Гоголемъ, какъ это видно изъ слѣдующаго посланія :

«Февраля 17 (1840, изъ Москвы).

« Я получилъ ваше увѣдомленіе о томъ, что дѣло идетъ наладъ. Дай Богъ, чтобы это было такъ, но я еще не получилъ рукописи, хотя три дни уже прошло послѣ получения вашего письма. Я——не смѣю еще предаваться надеждѣ, пока вовсе не окончится дѣло. Дай Богъ, чтобы оно было хорошо. — Я уже ко всему приготовился и чуть не послалъ было къ вамъ письма, которое зарочно прилагаю вамъ при семъ. Вы можете во всякомъ случаѣ прочесть его всѣмъ, къ кому оно имѣеть отношеніе. — — —

« Добрый Графъ В***! какъ я понимаю его душу. Но изъ-за какимъ бы то ни было образомъ чувства мое было бы смѣшино и глупо съ моей стороны. Онъ слишкомъ хорошо понимаетъ, чѣмъ я долженъ чувствовать. Хорошо бы было, еслибы на днѣхъ я получилъ мою поэму. Время уходитъ. Въ другомъ письмѣ моемъ вы начнете просьбу о позволеніи вѣзѣхать въ

вашъ «Современникъ». Извините, что такъ дурно пишу; перо подчинено пожницами, а не ножикомъ, который немногъ куда запрошастился. Отдайте прилагаемое письмо Мар. Петр. Б***. Обнимаю васъ.

«Вашъ Гоголь.»

Извинение Гоголя въ томъ, что онъ пишетъ небрежнымъ почеркомъ, показалось мнѣ сперва очень страннымъ. Онъ вообще не отличался каллиграфическимъ искусствомъ, и все письма его (кромѣ одного или двухъ, которые онъ переписалъ по особымъ причинамъ набѣдо) писаны крайне небрежно, чѣмъ бы перо ни было очищено, ножикомъ или пожницами. Но потомъ смыслъ этихъ словъ объяснился для меня какъ нельзя удовлетворительнѣе. Трудясь надъ своимъ перевоспитаніемъ, онъ не оставилъ безъ вниманія и своего почерка. Послѣднія письма его къ П. А. Плетневу обнаруживаются явное подражаніе почерку прописей и даже попытку на щеголеватость буквъ. Не скажу, чтобы онъ много успѣлъ въ каллиграфіи, но чѣкотрыя изъ его предсмертныхъ писемъ до такой степени отличаются отъ писемъ прежней эпохи, что если бы не было постепенного перехода къ нимъ отъ его обыкновенныхъ каракулекъ, то можно было бы принять ихъ за чужія рукописи.

Ничего, вирочемъ, нѣть удивительнаго въ томъ, что такой высокій литературный талантъ такъ медленно подвигался впередъ въ искусствѣ, можно сказать, общедоступномъ. Въ письмахъ Гоголя сохранено много рассказовъ о томъ, какъ ему трудно бывало заставить себя дѣлать то, что онъ вынѣнялъ себѣ въ обязанность, но къ чemu не загоралась въ чемъ искра произвольнаго увлечения. Вообще, у него была тугая натура, и многое въ его сочиненіяхъ доставалось ему съ большимъ трудомъ. Когда онъ говоритъ, что ломалъ надъ чѣмъ нибудь голову, это надоѣно понимать въ самомъ тѣспомъ смыслѣ. Нѣкоторые изъ близкихъ къ нему людей подсматривали, что онъ дѣлаетъ, запершись у себя въ комнатѣ и припявшиесь за работу. Это были самые странные, самые смѣшныя и жалкія гимнастическая упражненія. Онъ размахивалъ руками, упирался кулаками въ бока, вертѣлся на всѣ стороны, схватывалъ себя за волосы, взъерошивалъ ихъ самымъ дикимъ образомъ и выдѣльвалъ необыкновенные гримасы. Отъ этого-то онъ иначе не принимался за трудную работу, какъ запершись накрѣпко въ своемъ каби-

нетъ, къ которому отданъ быль слугъ приказъ — не допускать никого въ близко.

Я не для смѣхоторства привожу подобный преданія о землякѣ своемъ. Въ его трудныхъ усиліяхъ надъ самимъ собою выражается «желѣзная сила души», о которой онъ писалъ къ М. А. Максимовичу (*), и этотъ «тяжелый и сильный характеръ», который онъ изобразилъ въ Остапѣ Бульбѣ. (**) Въ то же самое время становится понятнѣе, какимъ образомъ Гоголь изъ цвѣтущаго юноши такъ быстро обратился въ болѣзниченаго старца, и отчего только подъ животворнымъ небомъ Италии онъ получалъ употребленіе всѣхъ физическихъ и нравственныхъ силъ своихъ. То, что казалось въ немъ прихотью избалованнаго ребенка, было слѣдствіе строгой необходимости; иначе Гоголь не быль бы Гоголемъ.

Но обращаясь къ его перепискѣ по поводу изданія первой части «Мертвыхъ Душъ».

Вотъ что писалъ онъ, въ порывѣ раздраженнаго нетерпѣнія, къ одному изъ своихъ знатныхъ пріятелей, не означивъ, въ разсѣянности, а можетъ быть, по какой нибудь другой причинѣ, ни года, ни числа, ни города, изъ котораго писано письмо.

— — — Все мое имущество и состояніе заключено въ трудахъ моемъ. Для него я пожертвовалъ всѣмъ, обрекъ себя на строгую бѣдность, на глубокое уединеніе, терпѣлъ, переносилъ, пересиливалъ сколько могъ свои болѣзнишныя неудачи, въ надеждѣ, что, когда совершу его, отечество не лишитъ меня куска хлѣба и просвѣщенныя соотечественники преклонятся ко миѣ участіемъ, оцѣнятъ посильный даръ, который стремится всякий русскій принести своей отчизнѣ — — — И между тѣмъ никто не хочетъ взглянуть на мое положеніе, никому нѣтъ нужны, что я нахожусь въ послѣдней крайности, — — — въ что такимъ образомъ я лишаюсь средствъ продлить свое существованіе, необхо-

(*) См. выше письмо отъ 12 февраля 1834 года: «А на что человѣку дается характеръ и желѣзная сила души? Къ чорту лѣти, да и концы въ воду. Ты разсмотріи хорошенъко характеръ земляковъ: они лѣнятся, но за то, если что задолбать въ свою голову, то на вѣки. Вѣдь тутъ только рѣшимость. Разъ начать, и все!»

(**) «Онъ (Андрій, противопоставленный Гоголемъ старшему брату) учился охотище и безъ напряженія, съ какимъ обыкновенно принимается тяжелый и сильный характеръ.» — «Сочиненія Н. Гоголя», т. II, стр. 84.

днное для окончанія труда моего, для котораго одного я только живу на свѣтѣ. Неужели и вы не будете тронуты моимъ положеніемъ? Неужели и вы откажете мнѣ въ вашемъ покровительствѣ? — — — Почему знать, можетъ быть, несмотря на мой трудный и тернистый жизненный путь, суждено бѣдному имени моему достигнуть потомства. — И ужели вамъ будетъ пріятно, когда правосудное потомство, отдавъ вамъ должное за ваши прекрасные подвиги — — — скажетъ въ то же время, что вы были равнодушны къ созданіямъ русскаго слова и не тронулись положеніемъ бѣднаго, обремененнаго болѣзнями писателя, немогшаго найти себѣ угла и приюта въ мірѣ, тогда какъ вы первые могли бы быть его заступникомъ и меценатомъ. Нѣтъ, вы не сдѣлаете этого, вы будете великодушны — — — »

Въ письмѣ къ другому пріятелю изъ высшаго круга онъ еще сильнѣе выражаетъ болѣзненность своего нетерпѣнія, усиленнаго, конечно, не дѣйствительнымъ ходомъ вещей, а равнодушіемъ къ поэту, существовавшимъ только въ его воображеніи.

«Къ величайшему сожалѣнію, мнѣ не удалось быть у васъ въ бытность вашего сіятельства въ Москвѣ. Одинъ разъ Ч*** Александр. Дм., съ которымъ мы условилисьѣхать вмѣстѣ, не заѣхалъ за мною по причинѣ какого-то помѣшательства, а потомъ овладѣла мною моя обыкновенная periodическая болѣзнь, во время которой я остаюсь почти въ неподвижномъ состояніи въ своей комнатѣ иногда въ продолженіе двухъ-трехъ недѣль. Впрочемъ, какъ я разсудилъ потомъ, пріѣздъ мой къ вамъ былъ бы лишнимъ. Дѣло мое уже вамъ извѣстно. Я знаю, душа у васъ благородна, и вы вѣрно будете руководствоваться однимъ глубокимъ чувствомъ справедливости; дѣло мое право, и вы никогда не захотите обидѣть человѣка, который въ чистомъ порывѣ души сидѣлъ несолько лѣтъ за своимъ трудомъ, для него пожертвовалъ всѣмъ, терпѣлъ и перенесъ много нужды и горя и который ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы себѣ написать ничего противнаго правительству, уже и такъ меня глубоко облагодѣтельствовавшему. Итакъ, и теперь я не прилагаю къ вамъ никакихъ просьбъ моихъ; но если дѣло уже кончено, моя рукопись послана ко мнѣ и вы были моимъ справедливымъ и вмѣстѣ великодушнымъ заступникомъ, то много, много благодарю васъ. Вы не можете взвѣсить всей моей благодарности къ вамъ; но если бы вы синозшли въ глубину моей души, если бы уви-

дѣли тамъ вѣтъ томленія, тогда бы вы поняли, какъ велика (моя) благодарность. Это чувство всегда глубже всѣхъ другихъ и чувствовалъ въ моемъ сердцѣ, а теперь болѣе нежели когда либо.» — — —

Дата и городъ не означены.

Перечитывая эти письма, значительно мною сокращенные, удивляешься простодушію поэта и его незнанію самыхъ обыкновенныхъ приемовъ въ сношенихъ съ людьми такого рода, по такому дѣлу и при такихъ обстоятельствахъ. Въ этомъ могъ бы научить его каждый, кто сколько нибудь обращался съ людьми по части прозаическихъ сношений, и даже поправить въ его письмахъ языкъ (*), который не былъ у него слабѣй и въ то время, когда онъ сидѣлъ еще на школьной скамейкѣ. Но письма его не теряютъ отъ того никакъ своего интереса. Напротивъ, въ нихъ ограждается Гоголь полнѣе, нежели въ письмахъ къ короткимъ друзьямъ своимъ, въ которыхъ онъ обнаруживаетъ только то, что желаетъ обнаружить, и въ которыхъ рядомъ съ его хорошими свойствами, отличающими его отъ другихъ людей, не высказываются передъ нами его недостатки, ставящіе его ниже многихъ изъ менѣшихъ его братій.

Не думаю, однакожъ, чтобы эти недостатки понижали Гоголя хотя однимъ градусомъ во мнѣвіи истинно благородно мыслящаго человѣка. Нѣть, зная ничтожество его въ жизни практической, неловкости въ сношенихъ съ людьми, мелочные причуды характера или какие бы то ни было нравственные недостатки, мы тѣмъ больше должны почитать пламень его таланта. Глядя такимъ образомъ на поэта, мы не ескорбимъ его памяти своимъ любопытствомъ, доискивающимъ его лучшихъ поступковъ или мыслей исамыхъ пошлыхъ его слабостей съ одинаковымъ вниманіемъ. Да и получится ли полный, живой образъ человѣка, если мы соберемъ только доблестныя его черты, утаивъ отъ читателей все мелочное, все грязное и отталкивающее? Жизнь наша — какъ бы мы ни были совершенны — никогда не складывается изъ одного высокаго прекраснаго, и въ нравственномъ мірѣ все имѣть свое разумное назначеніе. Часто какой нибудь порокъ, какая нибудь слабость характера, не имѣя для души сама по

(*) Напримѣръ, въ фразѣ: «по причинѣ какого-то помѣшательства». Гоголь, очевидно, хотѣлъ сказать: «до причинѣ какой-то помѣхи».

себѣ ничего привлекательного, дѣлаетъ свое дѣло въ общей мечтавикѣ духовной дѣятельности и нерѣдко — замѣтнымъ для наблюдателя образомъ — служитъ стимуломъ къ стремлению человѣка впередъ или очистительнымъ средствомъ для его грѣховной природы. Тема эта обширна, не вмѣстимая въ предѣлы небольшого отступленія, и потому, прерывая цѣпь мыслей, ведущую далеко въ сторону отъ предмета моей бесѣды съ читателемъ, я обращаюсь снова къ письмамъ Гоголя, которыя говорить довольно ясно сами за себя. Въ слѣдующемъ письмѣ высказывается въ дивномъ смѣшнѣи слабость и сила одновременно той же души.

17 марта (1840). Москва.

«Вотъ уже вполовь прошло три недѣли послѣ письма вашего, въ которомъ вы извѣстили меня о совершенномъ окончаніи дѣла, — а рукописи нѣтъ какъ нѣтъ. Уже постоянно каждыя двѣ недѣли я посыпаю каждый день (sic) освѣдомиться на почту, въ Университетъ, и во всеѣ мѣста, куда бы только она могла быть адресована, — и никогда никакихъ слуховъ. Боже, какъ истомили, какъ измучили меня всѣ эти ожиданья и тревоги! А время уходитъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе вижу возможности успѣть съ ея печатаньемъ. Увѣдомьте меня, ради Бога, что случилось, чтобы я хотя по крайней мѣрѣ зналъ, что она не пропала на почтѣ, и чтобы зналъ, что мнѣ предпринять.

«Я силился написать для «Современника» статью, во многихъ отношеніяхъ современную, мучилъ себя, терзалъ всякий день и не могъ ничего написать, кроме трехъ безпутныхъ страницъ, которая тотъ же часъ истребилъ. Но, какъбы то ни было, вы не скажете, что я не сдержалъ своего слова. Посыпаю вамъ повѣсть мою «Портретъ». Она была напечатана въ «Арабескахъ»; но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее: вы увидите, что осталась одна только картина прежней повѣсти, что все вышито по ней вновь. Въ Римѣ я ее передѣлалъ вовсе, или, лучше, написалъ вновь, вслѣдствіе сдѣланныхъ въ Петербургѣ замѣнъ. Вы, можетъ быть, даже увидите, что она болѣе чѣмъ какая другая, соотвѣтствуетъ скромному направлѣнію вашего журнала. Да, вашъ журналъ не долженъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занимается торопящійся, шумный современный свѣтъ. Его цѣль другая: это—благоуханье пѣтровъ, растущихъ уединенно на могилѣ Нушкина. Рыночная толпа не должна знать къ нему дороги: съ ней

довольно славного имени поэта. Но только одни сердечные друзья должны сюда сходиться, съ тѣмъ, чтобы безмолвно по-жать другъ другу руку и предаться хоть разъ въ годъ тихому размышленію. Вы говорите, что я бы могъ достославно подвизаться на журнальномъ поприщѣ, но что у меня для этого нѣтъ терпѣнія. Нѣтъ! у меня нѣтъ для этого способностей. Отвлеченный писатель и журналистъ такъ же не могутъ соединиться въ одномъ человѣкѣ, какъ не могутъ соединить(ся) теоретикъ и практикъ. — Притомъ, каждый писатель уже означенъ своеобразнымъ выраженіемъ таланта, и потому никакъ нельзя для нихъ вывести общаго правила. Одному данъ умъ быстрый схватывать мгновенно всѣ предметы міра въ минуту ихъ представлениія. Другой можетъ сказать свое слово только глубоко обдумавъ; иначе его слово будетъ глупѣе всякаго обыкновеніаго слова, произнесенного самыи обыкновеннымъ человѣкомъ. Ничѣмъ другимъ не въ силахъ я заняться теперь, кромѣ одного постояннаго труда моего. Онъ важенъ и великъ, и вы не судите о немъ по той части, которая готовится теперь представить на свѣтъ (если только будетъ конецъ ея непостижимому странствію). Это больше ничего, какъ только крыльцо къ тому дворцу, который во мнѣ строится. Трудъ мой занялъ меня совершенно всего, и оторваться отъ него на минуту есть уже мое несчастіе. Здѣсь, во время пребыванія моего въ Москвѣ, я думалъ заняться отдельно отъ этого труда, написать одну-двѣ статьи, потому что заняться чѣмъ нибудь важнымъ я здѣсь не могу. Но вышло на-противъ; я даже не въ силахъ собрать себя.

«Притомъ уже въ самой природѣ моей заключена способность только тогда представлять себѣ живо міръ, когда я удалился отъ него. Вотъ почему о Россіи я могу писать только въ Римѣ. Только тамъ она предстаетъ мнѣ вся, во всей своей гро-мадѣ. А здѣсь я погибъ и смѣшался въ ряду съ другими. Откры-таго горизонта нѣть предо мною. Притомъ здѣсь, кромѣ могу-щихъ смутить меня вышешихъ причинъ, я чувствую физическое препятствіе писать. Голова моя страдаетъ всячески: если въ комнатѣ холодно, мои мозговые нервы ноютъ и стынутъ, и вы не можете себѣ представить, какую муку чувствую я всякий разъ, когда стараюсь въ то время пересилить себя, взять власть надъ собою и заставить голову работать. Если же комната на-топчена, тогда этотъ искусственный жаръ меня душитъ совер-

шенно; малѣйшее напряженіе производить въ головѣ такое странное сгущеніе всего, какъ будто бы она хотѣла треснуть. Въ Румыніи я писалъ предъ открытымъ окномъ, обвѣваемый благотворнымъ и чудотворнымъ для меня воздухомъ. Но вы сами въ душе вашей можете чувствовать, какъ сильно могу я иногда страдать въ то время, когда другому никому не видны мои страданья. Давно остылъ и угаснувъ для всѣхъ волненій и страсти міра, я живу своимъ внутреннимъ міромъ, и тревога въ этомъ мірѣ можетъ нанести мнѣ несчастіе выше всѣхъ мірскихъ несчастій. — Участіе ваше мнѣ дорого: не оставьте письма моего безъ отвѣта, напишите сейчасъ вашу строчку.

«Повѣсти не раздѣляйте на два нумера, но помѣстите ее всю въ одной книжкѣ и отпечатайте для меня десятокъ экземпляровъ. Скажите, какъ вы нашли ее (мнѣ нужно говорить откровенно). Если встрѣтите погрѣшиности въ слогѣ, поправьте. Я не въ силахъ быть прочесть ее теперь внимательно. Голова моя глупа, душа неспокойна. Боже, думалъ ли я вынести столько томленій въ этотъ прѣбѣдъ мой въ Россію!

«Посылаю вамъ отдѣльныя брошюры статьи, напечатанный въ «Москвитянинѣ»; разошлите по адресамъ. Остальные дайте, кому найдете приличнымъ, а не то — Прокоповичу.»

Немногого раньше этого времени, Гоголь писалъ о себѣ изъ Москвы къ своей ученицѣ, о которой было говорено выше. Какъ неподобно это письмо на его прежнія письма къ ней! Но для біографіи оно тѣмъ не менѣе интересно.

«Мнѣ Плетневъ сдѣлалъ за васъ выговоръ, что я не отвѣчалъ вамъ на ваше письмо. Но я вамъ писалъ. Правда, это было не письмо, а маленькая записочка; но другого я ничего не въ силахъ быть тогда сдѣлать: я былъ тогда боленъ и слишкомъ разстроенъ. Но господинъ, съ которымъ я послалъ ее въ Петербургъ, вѣроятно, гдѣ нибудь плотно пообѣдавши, выронилъ ее на улицѣ и не посмѣть представить къ вамъ съ извиненіемъ. Иначе я не могу себѣ изѣяснить, почему вы ея не получили. Я былъ боленъ, очень боленъ, и еще боленъ донынѣ внутренно. Болѣзнь моя выражается такими странными припадками, какихъ никогда со мной еще не было; но страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое напомнило мнѣ ужасную болѣзнь мою въ Вѣнѣ, а особенно, когда я почувствовалъ то подступившее къ

сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, обращало въ исполина, всякое незначительно-пріятное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ силахъ вынести природа человѣка, и всякое сумрачное чувство претворяло въ печаль, тяжкую, мучительную печаль, въ потомъ слѣдовали обмороки, наконецъ совершиенно сомнамбулическое состояніе. И нужно же, въ довершеніе всего этого, когда и безъ того болѣзнь моя была невыносима, получить еще непріятности, которыя и въ здоровомъ состояніи человѣка бываютъ потрясающи. Сколько присутствія духа мнѣ нужно было собрать въ себѣ, чтобы устоять! И я устоялъ; я крѣплюсь, сколько могу: выѣзжаю даже изъ дома, не жалуюсь и никому не показываю, что я болѣпъ, хотя часто, часто бываетъ не подъ сплу. Теперь я вижу, что мнѣ совсѣмъ не слѣдовало пріѣзжать къ вамъ, что почти не нужно было моего личнаго присутствія: и безъ меня вѣрно бы все такъ же было; а главное — что хуже всего — я не въ силахъ здѣсь заниматься трудомъ, который для меня есть все. Зато съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю весны! Но, однакожь, до отѣзда моего я буду у васъ, буду веселѣ, лучше, нежели былъ у васъ въ прошломъ году, — не такъ безтолковъ, не такъ страненъ, не такъ глуpъ. Но покамѣстъ я все еще не здоровъ. Меня томитъ и душитъ все, и самый воздухъ. Я былъ такъ здоровъ, когдаѣхалъ въ Россію; лумалъ, что теперь удастся прожить въ ней побольше, узнать тѣ стороны ея, которыя были доселѣ мнѣ не такъ коротко знакомы. Все пошло какъ кривое колесо, по словамъ пословицы. Скажите вашей маменькѣ, что мнѣ было передано ея участіе, изъявленное ею въ письмѣ къ одной пріятельницѣ, что оно было мнѣ очень кстати: опо пролило какое-то тихое утѣшеніе въ мои трудныя минуты. Оно мнѣ показалось чѣмъ-то похожимъ на свѣтлое предвѣstіе яснаго будущаго. Я очень, очень много благодаренъ за него. Можетъ быть, самое длинное письмо ко мнѣ не было бы мнѣ такъ утѣшителльно тогда, какъ тѣ коротенькия слова. Итакъ, вотъ вамъ покамѣстъ извѣстіе обо мнѣ и о припадкахъ моей болѣзни, вѣроятно, не похожей на вашу, если только вы до сихъ поръ хвораете, отъ чего да избавить васъ Богъ. Вамъ пора быть здоровымъ, и я хочу васъ застать не за Жанъ-Поль-Рихтеромъ, а за Шекспиромъ и Пушкинымъ, которые читаются

только въ здоровомъ расположениі духа. Но эту пѣсню, я думаю, вы слышите часто и безъ меня. Я вамъ сдѣлаю одинъ вопросъ: приходило ли вамъ когда нибудь желаніе, непреодолимое, сильное желаніе читать Евангеліе? Я не разу имѣю то желаніе, которое похоже на долгъ и которое всякий положилъ себѣ имѣть, — нѣтъ, сердечный порывъ.... Но оставляю неоконченною мною рѣчъ. Есть чувства, о которыхъ не слѣдуетъ говорить, и произносить о нихъ что нибудь уже значитъ профанировать ихъ.

«Посовѣтуйте вашему брату В. П. не оставлять живописи. У него есть рѣшительный талантъ. Талантъ есть Божій даръ, и горе тому, кто препенярежетъ имъ. Посовѣтуйте ему непремѣнно сдѣлать копіи съ Каналета, находящагося въ Эрмитажѣ, а потомъ и съ Клодъ-Лоррена, если будетъ возможность. Эти двѣ противоположности сильно разовьютъ его и введутъ его во многія тайны искусства. Извините, что я рѣшаюсь перенести строчки письма моего съ этой почтительной четвертушки на сію короткую и дружескую осьмушку. Впрочемъ, мы съ вами, кажется, очень коротки, то есть я разумѣю — оба невысокаго роста. Надобно вамъ сказать, что начало письма этого писалось совершенно въ другомъ расположениіи духа и начато было уже недѣлю назадъ. Теперь, сегодня я получилъ письмо отъ Плетнева, съ извѣстіемъ, что дѣло мое идетъ, кажется, лучше. Дай Богъ. Но я уже былъ ко всему приготовленъ — и къ удачѣ и къ неудачѣ, благодаря Прovidѣнію, ниспославшему мнѣ чудную силу и твердость. Прощайте; будьте здоровы. Я молюсь душевно, да снизойдетъ вамъ въ душу святая, ясная тишина. Перецалуйте все ваше семейство, всѣхъ; а говорить имъ, что я ихъ люблю, я считаю лишнимъ.

«Весь вашъ Гоголь.»

Еще и еще одна жалоба бѣднаго поэта.

• 27 марта (1840, изъ Москвы).

«Голова моя совершенно пошла кругомъ. Вчера я получилъ письмо отъ Прокоповича, которымъ онъ увѣдомляетъ меня, что вы послали рукопись еще четвертаго марта, въ среду на первой недѣлѣ поста. Ради Бога, увѣдомьте, съ кѣмъ вы послали ее, и точно ли она была принята на почту и кѣмъ. Боже, как-

кая странная участъ! Думалъ ли я , что буду такимъ образомъ оставленъ безъ всего! Время ушло, и я безъ копѣйки , безъ состоянія выплатить самые необходимые долги, которыхъ не выплатить безчестно , безъ возможности собрать сколько нибудь на дорогу. Непостижимое стеченье бѣлъ ! Я не зваю даже, гдѣ отыскивать слѣды моей рукописи. Разрѣшите хотя это по крайней мѣрѣ, чтобы я зналъ навѣрное, пропала ли она, или вѣтъ.

«Весь вашъ

«Н. Гоголь.»

Наконецъ Гоголь получилъ рукопись.

НИКОЛАЙ М.

Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.

ОПЫТЪ БИОГРАФИИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ.

ОКОНЧАНИЕ ТРЕТЬЯГО (И ПОСЛЕДНЯГО) ПЕРИОДА.

Семейные заботы. — Гоголь опять въ Римъ. — Письмо по поводу отрывка изъ «Мертвыхъ Душъ», поставленного на сцену. — Черты изъ душевной исповѣди. — Высочайшая милость. — Случай въ Прагѣ. — Еще нѣсколько признаний. — «Переписка съ друзьями». — Послѣдствія журнальныхъ отзывовъ. — Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ. — Стремленіе къ собственному совершенствованію. — Возвращеніе въ отчество. — Малороссийскія пѣсни, наиболѣе любимыя Гоголемъ. — Путешествіе Гоголя съ М. А. Максимовичемъ въ Малороссию на долгихъ, въ 1850 году. — Дорожныя приключенія и постыденія. — Какъ розно понимали Гоголя его знакомые. — Письмо къ П. А. Плетневу изъ Одессы. — Гоголь на родинѣ. — Собственное его мнѣніе о второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ». — Возвращеніе въ Москву. — Общество Гоголя и его занятія. — Послѣднія письма. — Разговоръ съ О. М. Бодянскимъ. — Послѣдніе дни. — Сожженіе рукописи и смерть.

Окончивъ хлопоты по предмету изданія первой части «Мертвыхъ Душъ», Гоголь поспѣшилъ на покой въ свой «тихій уголъ, въ Римъ». Но прежде онъ позаботился, какъ умѣлъ, о спокойствіи своей матери. Письмо его, по этому случаю, къ Н. Д. Бѣлозерскому исполнено трогательного интереса (*); но я долженъ

(*) Подлинникъ хранится у Н. Д. Бѣлозерского.
T. XLIV. Отл. II.

быть выключить изъ него нѣкоторыя подробности, неважныя для читателя.

(Апрѣля 13, 1842, изъ Москвы.)

«Благодарю васъ, добрый другъ мой Николай Даниловичъ, за ваше письмо. Я его вовсе не ожидалъ. Объ васъ я никогда не могъ узнать — что вы и гдѣ вы. Словомъ, ваше письмо меня обрадовало. Все въ немъ относившееся до васъ было прочтено съ участіемъ; но въ этомъ вы не сомнѣваетесь. Благодарю васъ также за выписку о раздачѣ земель. (*) Мнѣ бы очень хотѣлось обнять васъ, но мнѣ для этого мнѣ возможности. Черезъ двѣ недѣли я єду. Здоровье мое и я самъ уже не гожусь для здѣшняго климата, а главное — моя бѣдная душа: ей вѣтъ здѣсь пріюта. Или, лучше сказать, для неї мнѣ такого пріюта здѣсь, куда бы не доходили до нея волненія. Я же теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской. Вы въ письмѣ вашемъ сказали, хотя вскользь и хотя не иначе, какъ на условіяхъ, что, можетъ быть, когда нибудь побываете въ моей родинѣ, то есть въ деревнѣ. Теперь я буду васъ просить объ этомъ серьѣзно. Ради Бога, если случиться вамъ быть въ Полтавѣ, пріѣзжайте ко мнѣ въ деревню Васильевку, въ тридцати-пяти verstахъ отъ Полтавы. Вы мнѣ слѣдастѣ великую услугу и благодѣяніе. Вотъ въ чёмъ дѣло: разсмотрите ее и положеніе, въ какомъ она находится, и напишите объ этомъ мнѣ, а также и чѣмъ можно поправить обстоятельства. Дѣла запущены мною. — — — Вы человѣкъ умный и знающій: вы замѣтите тогчась то, чего я самъ никакъ не замѣчу, ибо я, призываюсь, теперь едва даже могу замѣтить, что существую. Сдѣлайте мнѣ эту милость. Въ Полтавѣ вы узнаете, гдѣ наша деревня и какъ до нея добѣхать, отъ Ивана Васильевича Кацниста, который живетъ постоянно въ Полтавѣ. Маменька вѣсколько разъ слышала объ васъ отъ меня и будетъ рада вамъ несказанно. Сестры мои, изъ которыхъ двѣ на днѣхъ вышли изъ института и вамъ вѣсколько знакомы, предобрыя девушки и еще, безъ сомнѣнія, не успѣли выучиться ничему

(**) Раздача земель въ южной Россіи началась въ началѣ 1764 года, по плану о власеніи Новороссійскаго дра, съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы земли не были раздаваемы свыше 12,000 десятинъ одному лицу, и проч. Г. Бѣлозерскій доставилъ Гоголю записку, подъ заглавіемъ: «Историко-статистическая свѣдѣнія о раздачѣ земель въ южной Россіи», составленную И. Д. Миэто.

Н. М.

дурному. Вы поживите денька два или три, чтò вать встать сдѣлать непремѣнно. Если вы не хотите дать виду или вамъ покажется нальвкишъ показать маменькъ, что вы развязуете имѣніе, то скажите, пожалуй, что я вать просыпъ особенно изслѣдоватъ почву земли и годность ей для саду, а маменька пишетъ, что я всегда хотѣть развести садъ. Это ее обрадуетъ, какъ знакъ, что я, бывъ помѣшанъ, собираюсь сажать пожить скоро въ деревнѣ. А потому, между прочимъ, рѣчь и о козыѣтѣ и о любопытствѣ вашемъ все видѣть, чтò все очевь натурально, а я, между прочимъ, есть себѣ предувѣдоша маменьку, что вы большой охотникъ до саду и большой охотникъ козыѣтѣ и знатокъ. Итакъ, не откажите въ этой просьбѣ, которой вы не можете себѣ представить, какъ меня обяжете. Вашъ вѣрикъ выберется время по уборкѣ хлѣба и окончаніи работъ, прекрасныи сентябрь, осеняю, или, еще лучше, прежде. Прочитъ, какъ вамъ удобнѣе. — — — Я не извѣняюсь передъ вами въ томъ, что налагаю на васъ такую комиссию. Я знаю ваше добре сердце и дружбу нашу. И прощайте, мой добрый другъ Николай Дашковичъ. Увѣдомляйте меня подробнѣе о вашей жизни и въ томъ, чтò дѣлается съ вами. Я буду васъ также увѣдомлять. Одно письмо ваше я могу еще получить въ Москвѣ: адресуйте на имя профессора Михаила Петровича Погодина, на Дѣвицкемъ полѣ, въ собственномъ домѣ. Обнимаю васъ и вашего братца и всѣхъ вашихъ добрыхъ знакомыхъ, если только они цѣнятъ и любятъ васъ.

«Вашъ Гоголь.»

Опять Гоголь въ Римѣ, и снова проза жизни отвлекаетъ его мысли отъ предметовъ его творчества — тяжкое, но необходимое условіе каждого таланта. Вотъ его письмо къ П. А. Влагнѣву, отъ 2 ноября 1852 года.

«Я къ вамъ съ корыстолюбивой просьбою, другъ душа моей Петръ Александровичъ! Узвайте, что дѣлаютъ экземпляры «Мертвыхъ Душъ», назначенные мною къ представленію Г***, Г*** и Н***, и оставленные мною для этого у гр. В***. Въ дрезденія времена, когда былъ въ Петербургѣ Жуковскій, мнѣ обыкновенно что нибудь слѣдовало. Это мнѣ теперь очень-очень было бы нужно. Я сижу на совершенномъ безденежье. Всѣ выручаляемыя деньги за продажу книги идутъ до сихъ поръ на

уплату долговъ моихъ. Собственно для себя я еще долго не могу получить. А у меня же , какъ вы знаете , кроме меня , есть кое-какія довольно сильныя обязанности. Я долженъ иногда помогать сестрамъ и матери, не вслѣдствіе какого нибудь велико-душія , а вслѣдствіе совершенной ихъ невозможности обойтись безъ меня. Конечно, я не имѣю никакого права, основываясь на этихъ причинахъ, ждать вспоможенія, но прошу, чтобы меня не исключили изъ круга другихъ писателей, которымъ изъявляется царская милость за подносимые экземпляры. Ради дружбы нашей, присоедините ваше участіе. Теперь другая просьба, также корыстолюбивая. Вы вѣрно будете писать разборъ «Мертвыхъ Душъ»; по крайней мѣрѣ мнѣ бѣ этого очень хотѣлось. Я дорожу вашимъ мнѣніемъ. У васъ много внутренняго глубоко-эстетического чувства , хотя вы не брызжете виѣшнимъ, блестящимъ фейерверкомъ, который слѣпитъ очи большинства. Прішлите мнѣ листки вашего разбора въ письмѣ. Мнѣ теперь больше, чѣмъ когда либо нужна самая строгая и основательная критика. Ради нашей дружбы, будьте взыскательны, какъ только можно , и постарайтесь отыскать во мнѣ побольше недостатковъ, хотя бы даже они вамъ самимъ казались неважными. Не думайте, чтобы это могло повредить мнѣ въ общемъ мнѣніи. Я не хочу мгновеннаго мнѣнія. Напротивъ, я бы желалъ теперь отъ души , чтобы мнѣ указали сколько можно болѣе моихъ слабыхъ сторонъ. Тому, кто стремится быть лучше, чѣмъ есть, не стыдно признаться въ своихъ проступкахъ предъ всемъ свѣтомъ. Безъ этого сознанья не можетъ быть исправленья. Но вы меня поймете , вы поймете, что есть годы , когда разумное безстрастіе воцаряется въ души, и когда возгласы , шевелящіе юность и честолюбіе, не имѣютъ власти надъ душою. Не позабудьте же этого, добрый, старый другъ мой! Я вѣдь сильно люблю. Любовь эта, подобно нѣкоторымъ другимъ сильнымъ чувствамъ, заключена на днѣ души моей, и я не стремлюсь ее обнаруживать никакими наружными знаками. Но вы сами должны чувствовать , что съ воспоминаніемъ о васъ слито воспоминаніе о многихъ светлыхъ и прекрасныхъ минутахъ моей жизни. Прощайте ; не забывайте и пишите.

« Ваши Гоголь. »

« Мой адресъ: Via Felice, № 126. 3 piano. »

Въ слѣдующемъ письмѣ къ тому же лицу представлены довольно интересныя мелочи изъ материальнаго быта Гоголя.

«Римъ, 28 октября (1843).

«Въ доказку за первымъ моимъ письмомъ, пишу къ вамъ другое. Если вы еще не употребляли вашего участія и заботъ относительно подарка за поднесенные экземпляры книги, то это дѣло можно оставить. Во первыхъ, уже потому, что съ моей стороны какъ-то неприлично это все же нѣсколько корыстное исканье; а во вторыхъ, зачѣмъ тормошить бѣднаго В***, которому, можетъ быть, вовсе неловко. Я же пока занялъ деньги у Языкова, которому прислали. А въ началѣ будущаго года авось Богъ дастъ мнѣ изворотиться, очиститься отъ долговъ вовсе и получить кое-что для себя. И потому, вмѣсто прежней моей просьбы, исполните вотъ какую просьбу. До меня дошли слухи, что изъ «Мертвыхъ Душъ» таскаютъ цѣльми страницами на театръ. Я едва могъ вѣрить. Ни въ одномъ прошедшемъ государствѣ не водится, чтобы кто осмѣялся, не испрося позволенія у автора, перетаскивать его сочиненія на сцену. (А я тысячи имѣю, какъ нарочно, причинъ не желать, чтобы изъ «Мертвыхъ Душъ» что либо было переведено на сцену.) Сдѣлайте милость, постарайтесь какъ нибудь увидѣться съ Г*** и объясните ему, что я не давалъ никакого позволенія этому корсару, котораго я даже не знаю и имени! Это очень нужно сдѣлать, потому что въ выходящемъ изданіи моихъ сочиненій (*) есть нѣсколько драматическихъ отрывковъ, которые какъ разъ могутъ очутиться на сценѣ, тогда какъ на нихъ законное право имѣть одинъ только Щепкинъ. Сдѣлайте милость, объясните ему это. Скажите, что вы свидѣтель, что находящееся у Щепкина письмо, которымъ я передаю ему право на постановку этихъ пьесъ на сцену, писано именно мною и есть неподдѣльное. Что я, въ самомъ дѣлѣ, за беззащитное лицо, котораго можно обижать всякому? Ради Бога, вступитесь за это дѣло: оно слишкомъ близко моему сердцу. Прощайте. Я слышалъ, что въ «Современникѣ» есть очень дѣльная статья о «Мертвыхъ Душахъ». (**) Нельзя ли какимъ нибудь образомъ

(*) Въ четырехъ томахъ. Спб. 1842.

(**) Гоголь не зналъ, что эта статья принадлежитъ самому г. Штетневу. Имѣя нѣсколько закоренѣлыхъ антагонистовъ между пишущею

переслать мнѣ ее: я бы страшно хотѣль прощесть. — — — С***, говорять, во Флоренціи и хотѣть быть въ Римѣ. Прощайте; излую васъ тысячу разъ и обнимаю. Жду съ нетерпѣніемъ отъ васъ вѣстей. Прокоповичъ пишетъ, что изданіе моихъ сочиненій приходится къ концу: не найдете ли ередства посыпать по выходѣ одинъ экземпляръ мнѣ? — — —»

П. А. Плетневъ писалъ къ директору Императорскихъ Театровъ о томъ, что такъ непріятно было для Гоголя, и получивъ отъ него, отъ 11 декабря 1843 года, отвѣтъ, что действительны сцены изъ «Мертвыхъ Душъ» поступили въ Санктпетербургскую Дирекцію отъ режиссера Кулакова, а въ Москвескую — отъ актера Самарина, и были играны въ ихъ бенефисы, но что вѣ удерживались больше на репертуарѣ. При этомъ онъ прибавляется:

«Самъ не могу я къ нему писать, потому что на дняхъ дана быда его комедія «Женитьба», и ежели бы пришлось упомянуть обѣ ей, то, къ сожалѣнію, ничего не могъ бы сообщить ему удовлетворительнаго.»

Гоголь остался недовѣрчивымъ къ прежнимъ друзьямъ своимъ, но уже не могъ удѣлить много времени на письма къ нимъ. Его занимали новые душевные вопросы, для разрешенія которыхъ онъ не щадилъ ни труда, ни времени. Въ прочихъ своихъ спошнѣяхъ съ людьми онъ замѣтно старался быть какъ можно кротче, какъ это показываетъ следующее письмо его къ одной изъ любимѣйшихъ женщинъ, къ которой онъ, бывало, писалъ такъ много и такъ охотно.

«Римъ. Ноябрь 2-го. 1842.

«Я къ вамъ пишу, и это потребность души. Не думайте, чтобъ я былъ лѣнивъ. Это правда, мнѣ тяжело бываетъ признаться за письмо; но когда я чувствую душевную потребность, тогда я не

братію, г. Плетневъ не хотѣлъ вводить ихъ въ искушеніе, искать въ своей обширной критической статьѣ однихъ недостатковъ и подпись подъ нею бунты С. Ш. и городъ Житомиръ. Этими буквами онъ называлъ себѣдорысь изъ нихъ ца человѣка, о которомъ Гоголь писалъ, что съ нимъ никогда не бываетъ скучно, никогда! и который служилъ тогда въ Житомирѣ. Въ литературныхъ кружкахъ статью прочитали безъ предубѣжденія, и въ самыхъ непріязненныхъ къ г. Плетневу журналахъ отзывались о ней съ болѣзнями похвалами. А стѣль-то написана была тѣмъ, въ кромъ они не хотѣли призываѣти ни наудицкое винож, ни уточненнаго ума.

Н. М.

откладываю. Послѣдніе дни пребыванія моего въ Петербургѣ, при разставаніи съ вами, я замѣтилъ, что душа ваша сильно развилась и глубже чувствуетъ, чѣмъ когда либо прежде, и потому вы теперь не имѣете никакого права не быть со мной вполнѣ откровенны и не передавать мнѣ всего. Вспомните, что вы напишете вашему искреннѣйшему другу, который въ силахъ оцѣнить и понять вѣсль, и который награжденъ отъ Бога даромъ живочувствовать въ собственной душѣ радости и горе, чувствующимъ другими, что другіе чувствуютъ только вслѣдствіе однаго тяжелаго опыта. Прежде всего извѣстите меня о состояніи вашего здоровья и помогло ли вамъ холодное леченіе; потомъ извѣстите меня о состояніи души вашей: что вы думаете теперь и чувствуете, и какъ все, что ни есть вокругъ васъ, вѣсль кажется. Это первая полезнѣсть вашего письма. Теперь слѣдуетъ вторая. Извѣстите меня обо мнѣ: записывайте все, что когда либо вамъ случится услышать обо мнѣ, — всѣ мнѣнія и толки обо мнѣ и объ моихъ сочиненіяхъ, и особенно, когда бранятъ и осуждаютъ меня. Послѣднее мнѣ слишкомъ нужно знать. Хула и осужденія для меня слишкомъ болезнны. Послѣ нихъ мнѣ всегда открывалася яснѣ какою нибудь мой недостатокъ, дотолѣ иною не замѣченны; а увидаать свой недостатокъ — это уже много знатчить: это значитъ — почти исправить его. Итакъ, не позабудьте записывать все. Просите также вашихъ братцевъ — въ ту же минуту, какъ только они услышатъ какое нибудь сужденіе обо мнѣ, спрѣведливое или несправедливое, дѣльное илиничтожное, въ ту же минуту его на лоскуночекъ бумажки; понамѣстъ они еще не простью, и этотъ лоскуночекъ вложите въ ваше письмо. Не скрывайте отъ меня также имени того, который произнесъ его; знайте, что я не въ силахъ ни на кого въ морѣ теперь разсердиться, искорѣй обнину его, чѣмъ разсержуся. Прощайтъ. Жму сильно вашу руку. Обнимите за меня всѣхъ вашихъ и попросите вашу машиньку, ради нашей старой дружбы, приписывать иногда отъ себя хоть нѣсколько строчекъ ко мнѣ, хотя на французскомъ языке.»

О заграничной жизни Гоголя въ 1843 году я знаю только изъ письма его къ Н. Д. Бѣловерскому, что онъ проживалъ въ Дюссельдорфѣ (у Жуковскаго) и занимался продолженіемъ «Мертвыхъ Душъ». Это письмо замѣчательно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ Гоголь дешитывался у своихъ корреспонден-

това различныхъ мелочей практической жизни, изъ которыхъ по-
томъ строилъ свой громадный «дворецъ», какъ называетъ онъ
продолженіе своего сочиненія. Надобно полагать, что онъ писалъ
множество подобныхъ писемъ къ кому только могъ. Помѣщаю
это письмо здѣсь безъ сокращеній. (*)

«Августа 30. Дюссельдорфъ. 1843.

«Мне хочется знать, что съ вами дѣлается, мой добрый Николай Даниловичъ. Отвѣчайте мнѣ на всѣ слѣдующіе вопросы. Я ихъ всѣхъ запамеревываю, потому, что у людей есть всегда охота увиливать и не отвѣтить на все. 1) Какъ ваше здоровье и всѣхъ васъ, то есть вашего брата и проч.? 2) Отправляете ли вы
донынѣ судейскую вашу должность, и что удалось вамъ въ ней
сдѣлать хорошаго и полезнаго? 3) На сколько вообще юридиче-
скуль можетъ сдѣлать доброго и на сколько дурнаго? 4) Какъ
идетъ ваше хозяйство? 5) Сколько получаете доходовъ за управ-
лѣніемъ всякихъ повинностей? 6) Какія главныя и доходивыя статьи
вашего хозяйства? 7) Чѣмъ удалось или вашему брату сдѣлать
хорошаго по этой части во все продолженіе вашей жизни
въ деревнѣ? 8) Каковы ваши сосѣди и кто замѣчательнѣе вообще
изъ березинскаго дворянства и чѣмъ? 9) Чѣмъ каждый среди
нихъ полезенъ себѣ и другимъ и чѣмъ вреденъ себѣ или другимъ?
10) Чѣмъ говорятъ у васъ о «Мертвыхъ Душахъ» и о моихъ со-
чиненіяхъ (экземпляра я вамъ не послалъ потому, что съ тру-
домъ даже получилъ для себя)? — Не пренебрегайте въ этомъ дѣлѣ
ничьимъ мнѣніемъ и кто какъ ни говорить, напишите мнѣ, хотя
бы это были совершенныя глупости. Итакъ, вотъ вамъ вопросы!
Ихъ всѣхъ числомъ десять. Я ихъ нарочно записалъ у себя въ
книгѣ, чтобы вы котораго нибудь изъ нихъ не пропустили. Хоть
коротко, но на каждый вы должны отвѣтить понумерно. Про-
щайте. Будьте здоровы и не забывайте меня.

«Душевно вѣсть любящій Гоголь.

«Адресъ мой: Dusseldorf, Poste restante».

Сбоку:

«Напишите о нашихъ общихъ знакомыхъ, съ кѣмъ вамъ
когда либо случилось встрѣтиться и видѣться.»

На облаткѣ лягушачья птичка, съ надписью: Sans crainte.

(*) Подлинникъ хранится у Н. Д. Бѣловерскаго.

Впрочемъ, вотъ еще одно письмо изъ Люссельдорфа, отъ 6 октября 1843 года, къ П. А. Плетневу. Оно относится къ денежнымъ обстоятельствамъ Гоголя въ Россіи и изображаетъ его на мъ во время послѣдняго пребыванія его въ Петербургѣ. Въ это время, въ 1841 году, онъ прожилъ у П. А. Плетнева нѣсколько дней и былъ до такой степени страненъ въ своемъ обращеніи съ нимъ, что даже самъ это замѣтилъ, и вспомнилъ черезъ три года.

«Началомъ письма уже просьба. Шевыревъ изъ Москвы извѣстилъ меня — — — что Прокоповичъ предстоитъ тяжба (*) (Прокоповичъ не даль мнѣ до сихъ поръ никакого обстоятельнаго увѣдомленія о положеніи дѣлъ моихъ), и потому я прошу васъ помочь, сколько можно, вашимъ участіемъ, если точно дѣло въ плохомъ положеніи. Денегъ я не получаю ни откуда; вырученныя за М. Д. пошли всѣ почти на уплату долговъ моихъ. За сочиненія мои тоже я не получилъ еще ни гроша, потому что все платилось въ — — — типографію, взявшую страшно дорого за напечатаніе; и притомъ продажа книгъ идетъ, какъ видно, тупо. Если придется къ тому потерять экземпляры, то и впереди не предстоитъ никакой возможности на пропитаніе тщедушныхъ днѣй моихъ. И потому, что можно сдѣлать — сдѣлайте. Въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ мнѣ бы помогло отчасти вспомоществованіе. — — — Прежде, признаюсь, я не хотѣлъ бы даже этого, но теперь, опираясь на стѣсненное положеніе моихъ обстоятельствъ, я думаю, можно прибѣгнуть къ этому. — — — Впрочемъ, вы сдѣлаете что только будетъ въ вашей возможности, потому что видите сами мое положеніе, и потому, что раздѣляете его душевно. Важность всего этого тѣмъ болѣе значительна, что нескоро придется мнѣ выдать что выбудь въ свѣтъ. Чѣмъ болѣе торопимъ себя, тѣмъ менѣе подвигаѣмъ дѣло. Да и трудно это сдѣлать, когда уже внутри тебя заключился твой неумолимый судья, строго требующій отчета во всемъ и поворачивающій всякий разъ назадъ при необдуманномъ стремлѣніи впередъ. Теперь мнѣ всякую минуту становится понятнѣй, отчего можетъ умереть съ голода художникъ, тогда какъ кажется, что онъ можетъ большія набрать деньги. Я увѣренъ, что не одинъ изъ близкихъ даже мнѣ людей, думая

(*) Н. Я. Прокоповичъ былъ поѣреннымъ Гоголя по части печатавія его сочиненій.

H. M.

обо мвѣ, говорить: «Ну, чтобы могъ сдѣлать этотъ человѣкъ, если бы захотѣлъ! Ну, издавай онъ всякий годъ по такому тому, какъ «Мертвые Душа», онъ бы могъ доставить себѣ двадцать тысячъ годового дохода.» А того никто не разсмотрѣть, что этотъ томъ, со всѣми его недостатками и грѣхами непростительными, этоить почти няти-лѣтней работы, стало быть, можетъ называться вполнѣ выработаннымъ кровью и потомъ. Я знаю, что послѣ буду творить полнѣй и даже быстрѣе; но до этого еще пѣсоко миѣ достигнуть. Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого и такое миѣ нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитаніе, душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій. Признайтесь: не показался ли я вамъ страннымъ въ наше послѣднее свиданіе, неоткровеннымъ и несообщительнымъ, — словомъ, страннымъ? Не могъ я вамъ показаться иначе, какъ такимъ: захлопотанный собою, занятый мыслюю объ одномъ себѣ, о моемъ внутреннемъ хозяйствѣ, объ управлениі моими непокорными слугами, находящимися во мнѣ, надъ которыми всѣми слѣдовало вознестишись, — иначе какъ разъ очутишись въ ихъ власти, — занятый всѣмъ этимъ, я не могъ быть откровеннымъ и свѣтлымъ: это принадлежности безмятежной души. А моей души еще далеко до этого. Не потому я молчу теперь, чтобы не хотѣть говорить, но потому молчу, что не умѣю говорить, и не нашелъ бы словъ даже, какъ разскажать то, что захотѣлъ бы разскажать. Но я заговорился, кажется.... Впрочемъ, это слово изъ моей душевной исповѣди. А душевная исповѣдь должна быть доступна всегда сердцу близкаго намъ друга. Прощайте. Обнимаю васъ и целую отъ всей души. Чѣмъ можно сдѣлать по моему дѣлу, вы сдѣлаете, а чего не сдѣлаете, того вѣрно уже нельзя было сдѣлать. Миѣ жаль, что удержался въ началѣ: совсѣмъ навыочить васъ моими дѣлами. Миѣ бы сдѣдовало просто быть нахальну — взвалить на васъ однихъ изданіе моихъ сочиненій, не путаясь ни во что самому и не затѣвая отъ себя ничего, а особенно въ то время, когда миѣ вовсе было не до того и когда все свернули и скомкалъ впопыхахъ. Вы бы, конечно, сказали: «вотъ навалили обузу», и выбрали бы только сначала, а потомъ все-таки бы дѣло сдѣлали; а съ Прокоповичемъ не мудрено, что случилась, какъ съ новымъ человѣкомъ,

такая исторія, которой , впрочемъ, я до сихъ поръ не знаю въ настоящемъ видѣ. — Еще разъ обнимаю. Прощайте.

Привѣска на сторонѣ :

«Получила ли «Матео Фальконе» отъ Жуковскаго? Я интересуюсь знать о немъ; хоть это и не мое дитя, но я его воспринимаю отъ кунгеля въ торопиль въ извѣственіи въ свѣту. Вы замѣтили, я думаю, что онъ переписанъ моей рукою.»

Это черта совершенно художническая: артистъ, изъ любви къ искусству, принимаетъ за себя смиренный трудъ переписчика, для того только, чтобы поскорѣе сдѣлать доступнымъ для другихъ произведение, которое его восхитило.

1844 годъ остается совершеннымъ пробѣломъ въ моемъ «Опытѣ». Ни одного письма, относящагося къ этому году жизни Гоголя, я не имѣю, а разсказы людей, не знакомыхъ близко съ поэтомъ — если бы мы и удалось собрать ихъ — объяснили бы чисто въ немъ немногое, такъ какъ вся его дѣятельность заключена была внутри его и заперта строгимъ молчаниемъ. Нѣкоторымъ только людямъ, подобнымъ П. А. Плетневу, открывалъ онъ часть своихъ душевныхъ тайнъ, и письма его къ нимъ составляютъ почти единственный источникъ для біографіи его духа. Оны тѣмъ менѣе оставали по себѣ память своего пребыванія въ разныхъ европейскихъ городахъ, что, кромѣ итальянскаго, не говорилъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ и, кажется, никогда ни заботился о томъ, чтобы научиться говорить. Ему нужны были только ясное небо и цветущая земля; а людей царабралъ онъ въ свою душу изъ Россіи и не разставался съ ними ни на молчаливыхъ развалинахъ римскаго Капитолія, ни на берегахъ кипящаго дѣятельностью Рейна. Въ Остенде помнить его, въ черномъ пальто и въ строй шляпѣ, бродящимъ ежедневно взадъ и впередъ по морской плотинѣ, вѣчно одиночимъ и задумчивымъ. Его принимали тамъ за несчастнаго игохондрика или мизантропа, и никто не подозрѣвалъ, сколько таилось глубокаго смысла подъ этимъ страннымъ іероглифомъ, въ которомъ иные прочигали юшлый недѣлости, а другие отказались понять хоть что нибудь.

Въ 1845 году произошло въ жизни Гоголя событие, дѣлженствовавшее имѣть важное вліяніе на его литературную дѣятельность. Государь Императоръ, поощряя, съ свойственнымъ Ему великодушiemъ, труды каждого высокаго таланта, благоволилъ

пожаловать Гоголю по тысячѣ рублей серебромъ въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ. (*) Ободренный столь милостивымъ вниманіемъ и обеспеченный на долго со стороны материальныхъ нуждъ, поэтъ пашъ пошелъ еще болѣе твердымъ шагомъ къ своей возвышенной цѣли самосовершенствованія и оправдать своею жизнью и смертью, что былъ достоинъ благоволенія и щедротъ Монаршихъ.

Въ этомъ году Гоголь много путешествовалъ по Европѣ и между прочимъ былъ въ Прагѣ. Тамъ національный музей, заѣдываемый извѣстнымъ антикварiemъ Ганкою, обратилъ на себя особенное его вниманіе, такъ что онъ приходилъ нѣсколько разъ и рассматривалъ хранящіяся въ немъ сокровища славянской старины. Ганка никакъ не хотѣлъ вѣрить, что передъ нимъ тотъ самый Гоголь, котораго сочиненія онъ изучалъ съ такою любовью (такъ наружность Гоголя, его пріемы и разговоръ мало выказывали того, что было заключено въ душѣ его); наконецъ спросилъ у самого поэта, не онъ ли авторъ такихъ-то сочиненій.

— И, оставьте это! сказалъ ему въ отвѣтъ Гоголь.

— Ваши сочиненія, продолжалъ Ганка: — составляютъ укращеніе славянскихъ литературъ (или что нибудь въ этомъ родѣ).

— Оставьте, оставьте! повторялъ Гоголь, махая рукою, и ушелъ изъ музея.

Но Ганка не таковскій человѣкъ, чтобъ разойтись съ подобнымъ путешественникомъ, не взявъ съ него контрабуції. Въ альманахѣ, изданномъ въ Прагѣ Павломъ Кларомъ, подъ заглавиемъ: *Libussa Taschenbuch für's Jahr 1852*, въ жизнеописаніи Гавки, гдѣ приведены выписки изъ его альбома, на стр. 368 мы читаемъ:

« Желаю еще сорокъ-шесть лѣтъ ровно здравствовать, работать, печатать и издавать во славу славянъ. Дня 5 (17) августа 1845. Гоголь. »

1845 годъ былъ замѣчательнъ въ жизни Гоголя по какимъ-то особымъ обстоятельствамъ, о которыхъ не совсѣмъ ясно упоминаетъ онъ въ короткомъ письмѣ къ г. Плетневу, написанномъ по выздоровленіи отъ опасной болѣзни. Вотъ это письмо:

(*) Эти деньги поручено было получать изъ Главнаго Казначейства П. А. Плетневу, для пересылки Гоголю.

«Римъ. 18 ноября (1845).

«Посылаю тебѣ свидѣтельство о моемъ существованіи на свѣтѣ. Существованіе мое точно было въ продолженіе иѣ-котораго времени въ сомнительномъ состояніи. Я едва было не откланялся; но Богъ милостивъ: я вновь почти оправился, хотя осталась слабость и какая-то странная зябкость, какой я не чувствовалъ доселе. Я зябну, и зябну до такой степени, что долженъ ежеминутно выбѣгать изъ комнаты на воздухъ, чтобы согрѣться. Но какъ только согрѣюсь и сяду отдохнуть, остываю въ нѣсколько минутъ, хотя бы комната была тепла, и вновь принужденъ бѣжать согрѣваться. Поло-женіе тѣмъ болѣе непріятное, что я черезъ это не могу, или, лучше, мыѣ нѣкогда ничѣмъ заняться, тогда какъ чув-ствую въ себѣ и голову и мысли болѣе свѣжими и, кажется, могъ бы теперь засѣсть за трудъ, отъ котораго сильно отвле-кали меня прежде недуги и внутреннее душевное состояніе. Скажу тебѣ только то, что много-много въ это трудное время совершилось въ глубинѣ души моей, и да будетъ благословенна во вѣки воля пославшаго меѣ скорби и все то, чтѣ мы обыкно-венно пріемлемъ за горькія непріятности и несчастія. Безъ нихъ не воспиталась бы душа моя какъ слѣдуетъ для труда моего. Мертвъ и холодно было бы все то, что должно быть живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно, какъ сама правда.

«Прошай! обнимаю тебя. Пиши ко мнѣ и не забывай. Век-сель можешь послать на имя посольства, для большей вѣрности, а меня уведомить письмечкомъ на мою квартиру. Адресъ ея слѣ-дующій:

«Via de la Croce. № 81. 3 piano.

«Твой Г.»

Въ слѣдующемъ письмѣ къ г. Плетневу Гоголь яснѣе рас-крываетъ свои душевныя тайны.

«Римъ. 10/11, февраля 1846.

«Я не отвѣчалъ тебѣ вѣругъ на твое милое письмо (отъ 2/14 ноября 1845 г., С.-Петербургъ) потому, что, во первыхъ, тяж-кое болѣзньенное состояніе овладѣло было мною съ новою си-лою и привело меня въ такое странное состояніе, что тяжело было руку поднять и тяжело было какое нибудь сказать о себѣ слово; во вторыхъ, я ожидалъ, не дождусь ли отвѣта на мое

письмо, отправленное къ тебѣ еще въ прошломъ году, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о моемъ существованіи, которое я ввялъ изъ здѣшней миссии. Увѣдомъ меня теперь обѣ этомъ поскорѣе и пришли всѣ деньги, какія мнѣ слѣдуютъ. Чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше. Съ С*** уравнялся послѣ. — Мнѣ нужно теперь сѣѣвать ъды и путешествія какъ можно больше. Изъ всѣхъ средствъ, какія я ни предпринималъ для моей странной болѣтии, до нынѣ это одно мнѣ помогало. Тяжка и тяжка мнѣ была послѣднія времена, и весь минувшій годъ такъ былъ тяжелъ, что я дивлюсь теперь, какъ вынесъ его. — Болѣзнь моя состояла до такой степени (въ концѣ прошлаго года и даже въ начальѣ нынѣшняго) били невыносимы, что извѣститься или умирать казалось какъ бы похожимъ на какое-то лекарство и облегченіе. А между тѣмъ Богъ такъ былъ милостивъ ко мнѣ въ это время, какъ никогда дотолѣ. Какъ ни страдало мое тѣло, какъ ни тяжка била болѣзнь тѣлесная, душа же была здорова; даже ханжа, которая приходила прежде въ минуты болѣсные, не посыла ко мнѣ приближаться. И тѣ душевныя страданія, которыхъ доселѣ и пытала мнѣ много и много, замолкли вовсе и среди страданій тѣлесныхъ выработались въ умѣ моемъ. Такъ что во время дороги и предстоящаго путешествія я примусь съ Божиимъ благословеніемъ писать, потому что духъ мой становится въ такое время сѣѣшимъ и расположенн(нымъ) къ дѣлу. О, какъ премудръ въ Своихъ дѣлахъ управляющій нами! Когда я расскажу тебѣ帮忙 всю чудную судьбу мою и внутреннюю жизнь мою (когда мы встрѣтимся у родного очага) и всю открою тебѣ душу, все поймешь ты тогда до единаго во мнѣ движенья и не будешь изумляться ничему тому, что теперь такъ тебя останавливаетъ и изумляетъ во мнѣ. Другъ мой, повторю вновь тебѣ, люби меня, люби на вѣру. Вотъ тебѣ мое честное слово, что ты былъ во многомъ заблужденіи насчетъ многаго во мнѣ и многое принято тобою въ превратношъ смыслѣ и вовсе въ другомъ значеніи, и горько мнѣ, горько было оттого въ одно время, такъ горько, какъ ты даже и представить себѣ не можешь. Скажу также тебѣ, что не дѣло литературы и не слава шея занимала въ то время, какъ ты думалъ, что они только и составляютъ жизнь мою. Ты принялъ платы за то тѣло, которое должно было облекать платы. Ду-

ша и долю душевное (*) меня занимали и трудную задачу нужно было разрешить, предъ пользуо которой ничтожны были тѣ пользы, которыя ты мнѣ поставлялъ ча видъ. Богу угодно было послать мнѣ страданія душевныя и тѣлесныя, и всякия горькія и трудныя минуты, и всякия недоразумѣнія тѣхъ людей, которыхъ любила душа моя, и все на то, чтобы разрѣшилась скорѣе во мнѣ та трудная задача, которая безъ тѣго не разрѣшилась бы во вѣки. Вотъ все, что могу тебѣ сказать впередъ: осталное все договорить тебѣ мое же твореніе, если угодно будетъ святой волѣ ускорить его. Весь путь и маршрутъ мой привлю тебѣ какъ только получу отвѣтъ твой. Не замедли какъ имъ, такъ и присыпкою лежать. Прощай; целую тебя отъ всей души и вновь говорю тебѣ твердо: люби меня.

«Твой Г.»

«Напиши мнѣ о себѣ и о томъ, чтѣ ближе твоей душѣ въ настоящую минуту. Такія строки мнѣ будутъ дороги. — Не полѣнись и поспѣши; я также буду уведомлять о себѣ чаще.

«Адреса не позабывай:

«Via de la Croce. № 81. 3 piano.»

Въ 1846 году одинъ изъ петербургскихъ художниковъ просилъ у Гоголя, чрезъ посредство П. А. Плетнева, позволенія напечатать вторымъ изданіемъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ», съ политическими, въ числѣ 3,600 экземпляровъ. Онъ желалъ пользоваться этимъ правомъ въ теченіе трехъ лѣтъ и предлагалъ за него Гоголю 1,500 рублей серебромъ наличными деньгами. Отвѣтъ Гоголя въ письмѣ его изъ Рима, отъ 20 марта 1846 года, придаетъ новую черту его строго-художническому характеру. Вотъ это письмо:

«Вексель получилъ; письмо отъ $\frac{16}{28}$ февраля и прежнее, чрезъ Жуковскаго, получилъ; свидѣтельство прішло въ апрѣль, къ сроку выдачи сдѣдуемой тогда трети. За неточность во всемъ другомъ не гнѣвайся: отъ большого человѣка, одержимаго въ такой степени усталостью и изнеможенiemъ тѣлеснымъ, трудно и требовать. Художнику Б*** объяви отказъ. Есть много причинъ, вслѣдствіе которыхъ не могу покамѣстъ входить въ условія ни съ кѣмъ. Между прочимъ, во первыхъ, потому, что второе изданіе первой части будетъ только тогда, когда она

(*) Эти слова подчеркнуты Гоголемъ.

Н. М.

выправится и явится въ такомъ видѣ , въ какомъ ей слѣдуетъ явиться. Во вторыхъ , потому , что , по странной участи , постигавшей изданіе моихъ сочиненій , выходила всегда какая нибудь путаница или безтолковщина , если я не самъ и не при моихъ глазахъ печаталъ . А въ третьихъ , я врагъ всякихъ политикахъ и модныхъ выдумокъ . Товаръ долженъ продаваться лицомъ , и нечего его подсдашивать этимъ кандитерствомъ . Можно было бы допустить иалишество этихъ родовъ только въ такомъ случаѣ , когда оно слишкомъ художественно . Но художниковъ-геніевъ для такого дѣла не найдешь ; да притомъ нужно , чтобы для того и самое сочиненіе было классическимъ , прорѣтшемъ полную извѣстность , вычищеннымъ , конченнымъ и не наполненнымъ кучею такихъ грѣховъ , какъ мое . За тѣмъ прощай ; о прочемъ впредь .

«Твой Г.»

«Не позабудь , хотя нѣсколько словъ , написать о себѣ самому . Какъ тебѣ живется , что чувствуется , о чёмъ думается и чтѣ лѣается .»

Здѣсь надобно упомянуть о событии 1846 года , одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ литературной жизни Гоголя .

Въ 1845 году онъ былъ опасно боленъ ; онъ ужъ переступалъ черту , отдаляющую человѣка отъ жизни съ ея очарованіями и заблужденіями , и въ это время все , что напечаталъ онъ , естественно , представилось ему слишкомъ ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ , чѣмъ была полна душа его , проникнутая высшимъ безстрастіемъ и великими предчувствіями иной жизни . Обозрѣвая съ духовной высоты своей все пройденное поприще , опъ находилъ только свои письма къ друзьямъ произведеніями , обѣщающими пользу ближнему , и потому оставилъ завѣщаніе издать выборъ изъ нихъ послѣ его смерти . Но здоровье и употребленіе моральныхъ силъ возвратились къ нему еще одинъ разъ . Тогда , не теряя времени , онъ собралъ у своихъ друзей лучшія свои письма и выбралъ изъ нихъ то , что , по его мнѣнію , должно было «искупить безполезность всего дотолѣ имъ напечатанного ».

Между тѣмъ въ обществѣ еще не было извѣстно , что произошло въ душѣ Гоголя , ибо онъ только изрѣдка , и то передъ ближайшими друзьями , приподнималъ покровъ съ души своей . Всѣ считали Гоголя еще прежнимъ Гоголемъ , всѣ ожидали отъ

наго второго тома «Мертвых Душъ», въ смыслѣ произведеній юмористического, и, можетъ быть, неимѣю только помнить его намекъ на «незримыя, невѣдомыя міру слезы»...».

Въ это время вдругъ падаетъ на столъ къ г. Плетневу его рукопись, исполненная странныхъ признаній, воплей души, томящейся въ ея грѣховной тѣснотѣ, проповѣдей, облеченныхъ всею грозою краснорѣчія, указующаго прямо на болящія раны сердца, полу-дозрѣлыхъ убѣждений и горькаго сарказма. То была извѣстная теперь каждому «Переписка съ Друзьями». Она произвела на всѣхъ, кому показалъ ее поизбранный поэта, такое впечатлѣніе, какое испытываетъ человѣкъ, когда его введутъ въ огромную фабрику, где отливаются изъ чугуна или бронзы колоссальныя созданія скульптуры. Множество народа мечется туда и сюда посреди таинственныхъ закоулковъ, дышащихъ жаромъ геенны; пламя хлещетъ въ гортань печей, утолая неуточимую ихъ жажду пламени; металлы, подобно ломкому льду, превращаются въ жидкость и грозятъ огнемъ, вымыть, всепожигающимъ потопомъ. И вездѣ необъяснимый, неизвестный для слуха шумъ, клокотанье, свистъ и щипанье; вездѣ загадочное, по видимому, беспорядочное и зловѣщее движение. Кажется, что искусство ваятеля выступило изъ своихъ предѣловъ, потеряло свои правила и гибнетъ вмѣстѣ со всею его спутавшемсяся фабрикою. Такъ имѣнио — по крайней мѣрѣ на пишущаго эти строки — подействовала «Переписка съ Друзьями». Это была распахнутая внезапно дверь во внутреннюю мастерскую Гоголя, въ тотъ моментъ, когда въ ней кипѣла самая жаркая работа, и когда онъ находился въ напряженномъ, трепетномъ и вмѣстѣ энергически-восторженномъ состояніи духа, подобно тому, какъ Бенвенуто Челлини при отлитіи колоссальной статуи Персея. Но тутъ работа была громаднѣе и опасность болѣше. Если бы не направилъ Гоголь куда слѣдуетъ потоковъ души своей, расплавленной высшимъ поэтическимъ отнемъ, собственный пламень скжегъ бы его и собственный приливъ мыслей, чувствъ и глубокихъ душевныхъ сокрушений, уничтожилъ бы его въ минуту высочайшихъ поэтическихъ предчувствій. Вотъ почему такъ сжалось за него сердце у каждого истиннаго цѣлителя его таланта, хотя никто не могъ тогда объяснить себѣ, чѣго именно надо опасаться. Книга вышла въ свѣтъ во всѣхъ странностяхъ новаго покрова своихъ мыслей, и

всюду повторялись разнообразие ощущенія, испытанныя въ небольшомъ кружкѣ приближенныхъ Гоголева друга.

Всѣмъ известны рецензіи, написанныя по случаю выхода въ свѣтъ «Переписки съ Друзьями»; ихъ полегло множество, и почти всѣ овѣ строго осудили писателя, который до тѣхъ поръ былъ осыпаемъ самыми восторженными похвалами. Гоголь въ своей «Перепискѣ» такъ круто повернулъ въ сторону съ своей прежней литературной дороги, что всѣ считали себя вправѣ — хотя это очень странно — кричать ему изо всѣй силы, чтобы остановился и воротился на прежній путь. Неумѣренность тона критикъ глубоко оскорбила поэта, которому уже одинъ почти единодушный восторгъ, съ которымъ публика встрѣчала прежнія его сочиненія, давалъ право на почтительное съ нимъ обращеніе. Онъ горько на нихъ жаловался въ своихъ запискахъ, но я не имѣю права повторить здѣсь его жалобы, хотя онъ стоялъ бы повторенія. По словамъ его, «душа его изнемогала отъ множества упрековъ», и онъ горячо благодарила тѣхъ, «которые могли бы также осыпать его за многое упреками, но которые, почувствовавъ, что ихъ уже слышкомъ много для немощной натуры человѣка, рукой скорбящаго брата приподымали его, повелѣвая ободриться».

Такъ дорого обошлась Гоголю его «Переписка съ Друзьями», эта книга, въ которой онъ, изъ любви къ близкимъ, рѣшился показать себя имъ безъ театральной одежды лирическаго и комического писателя! И кто, читая замогильныя жалобы Гоголя, не «содрогнется», какъ онъ говорилъ, «душою»? Многіе ли изъ нась, подобно издателю «Переписки съ Друзьями», остались, при ея появлѣніи, въ почтительномъ молчаніи касательно внутреннѣшаго ея смысла? Намъ теперь грустно за тогдашнее время, и въ грусти своей мы готовы повторять то, что было высказано съ благородною искренностью С. Т. А.:

«Поразили менѣ эти двѣ статьи («Предисловіе» и «Завѣщаніе» въ «Перепискѣ съ Друзьями»). Больно и тяжело вспоминать неумѣренность порицаній, возбужденныхъ имъ во мнѣ и другихъ. Вся бѣда заключалась въ томъ, что онъ рано были напечатаны. Вѣроятно, такое дѣйствіе произведутъ теперь обѣ статьи и на другихъ людей, которые такъ же, какъ и я, были недовольны этого книгою, и особенно печатнымъ завѣщаніемъ».

живого человѣка. Смерть все измѣнила, все поправила, всему указала настоящее мѣсто, и придала настоящее значеніе.» (*)

Въ «Предисловіи» къ «Переніскѣ съ Друзьями» упоминается о приготовленіяхъ къ путешествію къ Святымъ Мѣстамъ, которое, по словамъ Гоголя, «было необходимо душѣ его». Свѣдѣнія мои объ этомъ благочестивомъ подвигѣ поэта ограничиваются, покамѣсть, только тѣмъ, что онъ совершилъ перѣездъ черезъ пустыню Сиріи въ сообществѣ своего соученика по Гимназіи, Б***, — того самаго, съ которымъ онъ хотѣлъ стрѣляться на пистолетахъ безъ курковъ. Б***, занимая значительный постъ въ Сиріи, пользовался особымъ вліяніемъ на умы туземцевъ. Для поддержанія этого вліянія, онъ долженъ былъ сыграть роль полномочного вельможи, который признаетъ надъ собой только власть «Великаго Падишаха». Каково же было изумленіе арабовъ, когда они увидѣли его въ явной зависимости отъ его тщедушнаго и невзрачнаго спутника! Гоголь, изнуряемый зноемъ песчаной пустыни и выходя изъ терпѣнія отъ разныхъ дорожныхъ неудобствъ, которыя, ему казалось, легко было бы устранить, — не разъ увлекался за предѣлы обыкновенныхъ жалобъ и сопровождалъ свою жалобу такими жестами, которые, въ глазахъ туземцевъ, были доказательствомъ ничтожности грознаго сатрапа. Это не нравилось его другу; ма-ло того: это было даже опасно въ ихъ странствованіи черезъ пустыни, такъ какъ ихъ охраняло больше всего только высокое мнѣніе арабовъ о значеніи Б*** въ русскомъ государствѣ. Онъ упрашивалъ поэта говорить ему наединѣ чѣмъ угодно, но при свидѣтеляхъ быть осторожнымъ. Гоголь соглашался съ нимъ въ необходимости такого поведенія, но при первой досадѣ по-забылъ дружескія условія и обратился въ избалованнаго ребенка. Тогда Б*** рѣшился вразумить приятеля самимъ дѣломъ и принялъ съ нимъ такой тонъ, какъ съ послѣднимъ изъ своихъ подчиненныхъ. Это заставило поэта молчать, а мусульманамъ дало почувствовать, что Б*** все-таки полновластный визирь «Великаго Падишаха», и что выше его мѣтъ визиря въ Имперіи.

Не любопытно было бы проводить Гоголя мыслью по всѣмъ поѣзденіямъ имъ мѣстамъ въ Палестинѣ, чтѣ, безъ сомнѣнія,

(*) «Московскія Вѣдомости» 1852 года, № 32. «Письмо къ друзьямъ Гоголю».

кто либудь и сдѣлаетъ въ свое время. Въ жизни такого писателя и человѣка, какъ Гоголь, не можетъ быть шагу, который бы можно было оставить безъ вниманія. Если какое нибудь движение его души и непонятно для насть, несообразно сть извѣстными намъ обстоятельствами, или даже, по нашему нынѣшнему взгляду на вещи, вовсе незамѣчательно, то мы все-таки должны сохранить его въ чистотѣ истины для будущихъ мыслителей, которые, можетъ быть, будутъ стоять на болѣйшей высотѣ, нежели мы стоимъ, и озирать обширѣйшій круговорь фактовъ, нежели какой представляется наимѣнѣи умственныи изерамъ.

Относительно побудительныхъ причинъ къ путешествію въ Єрусалимъ я долженъ сказать, что Гоголь въ этомъ случаѣ руководился не однѣмъ безотчетнымъ чувствомъ благоговѣнія къ мѣстамъ, освященнымъ столь великими воспоминаніями — чувствомъ, общимъ всѣмъ христіанамъ: у него было болѣе частное душевное побужденіе къ этому священному дѣлу.

Выше было уже сказано, что мысль о службѣ никогда не оставляла Гоголя, что онъ въ первой молодости своей перенѣмилъ нѣсколько мѣстъ,ща, гдѣ бы приносили большие пользы своему отечеству; что, почувствовавъ наконецъ себя достойнымъ дѣятелемъ на поприщѣ писателя, онъ оставилъ службу и обратилъ всѣ свои силы на то, чтобы произвести твореніе, неимѣніе полезное соотечественникамъ, и этимъ способомъ доказать, что онъ также гражданинъ земли своей. Мы знаемъ, какъ онъ исполнилъ часть своего предпріятія, написавъ и издававъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ»; но это было не болѣе, какъ начало; это было, по его же сравненію, только сѣрое и закопченное дѣйномъ предмѣстіе къ великолѣпному городу, въ который онъ намѣревался ввести своего читателя: это было только крыльцо къ тому дворику, который строился въ изображеніи автора. Такъ какъ по плану Гоголя нужно было, чтобы вся первая часть «Мертвыхъ Душъ» наполнена была только пошлыми лицами, выражающими паденіе натуры человѣческой; то онъ написалъ ее безъ особыхъ усилий. Онъ уже стоялъ на такой моральности высотѣ, чтобы видѣть въ другихъ въ самомъ себѣ все увѣзительное для человѣческаго достоинства. Онъ прошелъ по тому пути, на которомъ вскрѣваются изображенные имъ лица, и изучилъ всю ихъ обстановку. Глубокое со-

еніаніе того, чѣмъ слѣдуетъ быть человѣку, и грустныя воспоминанія видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни помогли ему выставить пошлости и пороки современнаго человѣка съ такой безпощадной истинною, что всѣ безъ исключенія почувствовали отвращеніе къ его героямъ; а нѣкоторые, не разобрать, что тутъ дѣйствовала въ авторѣ необычайная способность воспроизводить въ полныхъ типахъ отдѣльныя явленія повседневной жизни, не обищуясь объясни, что онъ самъ долженъ быть сродни своимъ Чичиковымъ, Плюшкинымъ, Ноздревымъ и т. д. А между тѣмъ авторъ изнемогалъ подъ тѣжкою своей обязанностью входить въ нечистыя души своихъ дѣйствующихъ лицъ, принимать на себя ихъ отвратительный видъ и лицедѣйствовать за нихъ передъ публикой. Тягость его подвига тѣмъ больше подавляла его, что онъ зналъ, какъ взглянуть на него за его метаморфозисъ. Онъ зналъ это и заявилъ писателю, «который не измѣнилъ ни разу возвышенного строя своей миры, не спускался съ вершины своей къ бѣднѣйшимъничтожнѣимъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы.» (*) Онъ зналъ это и жаловался на удачу писателя, «дерзнувшаго вызвать наружу все, чтѣ ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земля, подъ часъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силотою неумолимаго рѣбца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи!» (**) Онъ предвидѣлъ, что современный судъ «назоветъничтожнѣими и никакими имъ делѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣній уголъ въ ряду писателей, оскорблѣющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображеныхъ героеvъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта». (***)

«И долго еще — говорилъ онъ съ грустью единокаго безсемейнаго путника посреди дороги — опредѣлено мѣръ чудной властью итги обѣ руку съ моими странными героями, озиравть всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимыи міру

(*) «Мертвые Души», стр. 252.

(**) Тамъ же, стр. 252 — 253.

(***) Тамъ же.

смѣхъ и мѣримыя, незѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная выюга вдохновенія подымется изъ облеченной въ святый ужасъ и въ блесканье главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетъ величавый громъ другихъ рѣчей....» (*)

Это было сказано недаромъ. Онъ исполнилъ часть своего предприятия тѣмъ, что создалъ характеры и выставилъ явленія, которые внушили «сильное отвращеніе отъ ничтожнаго» и «разнесла по Россіи вѣкоторую тоску и собственное наше неудовольствіе на самихъ себя.» Но ему предстояло совершить гораздо большее: ему нужно было представить такія явленія русской натуры, которыя бы подвили читателя впередъ уже не отвращеніемъ только отъ низкаго и дурного, а пламеннымъ сочувствіемъ къ высокому и прекрасному. Тутъ онъ былъ остановленъ въ своей работѣ самымъ непріятнымъ образомъ. Промзведя анализъ надъ собственной душой, онъ убѣдился, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движенияхъ человѣческой души нельзя по воображенію, что «добродѣтельныхъ людей въ головѣ не выдумаешь, и что пока не станешь самъ хотя скольконибудь на нихъ походить, пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силой въ душу иѣсколько добрыхъ качествъ, мертвичина будетъ все, чтò ни напишетъ перо твоє, и, какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды.» (**)

Чтобы подняться на высоту, съ которой ясно недостатки и достоинства каждого народа, Гоголь оставилъ на время все свои занятія по предмету изученія русскихъ людей и Россіи и «обратилъ все свое вниманіе на узнаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще.» Ось принялся читать книги, имѣющія предметомъ изслѣдованіе души человѣческой въ разныхъ ея проявленіяхъ, откровенные записки людей разнаго званія о своихъ душевныхъ тайнахъ, трактаты и системы законодателей и, переходя отъ наставника къ наставнику, дошелъ наконецъ до яснаго уразумѣнія того, съ чего въ дѣтствѣ началъ науку жизни, но что онъ до тѣхъ поръ понималъ не совсѣмъ ясно. Онъ убѣдился, что все ученія философовъ сходятся, какъ радиусы въ центрѣ, въ ученіи Спаси-

(*) Тамъ же, стр. 254.

(**) «Переписка съ Друзьями», стр. 150.

теля міра , и что только христіанну отверзаются всѣ таинства душа человѣческой.

Разрѣшивъ оживленною вновь вѣрою во Христа иѣкоторые важные вопросы , занимавшіе его душу, и удовлетворивъ своей жаждѣ знать человѣка вообще, онъ опять почувствовалъ влечѣніе къ поэтическому труду своему и занялся съ новыи жаромъ изученiemъ Россіи и русскаго человѣка. Онъ началъ знакомиться съ опытными практическими людьми всѣхъ сословій, которымъ хорошо были извѣстны разныя особенности на Руси и вообще ея вещественное и нравственное состояніе , и завелъ переписку съ такими лицами , которыхъ могли сообщить ему какое нибудь интересное обстоятельство или описать какойнибудь замѣчательный характеръ. Это было ему нужно для того, чтобы, при созданіи своихъ типовъ , онъ могъ принимать въображеніе какъ можно больше предметовъ и явлений дѣйствительного міра , ибо свойство его творчества было таково , что только тогда каждое лицо въ его сочиненіи становилось живымъ , когда онъ , утвердивъ въ умѣ крупныя черты его , обнималъ въ то же время всѣ мелочи и дразги , которыя должны окружать это лицо въ жизни дѣйствительной.

Письменные запросы Гоголя были , однакожъ , напрасны ; напрасно было также и воззваніе его въ предисловіи ко второму изданію «Мертвыхъ Душъ», въ которомъ онъ просилъ помощи у всѣхъ грамотныхъ людей. Онъ выказалъ этимъ только простодушіе художника , который смотритъ на міръ съ вѣрою въ его симпатію и прелполагаетъ въ немъ множество людей , готовыя помочь ему въ его великомъ дѣлѣ. Будучи , однакожъ , не только артистомъ въ душѣ , но и человѣкомъ умнѣйшимъ , онъ не могъ не знать , что его запросы и особенно печатные , навлекутъ на него насмѣшки со стороны людей , виляющихъ вещи съ прозаической точки зреїлія ; но онъ рѣшился переносить и насмѣшки , лишь бы добыть хоть отъ иѣсколькихъ лицъ такія записи , которыхъ помогли бы ему двинуть впередъ свою работу и продолжать такимъ образомъ по своему службу отечеству , которая была для него главнѣйшимъ долгомъ на землѣ. Но всѣ были заняты своимъ дѣлами и предоставляли поэту дѣлать свое; никто или почти никто не помогъ ему , а въ журналахъ на его запросы отвѣчали насмѣшками. Онъ долженъ былъ ограничиться собственными наблюденіями и раепросами у иѣсколькихъ

земляковъ, съ которыми сталкивался онъ за границею. Тамъ люди охотнѣ разговаривали съ нимъ о томъ, что составляетъ характеристическая особенность русскаго человѣка, и глубже виникали въ явленія русской жизни. Въ Россіи, напротивъ, Гоголь слышалъ чаще всего отвлеченные tolki, лишенные анекдотического характера. А ему нужны были только факты, только черты, взятыя съ натуры, а не изъ философическихъ извѣденій, для того, чтобы придать образованію въ его фантазіи высокімъ характерамъ колоритъ дѣйствительности.

Такимъ образомъ работа шла у него медленно, — тѣмъ болѣе, что, возвысившись до чистаго художественнаго критицизма, онъ сдѣлался очень строгъ къ самому себѣ и безпрестанно оставлялъ себя вопросами: «Зачѣмъ? къ чему это? какая отъ этого будетъ польза?» и т. п. Онъ написалъ было уже второй томъ «Мертвыхъ Душъ», но, повинуясь своему непреложному внутреннему суду, сжегъ его вмѣстѣ съ прочими своими произведеніями, существовавшими въ рукописи, какъ недостойное обнародованія. Пробовалъ писать вновь, но ничто его не удовлетворяло. Христіанинъ и художникъ спорили еще въ немъ другъ съ другомъ и не сились въ одно животворное духовное существо. Онъ былъ доволенъ только своими письмами къ знакомымъ и друзьямъ о томъ, что занимало его пересовѣтливую себѣ душу, и, обрадовавшись, что могъ высказываться хоть въ этой формѣ, издалъ выборъ изъ писемъ особою книжкою. Онъ надѣялся, что этими письмами обратить вниманіе общества на то, что онъ называлъ дѣломъ жизни, и что, заставивъ говорить другихъ, заговорить самъ о Россіи. Но, вмѣсто разрѣшенія предложенныхъ имъ въ «Перепискѣ» вопросовъ, грамотные русскіе люди принялись судить и рѣдить о самомъ авторѣ. Это заставило его снова погрузиться въ самого себя и признать себя недозрѣвшимъ еще до того, чтобы произнести умное и нужное человѣку слово. Мало по малу онъ пришелъ наконецъ къ убѣждѣнію, что его сочиненія, какъ писателя не вполнѣ организовавшагося, могутъ скорѣе принести вредъ, нежели пользу, и что поэтому онъ, какъ честный человѣкъ, долженъ положить перо до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ себя вполнѣ приготовленнымъ къ своему дѣлу. Смиренномудрый въ высшей степени и постоянно одушевляемый каждою приносить пользу ближнимъ, Гоголь усомнился наконецъ даже въ томъ, дѣйствительно ли поприще

жасателя есть прямѣе его назначеніе. Вмѣстѣ съ вѣрою, кото-
рая была глубоко виѣдрена въ него воспитаніемъ и прояснѣла
посредствомъ анализа, произведенного имъ надъ своей душою;
въ немъ возгорѣлась прежняя страсть къ службѣ государствен-
ной. Только теперь ужъ онъ не строилъ себѣ, какъ прежде, ни-
какикъ плановъ ласательно должностіи, которая должна бытъ
создана собственно для него. Теперь онъ смотрѣлъ на себя,
какъ на обыкновенного человѣка, и всѣ мѣста по службѣ каза-
лись ему одинаково значительными, если только, служа Царю
земному, служить этимъ самимъ и поставившему его Господу.
Онъ рѣшился возвратиться въ Россію и немедленно вступить въ
государственную службу, — только выбрать себѣ должность по
своимъ способностямъ, такую должностію, которая бы дала ему
возможность изучать русскаго человѣка практически, съ тѣмъ,
что если возвратится къ нему творчество, то чтобы у Него на-
брались матеріалы. Такъ совершилось въ Гоголѣ безпрѣмѣрное
перерожденіе, торжество христіаница надъ художникомъ и по-
томъ возрожденіе художника въ христіанинѣ, — словомъ, ду-
шевное пересозданіе, возведшее его на ту степень поэтическаго
творчества, на которой онъ явился во второмъ томѣ «Мертвыхъ
Душъ». Онъ понялъ, что онъ ужъ другой человѣкъ, что ученіе
его кончилось, что онъ вступаетъ на новое поприще служенія
ближнему, какова бы ни была форма этого служенія; и вотъ
онъ отправляется въ Іерусалимъ помолиться своему Божест-
венному Учителю на томъ мѣстѣ, которое было освящено Его
стопами, испросить у Него новыхъ силъ на дѣло, къ которому
готовился всю жизнь, и поблагодарить Его за все, что ни слу-
чилось съ нимъ въ жизни.

Вотъ объясненіе предпріятія, которое, во мнѣнію людей
стоявшихъ вдали отъ Гоголя, казалось явленіемъ совершенно
отдѣльнымъ отъ всего въ его жизни, но которое теперь оказы-
вается въ тѣсной и необходимой связи съ его душевною исторі-
єю. Гоголь вообще дѣйствовалъ такъ проочно, какъ дѣйствуетъ
ребенокъ, какъ дѣйствуетъ поэтъ или природа.

Объясненіе побудительныхъ причинъ къ путешествію ко
Святымъ мѣстамъ составленное мною по слухамъ о его заду-
шевныхъ признаніяхъ, прольетъ для насъ новый свѣтъ и на
многое въ исторіи внутренней жизни нашего поэта. Но сѣ это-
го для насъ понятие будеть «далъвѣшай» переписка его

друзьями. Но, къ сожалѣнію, 1847 и 1848 годы прешли въ молчаніи съ обѣихъ сторонъ между Гоголемъ и воспріемникомъ первыхъ его произведеній. Причину этому объяснить трудно. Она, можетъ быть, объясняется впослѣдствіемъ. Но мы знаемъ, что, посреди тогдашнихъ политическихъ бурь, поэту нашъ сохранилось такое спокойствіе, какое хранилъ опытный и дальновидный старикъ, наблюдая горячую и кратковременную ссору юношней. Это намъ известно изъ письма къ нему Жуковскаго «О поэзѣ и современномъ его значеніи», написаннаго въ отвѣтъ на его письмо. Гоголь назвалъ искусство примиреніемъ съ жизнью и, развивая эту тему, просилъ, видно, Жуковскаго разрѣшить ему нѣкоторыя сомнѣнія, относительныя поэтическаго творчества. Жуковскій прекрасно разъяснилъ сущность его задачи и привелъ свою рѣчь къ слѣдующей исцѣвѣди поэта:

Не счастія, не славы здѣсь
Ищу я; быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя инѣ сердца
На высоту, — зарей, побѣду дна
Предвозвѣщающей, — великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лекарствомъ душъ, безвѣремъ крушимиыхъ,
И сторожемъ нетѣлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернутъ, чтобы порой для смертныхъ
Ее приподынматъ и святость жизни
Язвить во всей ея красѣ небесной —
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье! •

Обратимся теперь къ тому времени, когда онъ, совершивъ путешествіе въ Іерусалимъ, возвратился въ отчество. Вотъ первое письмо, которое онъ написалъ къ П. А. Плетневу, послѣ долгаго молчанія.

• Декабря 15. (1849.) Москва.

«Мы давно уже не переписывались. И ты замолчалъ, и я замолчалъ. Я не писалъ къ тебѣ отчасти потому, что самъ хотѣлъ быть въ Петербургѣ, а отчасти потому, что нашло на меня *не-писательное* (*) расположение. Всѣ кругомъ на меня жалуются, что не пишу. При всемъ томъ, мнѣ кажется, виновать не я, но

(*) Это слово подчеркнуто Гоголемъ.

умственная спячка, меня одолѣвшая. «Мертвые Души» тоже тянутся лѣниво. Можетъ быть, такъ оно и слѣдуетъ, чтобы имъ не выходить.. Теперь люди не годятся какъ будто въ читатели, не способны ни къ чему художественному и спокойному. Сужу объ этомъ по приему «Одиссеи». Два-три человѣка обрадовались ей, и то люди уже отходящаго вѣка. Никогда не было еще замѣтно такого умственнаго безсилія въ обществѣ. Чувство художественное почти умерло. — Но ты и самъ, безъ сомнѣнія, свидѣтель многаго. Пожалуста, отправь это письмо къ Гроту (*) и сообщи мнѣ его точный адресъ. Передай также мой душевный поклонъ Б—нымъ и скажи имъ, что я всегда о нихъ помню. За тѣхъ, обнимая съ тобой вмѣстѣ всѣхъ близкихъ твоему сердцу, остаюсь

«Твой весь

«Н. Г.

«Адресъ мой: въ домѣ Талызина, на Никитскомъ Бульварѣ.

«Объ «Одиссѣи» не говорю. Что сказать о ней? Ты вѣрно наслаждался каждымъ словомъ и каждой строчкой. Благословенъ Богъ, посылающій намъ такъ много добра посреди золъ!»

Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ (21 января 1850 года) Гоголь писалъ къ своему другу изъ Москвы слѣдующее:

«Не могу понять, что со мною дѣлается. Отъ преклоннаго ли возраста, дѣйствующаго въ нась вяло и лѣниво, отъ изнурительнаго ли болѣзненнаго состоянія, отъ климата ли, производящаго его, но я просто не успѣваю ничего дѣлать. Время летить такъ, какъ еще никогда не помню. Встаю рано, съ утра принимаюсь за перо, никого къ себѣ не впускаю, откладывая на сторону все прочія дѣла, даже письма къ людямъ близкимъ,—и при всемъ томъ такъ немного изъ меня выходитъ строкъ! Кажется, просидѣлъ за работой не больше, какъ часъ, смотрю на часы — уже время обѣдать. Нѣкогда даже пройтись и прогуляться. Вотъ тебѣ вся моя исторія. Конецъ дѣлу еще нескоро, т. е. разумѣю конецъ «Мертвыхъ Душъ». Всѣ почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, какъ набросаны; собственно написанныхъ двѣ-три и только. Я не знаю даже, можно ли творить быстро собственно художническое произведеніе. Это можетъ

(*) Якову Карловичу.

М.

только единъ Богъ, у которого все подъ рукой: и Рассумъ и Слово съ Нимъ.. А человѣку нужно за словомъ ходить въ карманъ, а разума донескиваться.— У С*** я точно врагостиль осеню. Не писалъ о ней потому, что полагалъ тебя знающимъ насчетъ ея черезъ Аркадія Ос. Р***, которому при этой вѣрной оказіи передай мой душевный поклонъ. Она въ началѣ было тосковала и больше хворала. Въ послѣднее же время, какъ мнѣ показалось, она чувствовала себя лучше. Всего больше меня порадовало то, что она принялась именно за то дѣло, за которое всякая женщина, по моему, должна бы приняться съ самаго начала, то есть за хозяйство и всякія экономическія заботы по имѣнію. Теперь я слышу, что она ихъ продолжаетъ и за ними не скучаетъ. Отъ этого и самое злоровье ея, говорятъ, лучше. Такъ мнѣ о ней рассказывали видѣвшіе ее еще недавно въ Калугѣ. Дочери у неї вышли очень миленькия, обѣ почти певѣсты; вторая даже красавица. Воспитываются хорошо, благодаря гувернанткѣ миссъ О***, уединенію и близости отъ жизни деревенской. Какъ живешь ты? съ кѣмъ видашься и о чёмъ разговариваешь чаще? Передай поклонъ милой супругѣ своей и милой дочери. На меня не сердись и люби погому, что я также тебя люблю, а письмо— дрань. Оно никогда не можетъ выразить и десятой доли человѣка. Поэтому-то я никогда не сержусь на друга, если онъ напишетъ письмо коротенькое и не такъ обстоятельно, какъ бы хотѣлось. У меня правило: всякое письмо считать подаркомъ; а дареному коню въ зубы не смотрять. Прощай. Хотѣлъ было просить тебя взять изъ ломбарда послѣдній кушъ денегъ, но раздумалъ. Пусть ихъ лежать; авось какъ пибуль изворочусь. Впрочемъ, увѣдомь, можно ли брать по частямъ, или нѣтъ?

«Твой весь

«Н. Г.»

Осенью 1849 года М. А. Максимовичъ, соскучась жить въ своемъ живописномъ, но пустынномъ и отдаленномъ отъ большихъ дорогъ помѣстѣ надъ Днѣпромъ, перѣхалъ въ Москву, къ старымъ своимъ знакомымъ и друзьямъ. Пребываніе Гоголя въ Москвѣ было для него одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ этой поѣздкѣ. Гоголь вѣль жизнь уединенную, но любилъ посидѣть и помолчать въ кругу хорошо известныхъ ему людей и старыхъ пріятелей, а иногда оживлялся юношескою веселостью, и тогда не было предѣла его затѣйливымъ выход-

камъ и съмъху. Особенно привлекалъ его къ себѣ домъ А—выхъ, гдѣ онъ слушалъ и самъ пѣвалъ народныя пѣсни. Гоголь до конца жизни сохранилъ страсть къ этимъ произведениямъ поэзіи и, по возвращеніи изъ Іерусалима, болѣе полугода бралъ уроки сербскаго языка у О. М. Бодянскаго, для того, чтобы помнить красоты пѣсемъ, собранныхъ Вукомъ Караджичемъ. Пѣсня русская вообще увлекала его сердце непобѣдимою силой, какъ живой голосъ всего огромнаго населенія его отечества, — это намъ хорошо известно изъ его собственныхъ признаній. «Я да сихъ порь — говорить онъ — не могу выносить тѣхъ заунывныхъ, раздирающихъ звуковъ нашей пѣсни, которая стремится по всемъ безпредѣльнымъ русскимъ пространствамъ. Звуки эти вются около моего сердца (')....» Но къ малороссійской пѣснѣ онъ сохранилъ чувство, подобное тому, какое остается въ нашей душѣ къ прекрасной женщинѣ, которую мы любили въ ранней молодости. Много прошло новыхъ чувствъ и новыхъ привязанностей черезъ нашу душу; не разъ перегорѣла она инымъ огнемъ, не разъ мы убѣждали себя, что —

«Погасшій пепель ужъ не вспыхнетъ....»

Но когда наконецъ мы успокоимся не на шутку, и всѣ молодыя наши страсти сдѣлаются для насъ предметомъ разсудительного созерцанія, мы съ удивленіемъ замѣчаемъ и скоро убѣждаемся, что всѣхъ могущественнѣе владѣетъ нашою душою ранѣе всѣхъ охладѣвшая привязанность. Она ужъ не волнуетъ нашего сердца страстными вишеніями, не поднимаетъ насъ къ небесамъ наитѣми невыразимаго блаженства, не погружаетъ въ преисподнюю мрачнаго унынія и отчаянія, но безотчетно радуетъ, какъ радуютъ ребенка ласки матери, и, помолодѣвъ сердцемъ, мы предаемся ей довѣрчиво и беззаботно, какъ испытанному другу, и ужъ ничто не замѣнить для насъ ея сладостныхъ ощущеній. Такъ я объясняю увлеченіе, съ какимъ Гоголь передъ концомъ своей жизни слушалъ и пѣвалъ украинскія пѣсни. Приглашая своего земляка и знатока народной поэзіи О. М. Бодянскаго на вечера къ А—вымъ, которые онъ посѣщалъ чаще всѣхъ другихъ вечеровъ въ Москвѣ, онъ обыкновенно говоривалъ: «Учимся пѣснямъ нашей Малороссіи», и, действительно, онъ учидался ими

(*) « Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями », стр. 135.

такъ, что вной куплетъ повторялъ разъ тридцать сряду, въ какомъ-то поэтическомъ забытьи, пока наконецъ надоѣдалъ самыи страстныи любителямъ малороссійскихъ пѣсень, и земляки останавливали его словами: «Годи, Мыколо, годи!» (*)

Какія же пѣсни особенно любилъ Гоголь? Современемъ предавіе объ этомъ исчезнетъ, и мы не будемъ знать, какіе мотивы, какія мелодіи трогали струны чуткой души поэта. А можетъ быть, на родинѣ почитатели его таланта, въ воспоминаніе о немъ, пожелали бы пѣсть именно тѣ пѣсни, которыми онъ «упивался». Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ лучше почтить память поэта, какъ не пѣснами? Назовемъ эти пѣсни по преимуществу гоголевыми. (**)

1.

Не буду я жениться,
Бо шо миа въ тѣго?
Не стае миа десять грошней
До пивъ-золотого....

2.

Ой знаты знаты,
Хто кого любить:
Блызенько сидае
Та й прыголубить....

3.

Казала Солоха прыйды,
Щось дамъ, щось дамъ....

4.

Зчорнивъ я, змарнивъ я,
По полю ходачы,
За тобою, дивчинонько,
Тужачы, тужачы....

5.

Чы ты жъ мене, моя маты,
На инсти куныла,
Що всимъ дала по деломъци,
А мене втопыла?...

6.

Журылася попадя
Свою бидою....

(*) Т. е. «Полно, Николай, полно!»

(**) Въ своемъ исчислениіи гоголевыхъ пѣсень я руководствовался указаніемъ трехъ авторитетовъ: С. Т. А***, О. М. Бодянского и М. А. Максимовича.

7.

Ой дивчыно серденько, чыя ты?
Ой чы выйдешь на юлыцю гулять?

8.

Ой посіявъ мужыкъ
Та й у поли ячинъ;
Мужыкъ каже: Ячинъ,
Жинка каже: Гречка;
Не мовъ мини не словечка,
Нехай буде гречка!..

9.

Ой разсердывся мій милый на мене....

Эта пѣсня переведена имъ на русскій языкъ въ статьѣ «О малороссійскихъ пѣсняхъ» (*), какъ образецъ «глубины чувствъ», выражющейся въ украинской народной поэзіи. Она была известна ему съ детства, и онъ любилъ припомнить, отъ кого и какъ онъ ей научился.

10.

Та оравъ мужыкъ ірай дорогы
А въ юго волы круторогы....

11.

Ой ты живешъ на горомъци,
А я пидъ горою;
Ой чы тужышишъ такъ за мною,
Якъ я за тобою?...

12.

Ой бида, бида
Чайци небози,
Що вывела дитки
Пры бытій дорози!...

13.

Больть моя головонька
Одъ самого чола:
Не бачыла мыльеньского
На теперь, ни вчора....

14.

Полюбила Петруся
Та й сказать боюся...

15.

Одна гора высокая,
А другая низкая:

(*) «Арабески», ч. II, стр. 101.

Одна мыла далекая,
А другая близька....

16.

Чы се тыи чоботы,
Що зять давъ?
А за тыи чоботы
Дочку взявъ....

17.

Да чы я въ лузи не кальва буза,
Да чы я въ лузи не червона була?

18.

Ой на двори метельца;
Чому старый не женыща?...

19.

Ой оре Семенъ, оре
Та чорными золами....

20.

Ой не ходы, Грыцю,
На вечорыцю:
На вечорыцяхъ
Дивки чаривници....

21.

Ой ходывъ чумакъ
Симъ рикъ по Дону,
Та не було прыгодонъки
Наконы юму!...

22.

Ой чый же се дверъ?
Прыточизъ бы я свій;
Хорошая, чорнявая —
Я ходывъ бы ихъ іш...

23.

И дощца вде;
И метельца гуде;
Дивчина казака
Черезъ юзыцю веде....

24.

Ой пидъ выпицькою,
Пидъ черешенькою
Столъ старый въ молодою
Якъ изъ ягодою....

25.

Ой у поли могыла
 Зъ витромъ говорыла,
 Повій, витре, ты на мёне,
 Щобъ я не чорнила....

26.

Ой на гори
 Та женци жнуть,
 А по пидъ горою,
 По пидъ земеново
 Козакы йдуть....

27.

Та журба мене зкрушила,
 Та журба жъ мене зсушила....

28.

У поли крыныченька,
 Холодна водыченька, —
 Тамъ чумакъ волы наповае....

29.

Ой краче, краче та чорненький воронъ
 Та на глыбокій долині:
 Ой плаче, плаче молодой козаче
 Пры непраслывый годыни....

30.

Ой нарада кары очы, израда....
 Чому жъ въ тебе, козаченьку, не вся щыра правда?

31.

Ой пидъ гаемъ—гаемъ,
 Гаемъ зеленъкымъ,
 Тамъ орала дивчынояка
 Волькомъ чорненъкимъ....

32.

Гоминъ—гоминъ по дуброви,
 Туманъ поле покрытое,
 Маты сына прогоняе....

33.

Ой въ-цидъ гаю, гаю,
 Зъ-пидъ чорвого гаю,
 Ой крикиулы козаченьки:
 • Утикай Нечаю! •

34.

Ой ты дивчыно,
 Горда та пышна!

Чомъ ты до мене
Зъ вечора не вышла?

35.

У Кыеви на рынке
Пьють козакы горилку....

Самыми любимыми изъ этихъ пѣсенъ были напечатанные подъ номерами 12, 21 и 25; пѣсня подъ номеромъ 28 была одною изъ первыхъ, которыми Гоголь научился въ дѣтствѣ. Главною его музою въ этомъ случаѣ была его тетка, о личности которой интересно было бы собрать возможно полныя свѣдѣнія. Въ жизни Вальтера Скотта играла важную роль тетка его миссъ Ани Скоттъ, первая поэтическая натура, съ которой сблизили его обстоятельства его дѣтства. Можетъ быть, здѣсь было то же самое.

Жаль, что мы не вспомнили еще, такъ сказать, во вкусѣ біографій и какъ-то холодно собираемъ материалы для этого рода сочиненій, а между тѣмъ едва ли въ какомъ нибудь другомъ родѣ могутъ быть совмѣщены серьёзный интересъ исторіи, глубокія психологическія изслѣдованія и самый роскошный романтизмъ. Поэтому-то, можетъ быть, хорошая біографія появляется только въ литературахъ народовъ, стоящихъ уже на высокой степени общественного развитія. Тамъ она находитъ много цѣнителей, съдовательно много и дѣятелей для скощенія материаловъ, изъ которыхъ ужъ потомъ такой человѣкъ, какъ Вальтеръ-Скоттъ, какъ Вашингтонъ Ирвингъ, какъ Томасъ Муръ, строитъ цѣлое и вѣчное созданіе. Будемъ надѣяться, что и наши знаменитыи личности не останутся безъ подробныхъ мемуаровъ для будущихъ біографовъ. Чѣмъ касается до пишущаго эти строки, то онъ, понимая вполнѣ важность предмета, старался разузнать отъ кого только могъ обо всемъ касавшемся Гоголя и желаетъ лучше быть въ своемъ изложеніи отрывочнымъ, нежели пренебречь какимъ-нибудь извѣстнымъ ему моментомъ жизни поэта.

Простота воззрѣнія Гоголя на жизнь и стремленіе прими-
риться съ нею какъ можно болѣе, выразились въ его переѣздѣ
изъ Москвы въ Малороссію, лѣтомъ 1850 года. Гоголь, какъ из-
вѣстно, боялся холода и потому не хотѣлъ оставаться на зиму
въ Москвѣ. Между тѣмъ въ его планы не входили уже новыи
поѣздки за границу: онъ готовился къ изданію второго тома
«Мертвыхъ Душъ». Итакъ, онъ избралъ своимъ зимовьяемъ Одес-

су, откуда намѣревался проѣхать въ Грецію или въ Константинополь. Для этого онъ началъ заниматься новогреческимъ языкомъ, по молитвеннику, который, во время переѣзда въ Малороссію, составлялъ единственное его чтеніе. Онъ читалъ его по утрамъ вместо молитвы, стараясь, однакожъ, дѣлать это тайкомъ отъ своего спутника.

Спутникомъ же его былъ не кто другой, какъ М. А. Максимовичъ, съ которымъ онъ договорилъ заѣзжаго еврея съ извѣстною будкою на колесахъ, называющеюся, для красоты слога, брикою или шарабашомъ. Въ нее предполагалось положить вещи, а сами путешественники намѣревались сѣсть въ рессорную бричку, принадлежавшую г. Максимовичу. Но еврей, порядившися везти Гоголя, надулъ его самымъ плутовскимъ образомъ. Ему нужно было только остататься подъ этимъ предлогомъ въ Москвѣ до получения паспорта, а потомъ онъ начисто отперся отъ своего словеснаго обязательства.

Гоголь былъ въ страшней досадѣ, но дѣлать было нечего. И вотъ пріискиваютъ ему другого «долгаго» извоѣщика, уже изъ православныхъ; тотъ закладываетъ въ свою громадную телѣту тройку коренастыхъ, но тупыхъ на ногу, лошадей; укладываются въ нее пожитки обоихъ литераторовъ; впряженается такая же тройка въ бричку г. Максимовича, и 13 июня (1850) они выѣжаютъ изъ Москвы въ безконечно долгую дорогу черезъ нѣсколько губерній.

По разсказу г. Максимовича, они оставили Москву въ пятомъ часу по полудни, или, говоря точнѣе, въ это время они выѣхали изъ дома А—выхъ, у которыхъ они на прощанье обѣдали. Первую вѣчь провели въ Подольскѣ, гдѣ въ то же время ночевали Х—вы, съ которыми Гоголь и его спутникъ провели вечеръ въ дружеской бесѣдѣ. На 15-е іюня ночевали въ Маломъ Ярославцѣ; утромъ служили въ тамошнемъ монастырѣ молебень; напились у игумна чаю и получили отъ него по образу св. Николая. На 16 число ночевали въ Калугѣ, и 16-го обѣдали у г-жи С***, искренней пріятельницы Гоголя, который питатель къ ней глубокоеуваженіе. 19-е іюня путники наши провели у И. П. К***, въ Долбинѣ, гдѣ вѣкогда проживалъ Жуковскій и написалъ лучшія свои баллады; а 20 у г-жи А. П. Е*** въ Петрищевѣ. Наконецъ, 25 іюня, разстались въ Глуховѣ, откуда Гоголь уѣхалъ въ Яновщину, въ коляскѣ А. М. Маркевича.

Странцымъ иному покажется, что Гоголь не былъ въ состояніи ъхать на почтовыхъ; но таковы именно были тогдашнія его обстоятельства. По крайней мѣрѣ онъ считалъ необходиимъ отказать себѣ въ этомъ удобствѣ и прелюбопочестъ медленную и дешевую ъзду быстрой и дорогой. Между тѣмъ мнѣ известно, что онъ взѣ матери рублей сто серебромъ, или немнogo болѣе, въ подарокъ. Онъ былъ «все тотъ же пламенный, признательный, никогда незагашавшій вѣчного огня привязанности къ родинѣ и роднымъ.» (*) Межлу прочимъ, путешествіе на долгихъ было для него уже какъ бы началомъ плана, который онъ предполагалъ осуществить впослѣдствіи. Ему хотѣлось совершиТЬ путешествіе по всей Россіи отъ монастыря къ монастырю, ъзля по проселочнымъ дорогамъ и останавливаясь отдохнуть у помѣщиковъ. Это ему было нужно, во первыхъ, для того, чтобы видѣть живописнѣйшія мыста въ государствѣ, которыя болѣшею частью были избираемы старинными русскими людьми для осмородженія монастырей; во вторыхъ, для того, чтобы изучить проселки русского царства и жизнь крестьянъ и помѣщиковъ во всемъ ея разнообразіи; въ третьихъ, наконецъ, для того, чтобы написать географическое сочиненіе о Россії самымъ увлекательнѣимъ образомъ. Обо всемъ этомъ говорилъ Гоголь у г-жи С***, въ присутствіи графа А. К. Т***, который былъ знакомъ съ нимъ издавна, но потомъ не видалъ его лѣтъ шесть или болѣе. Онъ нашелъ въ Гоголѣ большую перемѣну. Прежде Гоголь, въ бесѣдѣ съ близкими знакомыми, выражая много добродушія въ охотно вдававшися во всѣ капризы своего юмора и воображенія; теперь онъ былъ очень скучъ на слова, и все, что имъ говорилъ, говорилъ, какъ человѣкъ, у которого неотступно пребывала въ головѣ мысль, что «съ словомъ надобно обращаться честно», или который исполненъ самъ къ себѣ глубокаго почтенія. Въ томъ его рѣчи отзывалось что-то догматическое, такъ, какъ бы онъ говорилъ своимъ собесѣдникамъ: «Слушайте, не прероните ни одного слова.» Тѣмъ не менѣе, однакожъ, бесѣда его была исполнена души и эстетического чувства. Онъ изопотчивалъ графа двумя малороссийскими колыбельными пѣснями, которыми восхищалася, какъ рѣдкими самородными перлами. Вотъ онъ:

(*) См. выше, 1-е письмо къ матери изъ Нижнага.

1.

«Ой спы, дытия, безъ сповыття.
 Пожы маты въ поля прыйде
 Та прыйесе тры квіточки :
 Одна буде дримльвая,
 Друга буде сонькая,
 А третя щасльвая.
 Ой щобъ спало — щастя мало,
 Та щобъ росло — не болило,
 На серденько не скорбило !
 Ой ристочки у кисточки.
 Здоровыячко на сердечко,
 Роазумъ добрый въ головоньку.
 Соньки-дрикни у виченъки !»

2.

«Ой ходить сонъ по улоньци,
 Въ билесенъкій кошулоньци ;
 Слоняепца, тыняепца,
 Гѣсподоньки пытаецца :
 А де хата теплесенъка,
 И дытына малесенъка,
 Туды піайду почуваты
 И дытыны колыхаты.
 А въ нась хата теплѣнъка
 И дытына малѣнъка ;
 Ходы до нась почуваты
 И дытыны колыхаты !
 Ходы, сонку, въ колысочку,
 Прыспы нашу дытыночку !»

Всегдѣ за тѣмъ Гоголь попотчиваѣтъ графа лакомствомъ другого сорта : онъ пролекламировавъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ, великорусскую пѣспю, выражая голосомъ и мимикою патріархальную величавость русскаго характера, которой исполнена эта пѣсня.

«Пантелеїй государь ходить по двору,
 Кузьмичъ гулляетъ по широкому :
 Кунья на немъ шуба дѣ земли,
 Соболя на немъ шапка дѣ верху,
 Божья на немъ милость дѣ вѣку.
 Бряре-то смотрѣть изъ города,
 Боярыни-то смотрѣть изъ терема,
 Сужена-то смотрѣть изъ-подъ пологу.
 Бояре-то молвять : Чей то такой ?

Боярьши-то молвятъ: Чей то господинъ?
А сужена молвить: Мой дорогой!»

Изъ приведенныхъ выше чиселъ видно, что путешественники наши подвигались впередъ довольно медленно; но Гоголь не чувствовалъ, по видимому, никакой скуки и постоянно обнаруживалъ самое спокойное состояніе души, какъ во время ъезды, такъ и на постоянныхъ дворахъ. Его все занимало въ дорогѣ какъ ребенка, и онъ часто для выраженія своихъ желаній употреблялъ языкъ, какимъ любятъ объясняться между собою школьніки. Такъ, напримѣръ, ложась спать, онъ «отправлялся къ Храповицкому», а когда желалъ только отдохнуть, то говоривалъ своему спутнику: «не пойти ли намъ къ Полежаеву?» Хаживалъ онъ также къ «Обѣдову» и къ другимъ господамъ по разнымъ надобностямъ, и все это безъ малѣйшаго вида шутки. (*) Когда надоѣдало ему сидѣть и лежать въ телѣгѣ, онъ предлагалъ товарищу «пройти пѣхондака» и мимоходомъ собирая разные цветы, вкладывалъ ихъ тщательно въ книжку и записывалъ ихъ латинскія и русскія названія, которыя говорилъ ему г. Максимовичъ. Это онъ дѣлалъ для одной изъ своихъ сестеръ, страстью любительницы ботаники. У него было очень тонкое обоняніе. Иногда, вѣзжая въ лѣсъ, онъ говорилъ: «Тутъ сосна должна быть: такъ и пахнетъ сосной», и, действительно, путешественники открывали между березъ и дубовъ сосновыя деревья. На станціяхъ онъ покупалъ молоко, снималъ сливки и очень искусно дѣлалъ изъ нихъ масло, съ помощью деревянной ложки. Въ этомъ занятіи онъ находилъ столько же удовольствія, какъ и въ собираніи цветовъ, и никто бы не узналъ въ немъ, что мы привыкли разумѣть подъ именемъ поэта. Онъ былъ простой путешественникъ, немножко разсѣянный, немножко прихотливый, порою дѣтски затѣянный, порою какъ будто грустный, но постоянно спокойный, какъ бываетъ сно-коенъ старикъ, переиспытавшій много на вѣku своемъ и убѣдившійся окончательно, что все въ мірѣ совершается по строгимъ

(*) Въ «Мертвыхъ Душахъ», на стр. 362, мы читаемъ: «... Всѣ тѣ, которые прекратили давно уже всякія знакомства и вились только, какъ выражаются, съ помѣщиками Завалишинымъ и Полежаевымъ (изменятые термины, произведенные отъ глаголовъ полежать и завалиться, которые въ большомъ ходу у насъ на Руси, все равно какъ фраза: заѣхать къ Сопикову и Храповицкому)....»

законамъ необходимости, и что причина каждого непріятнаго для нась явленія можетъ скрываться виѣ границъ не только нашего вліянія, но и нашего вѣдѣнія. По дорогѣ онъ любилъ заѣждать въ монастыри и молиться въ нихъ Богу. Особенно понравилась ему Оптинская пустынь, на рѣкѣ Жиздрѣ, не доѣзжая Калуги. Гоголь, приближась къ ней, прошелъ съ своимъ спутникомъ до самой обители версты две пѣшкомъ. На дорогѣ встрѣтили они дѣвочку съ мисочкой клубники и хотѣли купить у нея клубнику; но дѣвочка, узнавъ, что они люди дорожные, не захотѣла взять отъ нихъ денегъ и отдала имъ свои ягоды даромъ, отговариваясь тѣмъ, что «какъ можно брать съ страннихъ людей деньги?»

— Пустынь эта распространяетъ благочестіе въ народѣ, замѣтилъ Гоголь, умиленный этимъ, конечно рѣдкимъ, явленіемъ.

— И я не разъ замѣчалъ подобное вліяніе такихъ обителей.

Во время дороги Гоголь вообще, кромѣ обычныхъ своихъ шуточекъ, говорилъ мало, и въ этомъ маломъ мысли его обращались преимущественно къ предметамъ практической жизни. Такъ, напримѣръ, онъ разсуждалъ о современной страсти къ комфорту и роскоши и приходилъ къ такому заключенію, что намъ «необходимо пріучать себя къ суровости жизни, а то комфортъ и роскошь заводятъ насъ такъ далеко, что мы проматываемся часъ отъ часу болѣе, и ваконецъ намъ нечѣмъ жить.» На этомъ основаніи, онъ отвергалъ употребленіе въ сельскомъ быту рессорныхъ экипажей, особенно для людей его состоянія, и придумывалъ, какъ бы взять въ этомъ случаѣ средину между дорогимъ комфортомъ и грубою дешевизною.

Всего замѣчательнѣе въ его сужденіяхъ о жизни было то, что онъ всякую идею пріимѣривалъ сперва на себя и потомъ уже пускалъ ее въ ходъ для служенія ближнимъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ не былъ похожъ на тѣхъ философовъ, которые заботятся о воздержаніи прочихъ, не зная никакихъ предѣловъ собственнымъ прихотямъ. Онъ ъхалъ на простой телѣгѣ и разсуждалъ объ упрощеніи помѣщичьяго быта. Онъ утверждалъ, что такія религіозныя учрежденія, какъ Оптинская пустынь, распространяютъ благочестіе въ народѣ, и подтверждалъ искренность своего учѣденія своимъ посвященіемъ иноческихъ обителей и своими молитвами въ нихъ. Онъ проповѣдовалъ терпѣніе и вс-

полненіе ближайшаго своего долга (*), явилъ въ себѣ образецъ терпѣнія изумительнаго и совершенное безстрастіе къ тому, что не входило въ предѣлы его литературной дѣятельности. Это была истинно гениальная, самообразующая себя натура, въ которой передъ нашими глазами совершилась борьба добрыхъ на-
чалъ съ злыми, въ ободреніе и въ назиданіе всѣхъ, созерца-
шихъ ее. (**)

Прихотливость Гоголя въ дорогѣ обнаруживалась въ томъ, что онъ кромѣ чаю пилъ еще и кофе, который варили собствен-
но ручно на самоварѣ, и если могъ остановиться отдохнуть въ гостиницѣ, то всегда предпочиталъ ее постоянному двору. Впро-
чемъ, онъ дѣлалъ эту уступку своимъ строгимъ правиламъ жиз-
ни, вѣроятно, только для поддержанія своего хилаго здоровья, о

(*) Не задолго до своей смерти Гоголь написалъ своимъ друзьямъ слѣдующее «напутственное слово»:

Благодарю васъ много, друзья мои; вами украшалась много жизни моя. Считаю долгомъ сказатъ вамъ теперь напутственное слово.... Не смущайтесь никакими событиями, какія ни случаются вокругъ васъ. Дѣлайте каждый свое дѣло, молись въ тишинѣ. Общество тогда толь-
ко исправится, когда всякий честный человѣкъ займется собою и будетъ жить какъ христіанинъ, служа Богу тѣми орудіями, какія ему дады, и стараясь имѣть доброе вліяніе на небольшой кругъ людей, его окружающихъ. Все прійдетъ тогда въ порядокъ; сами собой уста-
новятся тогда правильныя отношенія между людьми, опредѣлятся предѣлы законные всему, и человѣчество движется впередъ....

(**) Когда я написалъ эти строки, мнѣ пришла на мысль одна изъ страницъ «Переписки» Гоголя, и я подивился искренности убѣжденія, съ которымъ онъ проповѣдовалъ друзьямъ своимъ ученіе о самосо-
вершенствованіи.

Не останавливайтесь, учи и давай советы! говорить онъ — Но ес-
ди хочешь, чтобы это принесло въ то же время тебѣ самому пользу,
дѣлай такъ, какъ думаю я, и какъ положилъ себѣ открыть дѣлать все-
то. Всякий советъ и наставленіе, какое ни случилось кому дать, хотя бы даже человѣку, стоящему на самой низкой степени образования,
съ которымъ у тебя ничего не можетъ быть общаго, обрати въ то же
дремя къ самому себѣ, и то же самое, что посовѣтовалъ другому, по-
совѣтуй себѣ самому: тотъ же самый упрекъ, который сдѣлалъ другу-
му, сдѣлай тутъ же себѣ самому. Повѣрь, все придется къ тебѣ са-
мому, и я даже не знаю, есть ли такой упрекъ, которымъ бы нельзя
было упрекнуть себя самого, если только пристально поглядишь на
себя.... Это дѣлай непрекращенно! Ни въ какомъ случаѣ не своди глазъ
съ самого себя. (Стр. 123.)

которомъ онъ выражался съ трогательною навынностью въ своихъ письмахъ, что оно ему нужно.

Г. Максимовичъ, прѣхавъ въ Москву на собственныхъ лошадяхъ, нашелъ для себя удобнымъ сбыть ихъ тамъ; однажды, не могъ разстаться съ старымъ конемъ, который служилъ ему усердно не сколько лѣтъ. Конь этотъ шелъ сзади телѣги на свободѣ и былъ во всю дорогу предметомъ наблюдений Гоголя.

— Да твой стариикъ просто жуиуреть! говорилъ онъ, замѣтить, что сзади повозки придѣланъ былъ для него рентухъ съ освомъ и сѣномъ.

Потомъ онъ дивился, что лишь только извощикъ двигался въ путь, ветеранъ г. Максимовича покидалъ свое стойло или зеленую лужайку и следилъ за кибиткою. Гоголь подмѣчалъ, не увлечетъ ли его какаянибудь конская страстишка съ прямого пути его обизанностей: пѣть, конь былъ истинный стрій и оставался вѣренъ своимъ правиламъ до конца путешествія. Впрочемъ, Гоголь разстался съ г. Максимовичемъ въ Глуховѣ и не могъ ужъ слѣдить за поведеніемъ его буцефала. Но когда Максимовичъ въ томъ же году посѣтилъ поэта на его родинѣ, онъ тотчасъ узналъ своего знакомца и освѣдомился о благосостояніи его ногъ.

Въ дорогѣ одинъ только случай явственно задѣлъ поэтическія струны въ душѣ Гоголя. Это было въ Сѣвскѣ, на Ивана Купалу. Проснувшись на зарѣ, наши путешественники услышали не подалеку отъ постоянаго двора какой-то странный напѣвъ, звонко раздававшійся въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ.

— Поди послушай, чѣо это такое, просилъ Гоголь своего друга: — не купаловыя алѣѣни? Я бы и самъ пошелъ, но ты знаешь, что я немножко изъ Глухова.

Г. Максимовичъ подошелъ късосѣднему дому и увидѣлъ, что тамъ умерла старушка, которую оплакиваютъ поочередно три дочери. Дѣвушки причитывали ей импровизированныя жалобы съ рѣдкимъ искусствомъ и вдохновлялись собственнымъ своимъ плачемъ. Все служило имъ темою для горестнаго речитатива: добродѣтельная жизнь покойницы, ихъ неопытность въ обхожденіи съ людьми, ихъ беззащитное сиротское состояніе и даже разныя случайнья обстоятельства. Напримѣръ, въ то время, какъ плачальщица голосила, на лицо покойницы сѣла му-

ха, и та, схвативъ этотъ случай съ быстротою вдохновенія, тотчасъ вставила въ свою рѣчь два стиха:

•Вотъ и мушенька тебѣ на личенько сѣла,
Не можешь ты мушеньку отогнati!•

Проплакавъ всю ночь, дѣвушки до такой степени наэлектризовались поэтически-горестными выраженіями своихъ чувствъ, что начали думать вслухъ тоническими стихами. Раза два появлялись онѣ, то та, то другая, на галерейкѣ второго этажа и, перебирая посуду или другія домашнія вещи, продолжали свои вопли и жалобы, «живо напоминая мнѣ», говорилъ г. Максимовичъ, Ярославну, плакавшую рано Путевлю городу на заборѣ...»

Когда онъ рассказалъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ поэту изъ подъ Глухова; тотъ былъ пораженъ поэтичностью этого явленія и выразилъ намѣреніе воспользоваться имъ при слушачѣ въ «Мертвыхъ Душахъ».

Принеся искреннюю благодарность М. А. Максимовичу за сообщеніе мнѣ разсказа о его путешествіи съ Гоголемъ изъ Москвы въ Малороссію, я долженъ, однакожь, сказать, что только соединеніе многихъ другихъ фактовъ изъ жизни поэта помогло мнѣ почувствовать характерную выразительность разныхъ мелкихъ обстоятельствъ этого путешествія. Тутъ я вспомнилъ то, что было сказано С. Т. А*** о трудности біографіи Гоголя, и внесу его слова въ мое сочиненіе, какъ важное дополненіе къ моей характеристицѣ поэта, или, говоря искренно, какъ камертонъ, по которому я выработалъ собственный взглядъ на Гоголя:

«Біографія Гоголя — говоритъ онъ (*) — заключаетъ въ себѣ особенную, исключительную трудность, можетъ быть, единственную въ своемъ родѣ. Натура Гоголя, лирически художническая, беспрестанно умѣряемая христіанскимъ анализомъ и самоосужденiemъ, проникнутая любовью къ людямъ, непреодолимымъ стремлениемъ быть полезнымъ, беспрестанно воспитывающая себя для достойнаго служенія истинѣ и добру, такая натура — въ вѣчномъ движениі, въ борбѣ съ человѣческими несовершенствами — ускользала не только отъ наблюденія, но даже иногда отъ пониманія людей, самыхъ близкихъ къ Гоголю. Они

(*) Московскія Вѣдомости. 1853 года, № 36.

нерѣдко убѣждались, что иногда не вдругъ понимали Гоголя, и только время открывало, какъ ошибочны были ихъ толкованія, какъ чисты, искренни его слова и поступки. Дѣло, впрочемъ, понятное: нельзя вдругъ оцѣнить и поверить тому чувству, котораго самъ дѣйствительно не имѣшь, хотя безпрестанно говоришь о немъ...»

Далѣе тотъ же писатель представляетъ прекрасную характеристику разнообразнаго пониманія Гоголя со стороны знакомыхъ съ нимъ лично.

«Гоголя, какъ человѣка — говорить онъ — знали весьма немногіе. Даже съ друзьями своими онъ не былъ вполнѣ, или, лучше сказать, всегда откровененъ. Онъ не любилъ говорить ни о своемъ нравственномъ настроепіи, ни о своихъ житейскихъ обстоятельствахъ, ни о томъ, что онъ пишетъ, ни о своихъ дѣлахъ семейныхъ. Кромѣ природнаго свойства замкнутости, это происходило оттого, что у Гоголя было постоянно два состоянія: творчество и отдохновеніе. Разумѣется, всѣ знали его въ послѣднемъ состояніи, и всѣ замѣчали, что Гоголь мало принималъ участія въ происходившемъ вокругъ него; мало думалъ о томъ, что говорятъ ему, и часто не думалъ о томъ, что самъ говоритъ. Къ этому должно прибавить, что разныя люди, знавшіе Гоголя въ разныя эпохи его жизни, могли сообщить о немъ другъ другу разныя извѣстія. Да не подумають, что Гоголь мѣшался въ своихъ убѣженіяхъ; напротивъ, съ юношескихъ лѣтъ онъ оставался имъ вѣренъ; но Гоголь шелъ постоянно впередъ: его христіанство становилось чище, строже; высокое значеніе цѣли писателя — яснѣ, и судъ надъ самимъ собою — суровѣе; итакъ, въ этомъ смыслѣ Гоголь измѣнялся. Но даже въ одно и то же время, особенно допослѣдняго своего отѣзда за границу, съ разными людьми Гоголь казался разнымъ человѣкомъ. Тутъ не было никакого притворства: онъ соприкасался съ вими тѣми нравственными сторонами, съ которыми симпатизировали эти люди, или, по крайней мѣрѣ, которыхъ могли онъ понять. Такъ, напримѣръ, съ однимъ пріятелемъ, и на словахъ и въ письмахъ, онъ только шутилъ, такъ что всякий хотѣлъ, читая эти письма; съ другими говорилъ объ искусствѣ и очень любилъ самъ читать Пушкина, Жуковскаго и Мерзлякова (его переводы древнихъ); съ иными бесѣдовалъ о предметахъ духовныхъ; съ иными упорно молчалъ и даже дремалъ или прѣтворялся спа-

щимъ. Кто не сыхалъ самыхъ противоположныхъ отзывовъ о Гоголѣ? Одни называли его забавнымъ весельчакомъ, обходительнымъ и ласковымъ; другіе — молчаливымъ, угрюмымъ и даже гордымъ; трети — занятymъ исключительно духовными предметами. Однимъ словомъ, Гоголя никто не зналъ вполнѣ. Нѣкоторые друзья и пріятели, конечно, знали его хорошо, но знали, такъ сказать, по частямъ. Очевидно, что только соединеніе этихъ частей можетъ составить цѣлое, полное знаніе и определеніе Гоголя.»

Обращаюсь онятъ къ перепискѣ Гоголя съ П. А. Плетнѣвымъ. Здѣсь кстати замѣтить, что послѣдняя письма Гоголя, тѣсть писанныя въ 1849 и 1850 годахъ, отличаются отъ предшествовавшихъ имъ несравненно болѣшимъ соблюдениемъ правилъ правописанія. Въ нихъ встрѣчается даже нѣсколько помарокъ и исправокъ, обнаруживающихъ въ писавшемъ желаніе сообщать своей рѣчи гладкость и окончательную выразительность, тогда какъ прежнія письма ясно показываютъ, что перо его летѣло за мыслью, не оглядываясь назадъ. Объ усовершенствованіяхъ въ почеркѣ было уже сказано выше. Слѣдующее письмо написано съ замѣтнымъ стараніемъ, на полномъ листѣ почтовой бумаги..

«Декабря 2-го 1850. Одесса.

«Пишу, какъ видишь, изъ Одессы, куда уѣждалъ отъ суроности зимы. Послѣдняя зима, проведенная мною въ Москвѣ, дала мнѣ впять силы. Думалъ было, что укрѣпился и запасся здоровьемъ на югъ надолго, но не тутъ-то было. Зима третьего года кое-какъ перекочкалась, но прошлаго — едва-едва вынеслась. Не столько были для меня несносны самые недуги, сколько то, что время пропало даромъ; а время мнѣ дорого. Работа моя — жизнь; не работается — не живется, хотя покуда это и не видно другимъ. Отнынѣ хочу устроиться такъ, чтобы три зимніе мѣсяцы въ году проводить въ Россіи подъ самыми благотворнѣшими климатомъ, имѣющимъ свойство весны и осени въ зимнее время, то есть свойство благотворное для моей головы во время работы. Я уже испыталъ, что дѣло идетъ у меня какъ слѣдуетъ только тогда, когда все утружденіе, нанесенное головѣ поутру, развѣтится въ оставшее время дня прогулкой и добрымъ движеньемъ на благорастореннѣй воздухѣ (здесь въ прошломъ году мнѣ нельзѧ было даже вы-

ходить изъ комнаты). Если это не дѣлается, голова на другой лень тяжела, не способна къ работѣ. И никакія движенія въ комнатѣ (сколько ихъ ни выдумывалъ) не могутъ помочь. Славная натура моя такъ уже устроилась, что чувствуетъ жизненность только тамъ, гдѣ тепло и *капопленное*. Слѣдовало бы и теперь выѣхать хоть въ Грецию: за тѣмъ, признаюсь, и прѣѣхалъ въ Одессу. Но такая одолѣла лѣтъ, такъ стало жалко разлучаться и на короткое время съ Православной Русью, что рѣшился оставаться здѣсь, повадѣясь на русскій авось: то есть, авось либо русская зима въ Одессѣ будетъ сколько-нибудь милостивой московской.. Разумѣется, при этомъ случай стало представляться, что и вонь, накуренная послѣдними политическими событиями въ Европѣ, еще не совершенно прошла, и просьба о паспортѣ, которую хотѣть было отправить къ тебѣ, осталась у меня въ портфелѣ. Впрочемъ, уже и поздно: къ веснѣ во всякомъ случаѣ мнѣ нужно бы возвращаться въ Россію. Намѣренія мои теперь вотъ какого рода: въ концѣ весны или въ началѣ лѣта предполагаю быть въ Петербургѣ, затѣмъ, чтобы, во первыхъ, повидаться съ тобой и съ Жуковскимъ и перечесть имѣсть все то, чѣмъ хочется вамъ прочитать, а во вторыхъ, если будетъ Божья воля, то и приступить къ печатанію. Увѣдомь меня теперь же, какіе у тебя планы на лѣто. Какъ бы устроиться намъ такъ, чтобы провести его гдѣнибудь на морскихъ водахъ, въ Ревельѣ или въ иномъ мѣстѣ. Я думаю, что взвѣшнныя бесѣды намъ будутъ нужнѣй, чѣмъ когда-либо прежде. Не польниесь, напиши теперь же, присообщи къ этому хоть два слова о своемъ житѣ и о мысляхъ, близкихъ твоему сердцу, которымъ всѣмъ передай душевный мой поклонъ.

«Твой Н. Гоголь.

«Адресъ: Въ Одессѣ, первой части первого квартала, въ домѣ Трошинскаго.»

Буду продолжать автобіографію Гоголя, сохранившуюся въ его письмахъ.

«Одесса. Января 25-го 1851.

«Благодарю тебя много за обстоятельное и милое твое письмо! Отъ всей души поздравляю тебя съ замужествомъ милой дочери и прошу также отъ меня передать ей поздравление. Радъ, что здоровье твое укрепилось отъ холоднаго леченія. Я тоже имѣла отъ этого пользу. Намъ всемъ русскимъ нужно помнить и твердѣть,

дить себѣ безпрестанно: ничего не доводи до излишества! Въ наши съ тобой лѣта совершенно переламывать привычки и прежній обычай жизни опасно, а понемногу оставлять ихъ, трезвиться тѣломъ и духомъ очень недурно и даже непремѣнно слѣдуетъ. Иначе какъ разъ потеряешь равновѣсіе между тѣломъ и духомъ. Я уже давно веду образъ жизни регулярный, или, лучше, необходимый слабому моему здоровью. Занимаюсь только поутру; въ одиннадцатомъ часу вечера — въ постели. Стаканъ холодной воды натощакъ и въ вечеру. Но большое употребленіе холодной воды и обливаніе вредитъ, производя во мнѣ большую испарину. Въ Одессѣ полагаю пробыть до апрѣля. Пріѣздъ Жуковскаго въ Москву, можетъ быть, нѣсколько измѣнить мой маршрутъ, и вмѣсто весны придется, можетъ быть, въ Петербургъ осенью. Впрочемъ, это еще вредище. Покуда будь здоровъ: не забывай меня. А мнѣ хочется очень съ тобой, по старинѣ, запершись въ кабинетѣ, въ виду книжныхъ полокъ, на которыхъ стоятъ друзья наши, уже нынѣ отшедши, потолковать и почитать, вспомнивъ старину. Но это не могло и не можетъ быть, покуда не готово то, о чмъ нужно говорить. Будь готовъ — разговоримся такъ, что и языка не уймемъ. Вѣдь старость болтлива, а мы, благодаря Бога, уже увратъ ея. Будь здоровъ.

«Твой весь

«Н. Г.»

«Я писалъ тебѣ еще съ Мурзакевичемъ, Фхавшимъ отсюда иѣ вами. Если вздумается порадовать строчкой, адресуй къ Шевреву въ Москву.»

Изъ Одессы Гоголь въ послѣдній разъ перѣхалъ въ свою предковскую деревню и провелъ тамъ въ послѣдній разъ самую цвѣтувшую часть весны; потомъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ ожидала его могила. Вотъ его послѣднее письмо изъ Малороссіи:

Полтава. Маа 6. (1851.)

«Милое, доброе твоє письмо получилъ уже здѣсь, въ деревнѣ моей матушки. Изъ Одессы выслали мнѣ его довольно поздно, видно въ наказанье за то, что я свое отправилъ къ тебѣ довольно поздно. Все, дѣйствительно, случилось такъ, какъ ты предположилъ: ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ оно было написано, запечатано и, казалось, какъ бы уже и отправлено на почту, нашлось оно въ моемъ письменномъ столѣ. Что практи-

желѣнъ дѣлать? Видно горбатаго могила исправить. Кажется, какъ бы я преуспѣваю со дни на день въ этой дѣбродѣтели. Зато тѣмъ прознательнѣе приналъ и прочель я знакъ твоего ненапоматозлобія, твое милое и милующее письмо. На замѣчаніе только твое о моей молодости скажу: увы! два года, какъ уже пошель мнѣ пятый десятокъ, а сталъ ли я умнѣй, Богъ вѣсть одинъ. Знаеть, что прежле не былъ умень еще, не значить поумнѣть. Что второй томъ «Мертвыхъ Душъ» умнѣе первого — это могу сказать, какъ человѣкъ, имѣющій вкусъ и притомъ умѣющій смотрѣть на себя, какъ на чужого человѣка, такъ что, можетъ быть, С*** отчасти и права; но какъ разсмотрю весь процессъ, какъ творилось и производилось его созданье, вижу, что умень только тотъ, кто творить и зиждеть все, употребляя настъ всѣхъ вмѣсто кирпичей для постройки по тому фасаду и плану, котораго Онъ олинъ истинно разумный Зодчій.

«Съ тобою всячески постараюсь увидѣться. Теперь єду въ Москву. Всякія письма и замѣчанія, какія были тебѣ присланы насчетъ «Мертвыхъ Душъ», запечатавъ въ одинъ пакетъ, пошли ко мнѣ, адресуя на имя Шевырева, а если присоединишь къ этому двѣ-три строчки собственнаго письмеца, — впередъ посылаю тебѣ самое душевное спасибо. Всѣмъ тебѣ близкимъ братскій поклонъ.

«Твой весь

«Н. Гоголь.»

Итакъ, вотъ мнѣніе самого автора о второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», хотя онъ все еще не былъ доволенъ своимъ созданіемъ и совершенствовалъ его почти до самой смерти. «Безпрестанно поправляю — говорилъ онъ зимою 1850—51 года г. Максимовичу — и всакій разъ, когда начну читать, то сквозь написанныя строки читаю еще ненаписанныя. Только вотъ съ первой главы туманъ сошелъ.» Въ іюлѣ 1851 года Гоголь, однакожъ, писалъ къ П. А. Плетневу о приготовленіяхъ къ печати второго тома «Мертвыхъ Душъ». Вотъ это письмо:

«Москва, 15 июля.

«Пишу къ тебѣ изъ Москвы, усталый, изнемогшій отъ жару и пыли. Пострѣши сюда съ тѣмъ, чтобы заняться дѣлами по части приготовленья къ печати «Мертвыхъ Душъ» второго тома и до того изнемогъ, что едва въ силахъ водить перомъ, чтобы

написать и єсколько строчекъ записки , а не то что возвращать или даже переписать то, что нужно переписать. Гораздо лучше просидѣть было лѣто дома и не торопиться ; но желаніе новиняться съ тобой и съ Жуковскимъ было тоже причиной моего нетерпѣнья. — — — Второе изданіе моихъ сочиненій нужно уже и потому, что книгопродавцы дѣлаютъ разныя мeroсти съ покупщиками , требуютъ по сту рублей за экземпляръ и распускаютъ подъ рукой вѣсти , что второго изданія не будетъ. — — — Прежде хотѣлъ было вмѣстить иѣкоторыя прибавленія и перемѣны, но теперь не хочу: пусть все остается въ томъ видѣ, какъ было въ первомъ изданіи. — — — Писалъ бы еще кое-чёмъ, но въ силу вожу первомъ — весь расклепался. Передай душевный поклонъ мой достойной твоей супругѣ, о которой кое-что слышалъ отъ С*** ; Балабынъ, если увидишь, также мой душевный поклонъ. Получилъ пересланное тобою описание филармонического быта въ большомъ свѣтѣ по поводу «Мертвыхъ Душъ». Дѣвъ страницы пробѣжалъ, правописанье не уважается и грамматика плоха , но есть , показалось мнѣ , наблюдательность и жизнъ. Ради Бога , передай , чтобъ знаешь о Жуковскомъ, да и о себѣ также. Письма адресуй по прежнему на имя Шевырева.

• «Твой весь

«Н. Гоголь.

«Правда ли, что князь В*** въ сильной хандрѣ?»

Гоголь проскучалъ въ Москвѣ все лѣто , тѣмъ болѣе , что всѣ его знакомые жили по дачамъ ; наконецъ , получивъ изѣстіе о выходѣ замужъ одной изъ своихъ сестеръ, рѣшилсяѣхать къ ней на свадьбу. Вышло , однакожъ , не такъ. Приблизился къ Калугѣ, онъ почувствовалъ одинъ изъ тѣхъ непадковъ грусти , которые помрачали для него всѣ радости жизни и лишили его власти надъ своими силами. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно прибѣгалъ къ молитвѣ , и молитва всегда уѣрѣняла его. Такъ поступилъ онъ и теперь : заѣхавъ въ Оптину пустынъ , онъ провелъ въ ней юѣсколько дней посреди смиренной братіи , и уже не поѣхалъ на свадьбу, а воротился въ Москву. Первый визитъ его былъ сдѣланъ О. М. Болянскому, который не выѣзжалъ на дачу, и на вопросъ его, зачѣмъ онъ воротился, отвѣчалъ :

— Тамъ; мнѣ сдѣлялось какъ-то грустно.

И этимъ ограничивается все , чтò мы знаемъ о состояніи души поэта въ то время.

Наступила осень ; съѣхались въ городъ разсѣянные вокругъ Москвы обитатели дачь. Жизнь Гоголя потекла тѣмъ же порядкомъ , что и въ прошломъ году. Онъ ужъ не чувствовалъ себя одинокимъ во время своихъ отдыховъ. Въ Москвѣ зимою проживало два-три семейства , въ которыхъ онъ былъ принять какъ родной. Тамъ каждый былъ проникнутъ глубокимъ уваженiemъ къ нему , каждый зналъ его привычки , его любимыя удовольствія и всѣ старались угодить ему. Отправляясь туда на обѣдъ или на вечеръ , онъ не имѣлъ надобности надѣвать ненастный для него фракъ (*) или сокѣтваться съ модою касательно цвѣта и покроя своего жилета , тѣмъ болѣе , что въ Москвѣ вообще менѣе , нежели въ Петербургѣ , соблюдаются уставы своенравіаго сбѣше *il faut*. За столомъ въ пріятельскихъ домахъ онъ находилъ любимыя свои кушанья и между прочимъ вареники , которые онъ очень любилъ и за которыми не разъ рассказывалъ , что одинъ изъ его знакомыхъ на родинѣ всякий разъ , какъ подавались на столъ вареники , непремѣнно произносилъ къ нимъ слѣдующее возваніе :

« Вареныкіи-побидѣныки ! сыромъ бѣкы позапыхайы , ма-
сломъ очи позалѣваны — вареники-побидѣныки ! — — — »

Это обстоятельство между прочимъ показываетъ , до какой степени Гоголь чувствовалъ себя своимъ въ домахъ московскихъ друзей своихъ. Онъ могъ ребячиться тамъ такъ же , какъ и въ родной Яновщинѣ , могъ распѣвать украинскія пѣни своимъ , какъ онъ называлъ , « козлинымъ » голосомъ , могъ молчать сколько ему угодно , и находилъ всегда не только внимательныхъ слушателей въ тѣ минуты , когда ему приходила охота читать свои произведенія (**), но и строгихъ критиковъ.

(*) Живя въ Петербургѣ , еще во времена « Миргорода » и « Ревизора » , Гоголь былъ принятъ очень радушно въ одномъ дому , гдѣ къ обѣду непремѣнно надобно было явиться во фракъ. Чтобы уклониться отъ соблюденія этой церемоніи , Гоголь подкальвалъ бумавками полы своего сюртука и являлся такимъ образомъ къ обѣду. Хозяева , по добротѣ своей , старались не замѣтить этой дикой выходки и прощали ее поэту.

(**) Гоголю не нравилось , когда его упрашивали читать его сочиненія въ то время , когда онъ не чувствовалъ къ тому окоты. Въ одномъ аристократическомъ домѣ хозяйка , не зная еще , какъ онъ упрямъ , за-

Приближалась въ моемъ повѣствованій къ концу многоскорбной жизни Гоголя, я, съ особеннымъ удовольствиемъ и съ чувствомъ благодарности за всѣхъ почитателей его таланта, останавливалась на его дружескихъ связяхъ съ такими людьми, какъ домъ А—выхъ, домъ Х—хъ, домъ Э—хъ, домъ графовъ Т***. Это были прохладные оазисы въ земномъ странствованіи нашего поэта, гдѣ онъ утолялъ сердечную жажду и запасался свѣжими нравственными силами для дальнѣйшаго пути.

Въ это время онъ постоянно былъ занятъ по утрамъ окончательною отделькою второго, а можетъ быть и третьяго тома «Мертвыхъ Душъ», которые спѣшилъ окончить, какъ бы предчувствуя близость своей смерти. Вотъ его послѣднее, коротенькое письмо къ П. А. Плетневу, выражавшее слабость его силъ, которыя такъ были нужны для довершенія великаго его подвига. На этомъ письмѣ стоитъ печальная отмѣтка того, къ кому оно адресовано: «24 февраля получено извѣстіе, что Н. В. скончался въ Москвѣ 21 февраля 1852.»

• Москва. Ноябрь 30. (1851).

«Извини, что не писалъ къ тебѣ. Все собираюсь. Время такъ летитъ. Свѣжихъ минутъ такъ немного, такъ торопишься ими воспользоваться, такъ занять тѣмъ дѣломъ, которроѣ бы хотѣлось скорѣй привести къ окончанію, чѣмъ въ строчки къ другу кажутся какъ бы тягостью. Прости великодушно и добродушно. Печатанье сочиненій, сдава Богу, устроилось въ здѣсь. Что же до печатанья подыхъ, то, впрочемъ, въ нихъ, кажется, все такъ ясно и должно быть отчетливо, чѣмъ, я думаю, и они пойдутъ въ дѣло.

«Чѣмъ дѣлаешь ты? Напиши также хоть строчки двѣ о С***. Я о ней ни слуху, ни духу.

«Твой весь.

«А Жуковскій — чѣмъ и гдѣ? Я предъ нимъ тоже виноватъ: не писалъ, все ожидалъ прїезда, а наконецъ не зналъ даже и куда адресовать.»

ставила его прочитать что нибудь изъ «Мертвыхъ Душъ», несмотря на всѣ его отговорки. Чѣмъ получитъ ее въ свою очередь, Гоголь развернулъ поэму на первой главѣ и пролизадъ опираясь губернской гостиницѣ.

Я имѣю еще одинъ документъ, показывающій, чѣмъ дышала до конца жизни нѣжная и высокая натура Гоголя. Это — письмо его къ сестрѣ Ольгѣ Васильевнѣ, писанное поэтомъ изъ Москвы только за два мѣсяца до смерти, — именно отъ 22 декабря 1851 года. Помѣщаю здесь его вполнѣ.

«Все собирается писать къ тебѣ, милая сестра Ольга, и все, за разными помѣхами, не удосужился. Не знаю, какъ благодарить за здоровье матушки Бога; вѣрно молитвы тѣхъ святыхъ людей, которыхъ мы просили за нее помириться, причиной; во всякомъ случаѣ намъ слѣдуетъ ежеминутно благодарить Бога, благодарить его радостно, весело. Не быть радостнымъ, не ликовать духомъ — даже груѣхъ. Поэтому и ты не грусти, ничѣмъ не смущайся, не пребывай въ тоскѣ, не веселись безпрѣстанно въ безпрѣстанномъ выраженіи благодарности; вся наша жизнь должна быть неумолкаемой, радостной рѣсней благодаренія Богу. О, если бы сдѣлать такъ, чтобы никогда и времени не доставало для всякихъ другихъ рѣчей, кроме ликующихъ рѣчей вѣчной признательности Богу.

«Жаль мнѣ, что отецъ Григорій плохо прочелъ народу бѣсѣды Сельского Священника; не лучше ли бы прочелъ твой кумъ? Ты его заставь прочитать тебѣ самой прежде, подъ тѣмъ предлогомъ, что духовная книга тебѣ самой становится понятнѣй, когда читаетъ ее принявшій рукоположеніе св. Духа. Прочитавъ сначала тебѣ, онъ въ другой разъ прочитаетъ лучше народу, какъ уже знакомое.

«За посадку деревъ тебя очень благодарю, за наливки также. Весной, если поможетъ Богъ управиться со всѣми здѣшними дѣлами, надѣюсь заглянуть къ вамъ и, можетъ быть, часть лѣта проведемъ вмѣстѣ. Какъ только сдѣлается потеплѣе, пришли тебѣ сѣянья для посѣка кое-какой огородины.

«За тѣмъ поздравляю тебя съ наступающимъ Новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобы онъ и тебѣ и всѣмъ добрымъ людямъ былъ въ радость и ликование.

«Твой весь, тебѣ любящій братъ

«Н. Гоголь.»

Въ это время онъ еще не думалъ о своей кончинѣ. Онъ былъ совершенно здоровъ и чувствовалъ только слабость физическихъ силъ, которая надѣялся подкрѣпить весною на родинѣ въ занятіяхъ садоводствомъ. За девять дней до Масленицы О. М. Бодян-

скій видѣлъ его еще полнымъ энергической дѣятельности. Онъ засталъ Гоголя за столомъ, который стоялъ почти посреди комнаты и за которымъ поэтъ обыкновѣнно работалъ сидя. Столъ былъ покрытъ зеленымъ сукномъ. На столѣ разложены были бумаги и корректурные листы. Г. Боданекій, обладая прекрасною памятью, помнить отъ слова до слова весь разговоръ свой съ Гоголемъ.

— Чѣмъ это вы занимаетесь, Николай Васильевичъ? спросилъ онъ, замѣтивъ, что передъ Гоголемъ лежала чистая бумага и два очищенные пера, изъ которыхъ одно было въ чернильницѣ.

— Да вотъ мараю все свое, отвѣчалъ Гоголь: — да просматриваю корректуру набѣло своихъ сочиненій, которыя издаю теперь вновь. (*)

— Все ли будетъ издано?

— Ну, нѣтъ; кое-что изъ своихъ юныхъ произведеній выпущу.

— Что же именно?

— Да «Вечера».

— Какъ! вскричалъ, вскочивъ со стула, гость. — Вы хотите посягнуть на одно изъ самыхъ свѣжихъ произведеній своихъ?

— Много въ немъ незрѣлаго, отвѣчалъ спокойно Гоголь. — Мне бы хотѣлось дать публикѣ такое собраніе своихъ сочиненій, которымъ я былъ бы въ теперешнюю минуту больше всего доволенъ. А послѣ, пожалуй, кто хочетъ, можетъ изъ нихъ (т. е. «Вечеровъ на Хуторѣ») составить еще новый томикъ.

Г. Боданекій вооружился противъ поэта всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, говоря, что еще не настало время разбирать Гоголя, какъ лицо мертвое для русской литературы, и что публикѣ хотѣлось бы имѣть все то, что онъ написалъ, и притомъ въ порядке хронологическомъ, изъ рукъ самого сочинителя.

Но Гоголь на всѣ убѣжденія отвѣчалъ:

— По смерти моей, какъ хотите, такъ и распоряжайтесь.

Слово смерть послужило переходомъ къ разговору о Жуковскомъ. Гоголь призадумался на нѣсколько минутъ и вдругъ сказалъ:

(*) Они печатались разомъ въ трехъ типографіяхъ.

— Право; скучно какъ посмотришь кругомъ на этомъ свѣтѣ. Знаете ли вы? Жуковский пишеть ко мнѣ, что онъ ослѣпъ?

— Какъ! воскликнулъ г. Бодянскій: — слѣпой пишеть къ вамъ, что онъ ослѣпъ?

— Да; вѣмцы ухитрились устроить ему какую-то штучку.... Семене! закричалъ Гоголь своему слугѣ по малороссійски: — ходы сюды.

Онъ велѣлъ спросить у графа Т***, въ квартире котораго онъ жилъ, письмо Жуковскаго. Но графа не было дома.

— Ну, да я вамъ послѣ письмо привезу и покажу, потому что — знаете ли? — я распорядился безъ вашего вѣдома. Я въ слѣдующее воскресенье собираюсь угостить васъ двумя-тремя напѣвами нашей Малороссіи, которые очень мало Н. С. положила на чюты съ моего козлиного пѣнья; да при этомъ упремся и прежними нашими пѣснями. Будете ли вы свободны вечеромъ?

— Ну, не совсѣмъ, отвѣчалъ гость.

— Какъ хотите, а я ужъ распорядился, и мы соберемся у О. Ф. часовъ въ семь; а впрочемъ, для большей вѣрности, вы не уходите; я самъ къ вамъ заѣду, и мы вмѣстѣ отправимся на Поварскую.

Г. Бодянскій ждалъ его до семи часовъ вечера въ воскресенье, наконецъ, подумавъ, что Гоголь забылъ о своемъ обѣщанії заѣхать къ нему, отправился на Поварскую одинъ; но никого не засталъ въ домѣ, гдѣ они условились быть, потому что въ это время умеръ одинъ общій другъ всѣхъ московскихъ пріятелей Гоголя — именно жена поэта Хомякова — и это печальное событие разстроило послѣдній музыкальный вечеръ, о которомъ хлопотала онъ.

Г-жа Хомякова была родная сестра поэта Языкова, одного изъ ближайшихъ друзей Гоголя. Гоголь крестилъ у нея сына и любилъ ее, какъ одну изъ достойнѣйшихъ женщинъ, встрѣченныхъ имъ въ жизни. Смерть ея, послѣдовавшая послѣ кратковременной болѣзни, сильно потрясла его. Она потрясла его не одною горестью, какую каждый изъ насъ чувствуетъ, лишась близкаго сердцу человека. Душа поэта, постоянно настроенная на высокій ладъ, постоянно обращенная чуткою своею стороною къ таинственному замогильному миру, исполнилась священнаго ужаса и сокрушительной скорби; заглянувъ въ дверь, кото-

раз распахнулась передъ нимъ на мгновеніе и снова закрыла отъ него свои тайны. Эти чувства питали онъ въ себѣ съ самаго дѣтства, и они были еще съ того времени «источникомъ слезъ, никому не зримыхъ», но проявлялись въ немъ во всей сокрушающей своей силѣ только въ моменты глубокаго душевнаго страданія. Такими моментами бывала для него утрата жены Хомяковой. Но онъ рассматривалъ это явленіе съ своей высокой точки зрѣнія и примирился съ нимъ у гроба усопшей.

— Ничто не можетъ быть торжественнѣе смерти, произнесъ онъ, глядя на нее: — Жизнь не была бы такъ прекрасна, если бы не было смерти.

Но это высшее умственное совершеніе не спасло его сердца отъ рокового потрясенія: онъ почувствовалъ, что болѣть тою самою болѣзнью, отъ которой умеръ отецъ его, — именно, что на него «нашелъ страхъ смерти», и признался въ этомъ своему духовнику. Духовникъ успокоилъ его сколько могъ; но Гоголь во вторникъ на Масленицѣ явился къ нему, объяснивъ, что го-вѣегъ, и спрашивалъ, когда можетъ пріобщиться. Назначенъ былъ для этого четвергъ. Пріятели Гоголя замѣтили, что онъ болѣе обыкновенного былъ блѣденъ и слабъ. Онъ и самъ говорилъ, что чувствуетъ себя худо, и что рѣшился попоститься и поговорить.

— Зачѣмъ же на Масленицѣ спрашивали его.

— Такъ случилось, отвѣчалъ онъ: — вѣдь и теперь церковь читается: «Господи, вѣдѣко живота моего», и поклоны творятся.

Занятія корректурою прекращены были имъ еще съ понедѣльника на Масленицу. Онъ говорилъ, что ему «теперь никогда этимъ заниматься», — но продолжалъ постыдить вѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ и казавшихся спокойнѣе прежнаго, хотя видимо былъ изнуренъ какою-то усталостью. Друзья приносили это посту, и никто не зналъ, что онъ уже нѣсколько дней питается одиною пресфорою, уклонясь, подъ различными предлогами, отъ употребленія болѣе бытной пищи. Въ четвергъ онъ явился въ церковь св. Саввы Освѧщенаго, въ отдаленной части города, еще до начатія заутреніи, и исповѣдался у своего духовника; передъ принятиемъ святыхъ даровъ, у обѣдни, падъ ницъ и долго плакалъ. Въ движеніяхъ его замѣтили бывала чрезвычайная слабость; онъ едва держался на ногахъ. Несмотря на то, вечеромъ

онъ снять прѣхалъ къ тому же священнику и просилъ отслу-
жить благодарственный молебень, упрекая себя, что забылъ
исполнить это поутру.

Во все время говѣнья и прежде того — можетъ быть, со дна
смерти г-жи Хомяковой — онъ проводилъ большую часть ночей
въ молитвѣ, бывь сна. Въ ночь съ пятницы на субботу, послѣ
говѣнья, онъ молился усерднѣе обыкновеннаго, и, стоя на колѣ-
ниахъ передъ образомъ, услышалъ голоса, которые говорили
ему, что онъ умретъ. Трепеща за спасеніе своей душѣ, которую
все еще не считалъ достаточно приготовленной къ переходу въ
вѣчность, онъ тотчасъ разбудилъ свою слугу Семена и послалъ
его за священникомъ, съ просьбой соборовать его часломъ: Свя-
щенникъ, пославшій на его зовъ, нашелъ его, однакожъ, ужъ
въ болѣе спокойномъ состояніи духа. Гоголь просилъ извиненія,
что побеспокоилъ его, и отложилъ до другого дня совершеніе
тайства.

Какъ ни ужасно было его положеніе, какъ ни глубоко была
затронута душа его видомъ смерти, шедшей къ нему на встрѣчу
се всѣми своими загробными тайнами, но любовь къ ближнему
оставалась въ немъ по прежнему могущественнымъ инстинктомъ.
Въ субботу онъ поѣхалъ осиротѣлого своего друга, г. Хомя-
кова, и старался утѣшить его своимъ участіемъ. Этими оправ-
дываются слѣдующія слова его «Завѣщанія» (стр. 8—9) :

«.... и я, какъ ни былъ самъ по себѣ слабъ и ничтоженъ,
всегда ободрялъ друзей моихъ, и никто изъ тѣхъ, кто сходился
поближе со мной въ послѣднее время, никто изъ нихъ, въ ми-
нуты своей тоски и печали, не видаль на миѣ печального вида,
хотя и тяжки были мои собственные минуты и тосковалъ я не
меньше другихъ.»

Наконецъ не стало въ немъ больше силъ двигаться; онъ не-
ресталъ выѣзжать и слѣгъ въ постель, но и тутъ еще поднимал-
ся съ одра болѣзни и ходилъ на молитву въ домовую церковь,
гдѣ, по случаю говѣнья графа и графини Т***, совершалась бо-
жественная служба. Видя, что это его изнуряетъ, они прекра-
тили говѣнье. Гоголь не переставалъ молиться и готовиться къ
смерти. Вѣруя слышаннымъ на молитвѣ голосамъ, онъ былъ
совершенно убѣженъ въ неизбѣжности близкой кончины. Тутъ
въ немъ заговорилъ инстинктъ безсмертія, по внушенію кото-
раго каждый изъ насъ старается оставить по себѣ воспоминаніе

хоть въ одномъ сердцѣ на землѣ, — инстинктъ, выраженный прекрасно Жуковскимъ въ «Сельскомъ кладбищѣ»⁽¹⁾ и самимъ Гоголемъ въ разсказѣ о сожжении второго тома «Мертвыхъ Душъ» въ 1846 году.⁽²⁾

— Видя передъ собою смерть, говорилъ онъ: — мнѣ очень хотѣлось оставить послѣ себя хоть что набудь, обо мнѣ лучше напоминающее.

Сколько главъ второго тома его поэмы было написано имъ вновь, навѣрное неизвѣстно. Нѣкоторымъ изъ друзей своихъ онъ читалъ до семи, а судя по его заботамъ о представленіи въ цензурѣ, надобно думать, что это было уже полное, замкнутое созданіе. Какъ бы то ни было, однажды, почувствовавъ приближеніе смерти, Гоголь вознамѣрился раздать по главѣ лучшимъ друзьямъ своимъ. Позвавъ къ себѣ графа Т***, онъ просилъ его принять на сохраненіе его бумаги, а по смерти его отвезти къ одной духовной особѣ и просить ея совѣта, чѣмъ напечатать и чѣмъ оставить въ рукописи. Графъ отказался принять бумаги, чтобъ не показать больному, что въ другіе считаютъ его положеніе безнадежнымъ, и это дружеское самоотверженіе имѣло послѣдствія ужасныя.

Въ волненіи мрачныхъ чувствъ, явившихся въ душѣ его при видѣ подступающей смерти, Гоголь подвергъ свое твореніе подъ строгую критику человѣка, покаявшагося во всѣхъ своихъ прегрешеніяхъ и готоваго предать духъ свой въ руцѣ Божіи. Душа его, какъ въ памятный 1845 годъ, «замерла отъ ужаса при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величие его твореній, здѣсь нами зрямыхъ и насть изумляющихъ; весь умирающій составъ его застональ, почуявъ исполненія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣвали въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся....»⁽³⁾ Онъ призналъ себя недостойнымъ сосудомъ и органомъ истины, которую хотѣлъ выразить своимъ твореніемъ, и потому самое твореніе представилось ему вреднымъ для ближнихъ, какъ все, что не отъ истины. Издивъ свою душу прель

(1) · Ахъ, нѣжная душа, природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой..

(2) · Выбранные Мѣста изъ Переписки съ Друзьями, стр. 161.

(3) Тамъ же, стр. 11.

Создателемъ въ горячей молитвѣ, продолжавшейся до трехъ часовъ ночи, онъ рѣшился снова исполнить подвигъ высокаго самоотверженія, за который уже однажды былъ награжденъ душевнымъ ликованіемъ и возрожденіемъ созженнаго «въ очищении и свѣтломъ видѣ».

Важную роль играло здѣсь то обстоятельство, что онъ не смотрѣлъ на себя собственно какъ на дѣятеля литературнаго. «Дѣло мое проще и ближе — говорилъ онъ — дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякий человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое *душа и прочное дѣло жизни.*» (¹) Онъ смотрѣлъ на себя просто какъ на существо, которому «позволено было быть въ мірѣ и освобождаться отъ своихъ недостатковъ» (²); но это самоочищеніе постоянно соединялось въ немъ съ тѣмъ, что онъ на своемъ особенномъ языкѣ называлъ прочными *дѣломъ жизни.* Соединеніе въ себѣ этихъ двухъ нераздѣльныхъ подвиговъ высокаго христіанина высказалъ онъ, переселяясь душою, незамѣтно для самого себя, въ другого поэта и указавъ въ немъ самому себѣ цѣль поэзіи, какъ онъ понималъ ее, и средства достигнуть этой цѣли.

«Страхни же сонъ съ очей своихъ и порази сонъ другихъ. На колѣни предъ Богомъ и проси у него гнѣва и любви! гнѣва — противу того, что губить человѣка, любви — къ бѣдной душѣ человѣка, которую губятъ со всѣхъ сторонъ, и которую губить онъ самъ. Найдешь слова, найдутся выраженія; огни, а не слова, излетятъ отъ тебя, какъ отъ древнихъ Пророковъ, если только, подобно имъ, сдѣлаешь это дѣло роднымъ и кровнымъ своимъ дѣломъ, если только, подобно имъ, посыпавъ пепломъ главу, раздравши ризы, рыданіемъ вымолиши себѣ у Бога на то силу, и такъ возлюбишь спасеніе земли своей, какъ возлюбили они спасеніе Богоизбраннаго своего народа.» (³)

Онъ, видно, не считалъ еще себя достигнувшимъ такого высокаго душевнаго совершенства, чтобы слова его были огнями, воспламеняющими добродѣтелью души и озаряющими «ясно какъ день пути и дороги къ ней для всякаго»; онъ не дерзнулъ помыслить передъ смертнымъ часомъ, чтобы его твореніе «уст-

(¹) «Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», стр. 153.

(²) Тамъ же, стр. 150.

(³) Тамъ же, стр. 120.

решило общество или даже все поколѣніе къ прекрасному» (*), въ опредѣлья — сдѣлать его тайной между собой въ Тѣмъ, отъ Кого онъ получилъ первые поэтические наитія.

Въ три часа ночи онъ разбудилъ своего мальчика Семена, надѣвъ теплый плащъ, взялъ свѣчу и велъ Семена сѣдоватъ за собой въ кабинетъ. Въ каждой комнатѣ, черезъ которую они проходили, Гоголь останавливался и крестился. Въ кабинетѣ приказалъ онъ мальчику открыть какъ можно тише трубу и, отобравъ изъ портфеляъ некоторые бумаги, велъ свернуть ихъ въ трубку, связать тесемкою и положить въ каминъ. Мальчикъ бросился передъ нимъ на колѣни и убѣждалъ его не жечь, чтобы не жалѣть, когда выздоровѣеть.

— Не твое дѣло, отвѣчалъ Гоголь и самъ зажегъ бумаги.

Обгорѣли углы тетрадей, и огонь сталъ потухать. Гоголь вѣлья развязать тесемку и верочаль бумаги, крестясь и таю творя молитву, до тѣхъ поръ, пока онѣ превратились въ пепель.

Окончивъ свое *auto da fe*, онъ отъ изнеможенія опустился въ кресло.

Мальчикъ плакалъ и говорилъ:

— Чѣдъ это вы сдѣлали!

— Тебѣ жаль меня (**) ? сказалъ Гоголь, обнявъ его, поцаловалъ и самъ заплакалъ.

Потомъ онъ воротился въ спальню, крестясь по прежнему въ каждой комнатѣ, — легъ на постель и заплакалъ еще сильнѣе. Это было въ ночь съ понедѣльника на вторникъ первой недѣли Великаго поста.

На другой день онъ объявилъ о томъ, что сдѣлалъ, графу съ раскаяніемъ: жалѣль, что отъ него не принятіи бумагъ, и приписывалъ сожженіе ихъ вліянію нечистаго духа.

Съ этого времени онъ впалъ въ мрачное уныніе, не пускалъ къ себѣ никого изъ друзей своихъ, или допускалъ ихъ только на вѣсЬколько минутъ и потомъ просилъ удалиться, подъ предложомъ, что ему дремлется, или что онъ не можетъ говорить. На всѣ убѣжденія принять медицинскія пособія, онъ отвѣчалъ, что они ему не помогутъ, и, уступивъ уже не задолго передъ

(*) «Выбраннымъ Мѣста изъ Переписки съ Друзьями», стр. 153.

(**) Эти самые слова сказали раненый Пушкинъ своему слугѣ, когда тотъ лежѣлъ его на рукахъ.

кончинаю настоящимъ друзей, безпрестанно просилъ, чтобы его оставили въ покой.

Такъ прошли первая недѣлья поста и половина второй. Все свое время Гоголь проводилъ въ молитвѣ или въ молчаливомъ размышленіи, почти не говорилъ ни съ кѣмъ, но, повинуясь, видно, долговременной привычкѣ мыслить на бумагѣ, писалъ дрожащею рукою изреченія изъ Евангелія, молитву Іисусу Христу и между прочимъ написалъ слѣдующія замѣчательныя слова:

«Какъ поступить, чтобы вѣчно, признательно и благодарно помнить въ сердцѣ полученный урокъ?»

Относились ли они къ тому «необыкновенному событию», которымъ онъ былъ наведенъ на мысль передавать своимъ героямъ темныя побужденія своего сердца, или къ какому нибудь другому «душевному обстоятельству», это, можетъ быть, на-всегда останется необъясненнымъ; но, оставляя въ сторонѣ частный смыслъ ихъ, нельзя не подивиться высокому свойству души поэта — до конца жизни сговаривать жаждою совершенства.

Доскажу въ немногихъ словахъ исторію вѣщней его жизни такъ, какъ она передана мнѣ очевидцами.

Въ понедѣльникъ на второй недѣлья поста духовникъ предложилъ ему пріобщиться и пособоровать масломъ. На это онъ согласился съ радостю и выслушалъ всѣ Евангелія, держа въ рукахъ свѣчу, проливая слезы. Во вторникъ ему какъ будто сдѣжалось легче, но въ среду обнаружились признаки жестокой первической горячки, а утромъ въ четвергъ 21 февраля его не стало.

Тѣло его, какъ почетного члена Московскаго университета, перенесено было въ университетскую церковь; 24 февраля происходило отпѣваніе его, въ присутствіи градоначальника, попечителя московскаго учебнаго округа и многихъ почетныхъ лицъ древней русской столицы. Гробъ вынесенъ былъ изъ церкви профессорами Университета и до самаго Данилова монастыря несены преимущественно студентами, при многочисленномъ стечениі народа. Гоголь похороненъ подъ своего друга, поэта Языкова. На его надгробномъ камнѣ опредѣлено его почитателями вырезать слѣдующія слова пророка Йеремія (гл. 8, ст. 20): «Горѣніемъ менѣ словомъ посмѣюся.»

НИКОЛАЙ М.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Дворянский протокол Гоголя.

1784 года, октября 19 дня, по указу Ея Императорского Величества, Киевского наместничества дворянское собрание рассматривали доказательства, представленные от полкового писаря Афанасия Гоголя Яновского, съ которыхъ усмотрѣно: 1) что предѣдъ его Андрей Гоголь, будучи въ чинѣ полковничемъ, жалованъ быть привилегію Его Величества Короля Польскаго Яна Казимира, въ 1674 году, на деревню Ольховецъ; 2) что онъ владѣеть жалованнымъ по универсалу бывшаго малороссийскаго гетмана и кавалера Разумовскаго дѣду жены его полковнику Танскому, вместо жалованной было Высочайшею грамотою блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государемъ Петромъ Алексѣевичемъ Императоромъ и Самодержцемъ Всероссийскимъ деревни Озерянъ, въ деревнѣ Решоткахъ, Липлявомъ, Бубновомъ и Келебердѣ состоящемъ; 3) что онъ, за усердно и добропорядочно продолженную имъ чрезъ немалое время въ разныхъ мѣстахъ и должностяхъ службу, произведенъ прошлаго 1782 года, июня 7 дня, полковымъ писаремъ, въувѣреніе чего означенные Его Величества Короля Польскаго Яна Казимира на село Ольховецъ данную привилегію, на поданное въ мѣстечкахъ Липлявомъ, Бубновомъ, селѣ Келебердѣ и деревнѣ Решоткахъ универсаль, и на тѣ имѣнія отъ тестя его, бунчукового товарища Семена Лизогуба, данную ему уступку, а въ подтвержденіе того, что точно онъ тѣми имѣніями владѣеть, выпись, изъ суда земскаго

черниговского 1776 года выданную, также и на настоящій его полкового писаря чинъ ватентъ приложиль. Въ Высочайшемъ же Ея Императорскаго Величества проектѣ о разборѣ дворянства въ 73 пунктѣ предписано въ первую часть родословной книги вносить роды дѣйствительного дворянства, кои отъ Ея Императорскаго Величества и другихъ коронованыхъ главъ въ дворянское достоинство дипломомъ, гербомъ и печатью пожалованы; въ изъясненіи же, но лабы и тѣмъ родамъ оказать сираведливость, кои доказательства имѣютъ на дѣйствительное дворянство до ста лѣтъ, повелѣно и такіе роды вносить въ сюю часть. Для того разсудили помянутаго полкового писаря Яновскаго съ его дѣтьми внести въ родословную дворянскую кievскаго намѣстничества книгу, въ первую часть, и изготовить грамоту.

Подлинное подписали:

Губернскій предводитель Григорій Закревскій.
Козелецкаго уѣзда депутатъ Иванъ Афандикъ.
Пирятинскаго уѣзда депутатъ Григорій Савицкій.
Миргородскаго уѣзда депутатъ Николай Зарудній.
Голтвианскаго уѣзда депутатъ Павель Остроградскій.
Золотоношскаго уѣзда депутатъ Николай Лѣсеневичъ.
Остерскаго уѣзда депутатъ Николай Соломка.
Лубенскаго уѣзда депутатъ Илья Новицкой.
Хорольскаго уѣзда депутатъ Андрей Кулабка.

II.

КЛАССНЫЯ УПРАЖНЕНИЯ ГОГОЛЯ.

1.

О томъ, что требуется отъ критики.

(Изъ теоріи словесности.)

Чтѣ требуетсѧ отъ критики? вотъ вопросъ, котораго рѣшеніе слишкомъ нужно въ наши времена, когда благородная цѣль критики унижена несправедливыми притязаніями, личными выходками, и часто обращается въ позорную брань — слѣдствіе необразованности, отсутствія истиннаго просвѣщенія. Первая главная принадлежность, безъ которой критика не можетъ существовать, это — безпристрастіе; но нужно, чтобы оно нравилось. Умомъ зоркииъ, жестинно провѣщенныиъ, могущими отдать прекрасное

отъ незащищнаго. Критика должна быть строга, чтобы тѣльше дать цѣны прекрасному, потому что просвѣщенный писатель не ищетъ безоговорочной похвалы и славы, но требуетъ, чтобы еще была определена умомъ строгимъ и вѣрно понявшимъ его мысль, его твореніе. Она должна быть благопріе..., чтобы ни одно выраженіе оскорбительное не виралось, уменьшающее достоинство критики и заставляющее думать, что рецензентомъ видѣлъ какаи избужда, злоба, недоброжелательство. Слѣдствіе, отсутствіе личности также необходимо для критики. Наконецъ послѣднее — нужно, чтобы первомъ рецензента или критика нравило истинное желаніе добра и пользы. Оно должно одушевлять всѣ его изысканія и разборы, и быть всегда ея неизмѣннымъ водителемъ, какъ высокий, божескій характеръ души просвѣщенного мыслителя.

И. Гоголь-Яновскій.

Помѣтка профессора:
Изрядно. П. Никольской.

2.

Изложить законные обряды апелляціи, какъ изъ нижнихъ инстанций и въ Департаментъ Сената.

(Ноъ русскаго права.)

Когда недовольны рѣшеніемъ присутственныхъ мѣстъ нижнихъ инстанцій, тогда имѣютъ право подавать прошеніе въ инстанцію вышшую, въ гражданскую палату, въ томъ, что дѣло ихъ право, и резолюція нижнихъ инстанцій несправедлива. Это называется апелляцією. При внесеніи ея въ гражданскую палату, нужно внести и пошлиныхъ исковыхъ 12 рублей, послѣ чего гражданская палата требуетъ изъ нижней инстанціи все дѣло и рѣшить сама. Но прежде еще внесенія апелляції она должна внести въ нижнюю инстанцію 25 рублей въ залогъ. Если недоволеть и рѣшеніемъ гражданской палаты, тогда имѣть право апеллировать въ сенатъ, внесши въ гражданскую палату въ залогъ 200 рублей. Вмѣсть съ апелляцію она предоставляетъ и свидѣтельство въ томъ, что апелляціонный искъ производился въ срокъ, положенный для него. Сенатъ, взявшись 12 пошлиниыхъ, принялъ апелляцію и свидѣтельство, судить въ собраніи сената единогласно; когда же иѣть, собирать чрезвычайное общее собраніе и решитъ большинствомъ голосовъ, когда дѣлъ трои согласны. Но если генераль-прокуроръ не согласитъ съ сенаторами, то отъ него требуютъ изложенія причинъ, послѣ

чего оны решить уже самъ или обще съ государственнымъ союзомъ.

Гоголь-Яновскій.

Попѣтка профессора:

Хотя не обстоятельно, но понятія о предметѣ видны. Профессоръ Н. Бѣлевичъ.

III.

АТТЕСТАТЪ. (*).

Николай Гоголь Яновскій, коллежскаго асессора Василия Аѳонсовича сынъ, поступившій 1 мая 1821 г. въ Гимназію Высшихъ Наукъ Князя Безбородко, окончилъ въ оной полный курсъ ученимъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1828 г., при поведеніи очень хорошемъ, съ слѣдующими въ наукахъ успѣхами: въ Законѣ Божіемъ съ очень хорошими, въ нравственной философіи съ очень хорошими, въ логикѣ съ очень хорошими, въ россійской словесности съ очень хорошими, въ правахъ римскомъ: съ очень хорошими, въ россійскомъ

(*) Редакція «Современника» получила этотъ документъ отъ г. Р-го при слѣдующемъ письмѣ: «Въ февральской книжкѣ «Современника» настоящаго года помѣщена статья: «Опытъ біографіи И. В. Гоголя». Въ статьѣ этой (стр. 50) авторъ говоритъ: «Особенно я любилъ оны (Гоголя) математику. Въ земледѣльскомъ тоже былъ очень слабъ, такъ что, до перѣѣзда въ Петербургъ, едва ли смогъ помнить безъ пособія словаря книгу на французскомъ языкѣ. Къ вѣнгерскому и англійскому языкамъ оны питали и послѣдствіемъ какое-то отвращеніе.»

«Въ томъ, что оны не любили математику,ѣсть сомнѣнія: доказательствомъ этому служитъ отмѣта въ аттестатѣ его: есть средствами: успѣхами, и цѣлѣвой отмѣти, чѣмъ Гоголь, въ другиѣ наукахъ, иѣтъ. Но что касается до языковъ французскаго и вѣнгерскаго, то трудно согласовать слова автора, цѣлѣвой статьи съ аттестатомъ; ибо во французскомъ языкѣ оны оказались успѣхи «очень хороши», и, съдовѣтельнѣ, должны были знать этотъ языкъ такъ, что могъ читать книгу безъ словаря, ибо, въ противномъ случаѣ, профессоръ сказывалъ бы успѣхи его средствами, какъ, напримѣръ, въ математикѣ. Въ вѣнгерскомъ же языкѣ успѣхи его были «превосходные», и для того, чтобы получить подобную отмѣту, нельзя было имѣть отвращенія къ этому языку. Тѣмъ струдлиѣ согласиться съ авторомъ статьи, что вообще учителя, а тѣмъ болѣе профессоры, языка вѣнгерскаго ставили и ставятъ въ укоръ незнаніе его, на этомъ основаніи, что, какъ говорятъ они, безъ этого языка человѣкъ образованіемъ быть не можетъ, а употребляя слово «превосходные», профессоръ Зингертъ, сколько видимому, возвѣдаетъ должное, потому что слово это встрѣчается въ аттестатѣ «Гоголя только два раза.

«Быть можетъ, г. авторъ не имѣетъ въ виду аттестата Гоголя: въ такомъ случаѣ я считаю долгомъ сообщить редакціи копію съ копіи онаго (находящейся въ Сенатской Архивѣ).

«Г. Р - ІІ.»

гражданскомъ съ очень хорошими , въ уголовномъ съ очень хорошими, въ государственномъ хозяйствѣ съ очень хорошими, *въ чистой математикѣ съ средственными*, въ физикѣ и началахъ химії съ хорошими, въ естественной исторіи съ превосходными , въ технології , въ военныхъ наукахъ съ очень хорошими , въ географії всеобщей и россійской съ хорошими, въ исторіи всеобщей съ очень хорошими, въ языкахъ : латинскомъ съ хорошими, *въ нѣмецкомъ съ превосходными*, *французскомъ съ очень хорошими*, въ греческомъ (*), и по окончательномъ испытаніи конференцію Гимназіи, на основаніи устава ея , въ 19 день февраля 1845 г. Высочайше утвержденного, удостоенъ званія студента и г. министромъ Народнаго Просвѣщенія , въ силу того же устава , утвержденъ въ правѣ на чинъ 14 класса , при вступлениі въ гражданскую службу , съ освобожденіемъ его отъ испытанія для производства въ высшіе чины , и при вступлениі въ военную службу, черезъ шесть мѣсяцевъ , въ нижнихъ званіяхъ , на чинъ офицера , хотя бы въ полку , въ которомъ принять будетъ , на тотъ разъ и вакансіи не было. Въ засвидѣтельствованіе чего и данъ ему, Гоголь-Яновскому, сей аттестатъ отъ конференціи Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко , за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ казенной печати . Нѣжинъ 1820 г. Января 25 дня. Подлинный подписали : Гимназіи Высшихъ Наукъ Князя Безбородко директоръ Данило Ясновскій , законоучитель нѣжинскій протоіерей Павелъ Волынскій , старшій профессоръ юридическихъ наукъ Михаиль Бѣлевичъ , старшій профессоръ предметовъ россійской словесности надворный совѣтникъ Парфентій Никольской , физико-математическихъ наукъ старшій профессоръ надворный совѣтникъ и кавалеръ Карль Шапаллинскій , историческихъ наукъ старшій профессоръ и кавалеръ Кирилъ Монсеевъ , французской словесности профессоръ Ландрашинъ , вѣмецкой словесности профессоръ Фридрихъ Зингеръ .

(*) Нѣтъ отмѣтки.